

ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.А. ДОБРОЛЮБОВА

LANDESSPRACHENINSTITUT
IN DER RUHR-UNIVERSITÄT BOCHUM

ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРА: взаимодействие и взаимовлияние

Четвёртая международная научная конференция

Вологда
Нижний Новгород
2020

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

«Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова»

«Вологодский государственный университет»

«Landesspracheninstitut in der Ruhr-Universität Bochum»

Нижегородское региональное отделение Союза переводчиков России

Вологодское региональное отделение Союза переводчиков России

**IV Общероссийская научная онлайн-конференция
с международным участием
«Перевод и культура:
взаимодействие и взаимовлияние»
(10-11 октября 2020 г.)**

Сборник тезисов

Нижегород
2020

УДК 81(06)
ББК 81.18+71
П27

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-012-22004 «Онлайн-конференции»

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО НГЛУ

Р е ц е н з е н т ы:

д-р культурологии, проф. М. А. Кулинич

(Самарский государственный социально-педагогический университет)

д-р филол. наук, доц. Е. В. Терехова

(Национальный научный центр морской биологии им. А. В. Жирмунского,
Дальневосточное отделение Российской Академии Наук)

П27 Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: сб. тезисов IV
Общероссийской научной онлайн-конференции с международным уча-
стием, Нижний Новгород, 10-11 октября 2020 г. / отв. ред. А. В. Иванов.
— Нижний Новгород : НГЛУ, 2020. — 202 с.

ISBN 978-5-85839-345-0

Сборник содержит материалы IV Общероссийской научной онлайн-конференции с международным участием «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние», проведенной совместно Высшей школой перевода Нижегородского государственного лингвистического университета, кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Вологодского государственного университета и Институтом иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете г. Бохума (Германия) при участии Нижегородского и Вологодского региональных отделений Союза переводчиков России 10-11 октября 2020 г. в г. Нижний Новгород.

В центре внимания исследователей — вопросы воздействия фактора культуры на осуществление переводческой деятельности, культурно-обусловленные особенности языковых структур, проявляющиеся при осуществлении перевода, проблемы подготовки преподавателей перевода, а также будущих переводчиков с учетом фактора культурной обусловленности перевода как коммуникативно ориентированной посреднической деятельности.

Сборник предназначен для теоретиков и практиков перевода, преподавателей перевода, переводчиков-практиков, аспирантов и студентов, обучающихся по направлению подготовки «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение»).

УДК 81(06)
ББК 81.18+71

ISBN 978-5-85839-345-0

© Авторы, 2020
© НГЛУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	10
«Чувственный образ бесконечности»: интерсемиотический перевод русской классики на язык зарубежного кинематографа <i>О. А. Леонтович</i>	10
Художественный перевод как «свое» и «чужое»: диалог И. А. Бунина о Каине с Байроном и современниками <i>С. Б. Королева, М. И. Кузьмина</i>	12
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА»	15
Общая модель компетенций преподавателя перевода: возвращаясь к вопросу <i>Д. Н. Шлепнев</i>	15
Культурологическая компетенция преподавателя как условие эффективности обучения переводу <i>В. В. Сдобников</i>	17
Культурологический аспект подготовки преподавателей перевода <i>О. В. Петрова</i>	19
О готовности преподавателей перевода учитывать культурный фактор при обучении специальным видам перевода <i>Р. М. Шамилов</i>	21
Зачем преподавателю перевода история языка? <i>А. В. Иванов</i>	23
МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЙ	28
МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА»	28
О трудностях передачи англоязычных терминов научно- технической литературы на русский язык и путях их преодоления <i>В. Н. Бабаян</i>	28
Передача риторических фигур и приемов при переводе ораторской речи на примере перевода инаугурационной речи Д. Трампа <i>И. И. Балаева</i>	30
О вариантах перевода лексемы «das Ding» в спортивном дискурсе <i>Р. В. Белютин</i>	32
Названия залов музейной экспозиции как объект перевода (на материалах переводов для Центрального военно-морского	

музея им. Императора Петра Великого) <i>М. И. Сивохо</i>	34
Лингвокультурологические аспекты использования англицизмов в норвежском экономическом дискурсе <i>И. В. Боровикова</i>	35
Особенности морфологии и синтаксиса испанских военных текстов <i>А. Н. Гуров</i>	37
Особенности перевода гастрономических реалий Вологодской области на английский и немецкий языки <i>Н. В. Глинкина, О. В. Гоголева</i>	39
Антропоморфная метафора в климатическом дискурсе (на материале англоязычных Интернет-сайтов) <i>К. А. Дубровских</i>	41
Перевод терминологии в юридическом тексте <i>Т. Е. Жакова</i>	43
Использование лингвистического корпуса в работе переводчика <i>К. В. Иргизова</i>	45
Лингвокультурное пространство английских неологизмов: особенности перевода <i>В. В. Катермина</i>	47
Перевод игры слов в аудиовизуальных текстах (на материале сериала <i>How I Met Your Mother</i>) <i>А. В. Краснова</i>	49
Временные формы глагольных идиом немецкого языка (корпусное исследование) <i>Е. Б. Кротова</i>	51
Библейская идиоматика в переводе на русский и испанский языки <i>О. В. Федосова, М. В. Кутьева</i>	53
К вопросу о сложностях перевода французской политической метафоры <i>П. Г. Логинова</i>	55
Корпусные методы в изучении аудиовизуального перевода <i>С. А. Маник</i>	58
К вопросу о так называемых «ложных друзьях переводчика» <i>С. Р. Недбайлик, А. Д. Гусарова</i>	60

Учет этнокультурной специфики немецкой охотничьей лексики в переводе на русский язык <i>А. М. Поликарпов</i>	62
Способы и проблемы перевода русской иконописной лексики на немецкий язык (стилистический аспект) <i>Е. В. Поликарпова</i>	64
Особенности перевода многозначных терминов <i>О. Б. Полянчук, Ю. А. Гребцова</i>	66
Профессионализмы как осложняющий фактор при переводе научно-популярного текста <i>С. В. Пшеничная</i>	68
Национально-культурная обусловленность текста и прагматическая адаптация при его переводе <i>М. Ю. Родионова</i>	70
Специфика перевода русских культурных реалий на немецкий язык в публицистических текстах <i>Е. С. Степанов</i>	71
Влияние языковой картины мира на формирование научных терминов — обозначений снега и льда в германских языках <i>В. И. Стрелков</i>	73
Трудности перевода фразеологизмов в дискурсе немецкого футбольного тренера Ю. Клоппа <i>М. Н. Тришина</i>	76
Специфика перевода юридических терминов (на примере англо-американского уголовного права) <i>Т. В. Ускова, И. Д. Бекоева, А. В. Кулумбегова</i>	79
МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ»	81
Обучение переводу как фактор формирования межкультурной толерантности студентов лингвистических специальностей <i>М. А. Викулина, А. Р. Бязрова, Д. Г. Алборова</i>	81
Принципы составления русско-французского глоссария в сфере европейских образовательных проектов <i>С. А. Гельдыева</i>	82
Лексические ошибки детей-инофонов в письменных текстах на русском языке как средство выявления агнонимичных зон <i>Е. В. Грудева</i>	86

Новые тенденции в обучении письменному переводу: revising и post-editing machine translation (PEMT) <i>А. А. Исаева</i>	88
Перевод и softskills: о конкурентных преимуществах грамотно подготовленного переводчика <i>К. Е. Калинин</i>	90
Учебная практика как средство формирования лингвокультурной компетенции будущего переводчика <i>С. В. Калининна, Л. В. Коцюбинская</i>	93
Волонтерство как инструмент развития профессиональных навыков переводчиков <i>А. М. Ключина</i>	94
Как снизить уровень ситуативной тревожности у студентов-переводчиков? <i>Е. С. Коканова</i>	96
Национальный корпус русского языка как эффективный инструмент языковой подготовки переводчика <i>И. А. Котюрова</i>	98
Новые технологии в переводе: проблема преподавания и оценки учебного письменного перевода <i>М. М. Лютянская</i>	100
Специфика анализа терминов в процессе подготовки переводчиков <i>А. А. Малахова</i>	102
Перевод как фактор развития культурной самоидентичности личности <i>Е. А. Малютина</i>	106
Эффективный поиск в сети <i>А. Н. Малявина</i>	108
Количество предложений при воспроизведении текстов на L1 и L2 студентами — будущими переводчиками начального этапа обучения <i>А. А. Мещерякова, Т. Н. Синеокова</i>	110
Переводческая запись при устном последовательном переводе с позиций ведущих переводческих школ <i>М. В. Михайловская</i>	111
Неличные формы английского глагола как источник грамматических ошибок при нейронном машинном переводе <i>Н. С. Пак</i>	113

Проблема достижения аутентичности речи на иностранном языке: синтаксический аспект <i>С. Е. Рахманкулова, Н. А. Кохан, Р. А. Кузьмин</i>	115
Развитие социокультурной компетенции будущих переводчиков в рамках дисциплины «Страноведение» <i>И. А. Рябцевич</i>	117
Специфика реализации дополнительной профессиональной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в военных образовательных организациях высшего образования <i>О. В. Соболева</i>	119
Использование сходств в лексической семантике немецкого и английского языков для оптимизации их изучения <i>М. Б. Чиков, Д. М. Торопкина</i>	121
Обучение будущих переводчиков фонетической стороне речевой деятельности <i>А. Ю. Шестопал</i>	123
Межкультурная компетенция переводчика: ... и что-то еще? Теоретическая и дидактическая заметка <i>Д. Н. Шлепнев</i>	124
Формирование навыков работы с информацией с помощью ведущих текстов музейных экспозиций при подготовке переводчиков <i>В. Н. Шмакова</i>	127
Cultural Training of Translators <i>Ajmal Shahim</i>	128
МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК НОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»	130
Translation Strategies in University Website Universalization <i>Parthena Charalampidou, Simos Grammenidis</i>	130
IT Translation <i>Mawluddin Noori</i>	131
Natural Language Processing for Language Translation <i>Ghulam Rasoul Zaini</i>	132
IT in Translation <i>Anosha Sobat</i>	134
Предотвращение кросскультурных коммуникативных коллизий при письменном деловом общении в цифровой среде <i>Е. В. Думина, Д. Д. Остаева</i>	136

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПЕРЕВОДА»	139
«Волшебная гора» Томаса Манна в переводе Исаака Башевиса Зингера: «Потерянный рай», или «Родина в языке» <i>С. Н. Аверкина, И. А. Бекин</i>	139
Языковая картина мира в прозе И. С. Тургенева как объект переводческой деятельности <i>Л. М. Бондарева</i>	141
Культурологические аспекты выражения сострадания в англоязычном художественном тексте <i>А. М. Власова</i>	143
Способы передачи эмотивов при переводе художественных текстов <i>Е. Н. Воротилина</i>	145
Роль образа в переводческой деятельности <i>О. В. Голубева</i>	146
Некоторые особенности трансформации семантического пространства образной метафоры в русскоязычном переводе романа-антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир» <i>Н. А. Дедова</i>	148
«И остави нам долги наша...»: перевод и адаптация молитвы Господней в межкультурном диалоге <i>Ю. Н. Драчева, Е. В. Опахина</i>	151
К вопросу о переводимости / непереводимости: регионально обусловленные трудности при переводе мемуарных текстов <i>А. С. Епимахова</i>	153
Иностранный Достоевский <i>А. Н. Кочетков</i>	155
«Типичное» и «нетипичное» этнопортрета нации в репликах героев художественной прозы <i>М. А. Кривенькая</i>	156
Тенденции в переводе аннотации художественного текста <i>Л. В. Стахова</i>	159
Передача «бунинской тональности» в переводе (французский перевод цикла рассказов «Темные аллеи») <i>Н. И. Тарасова</i>	161
Поэтические переводы А. Н. Островского с немецкого языка <i>Ю. Л. Цветков</i>	163

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА, КУЛЬТУРА, ДИСКУРС»	167
Лингвистический ландшафт в контексте теории и практики перевода <i>О. Ю. Иванова</i>	167
Синхронный перевод: когнитивные механизмы и стратегии <i>М. Е. Коровкина, А. Л. Семенов, П. А. Рыкова</i>	168
Роль перевода в создании мультязычного городского лингвистического ландшафта <i>Е. Д. Маленова</i>	171
Стратегии перевода текстов наружной рекламы <i>О. В. Марченко</i>	173
Прагматика перевода медиатекстов альтернативной журналистики (на материале контента онлайн-платформы dekoDer) <i>В. А. Митягина</i>	175
Перевод официальной документации и институт присяжных переводчиков <i>А. В. Моисеенко, А. З. Цховребова</i>	177
Национально-культурный компонент креолизованного текста в ракурсе перевода <i>С. Ю. Павлина</i>	179
Манипулирование как переводческое решение в рамках культурологического осмысления перевода <i>Е. Н. Сидорова</i>	181
Публичные выступления: регулятивные средства, стратегии перевода <i>Е. В. Стефанова</i>	182
Выражение каузальных отношений в русском языке <i>Фан Юань</i>	184
Роль культурологического компонента в создании позитивного имиджа на англоязычном сайте университета <i>Е. М. Шиман</i>	186
Cultural Issues in Translation: Problems and Solutions <i>Mohammad Ibrahim Qani</i>	188
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	191

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

«ЧУВСТВЕННЫЙ ОБРАЗ БЕСКОНЕЧНОСТИ»: ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД РУССКОЙ КЛАССИКИ НА ЯЗЫК ЗАРУБЕЖНОГО КИНЕМАТОГРАФА*

О. А. Леонтович

Понятие интерсемиотического перевода, или трансмутации, было введено Романом Якобсоном (Jacobson 1959) для обозначения особого типа семиозиса — интерпретации вербальных знаков с помощью невербальных. Ученые, пытающиеся осмыслить его с семиотической, герменевтической, эпистемологической точек зрения, предлагают использовать термины «транспозиция» (ibid.; Dusi 2010), «адаптация» (Eco 2003), «ресемиотизация» (Iedema 2003: 41) и т. д., за каждым из которых стоят разные подходы к толкованию данного явления. Результатом повсеместного внедрения цифровых технологий становится «децентрализация языка» как основного средства смыслопроизводства и размывание границ между вербальными и визуальными средствами коммуникации (ibid.).

Применение понятия интерсемиотического перевода к зарубежным экранизациям и сценическим постановкам русской классики позволяет исследовать механизмы трансформации изначальных авторских смыслов в контексте межкультурного общения, где природа смыслопроизводства обретает новые формы, выступая как многоуровневый диалог между исходным литературным произведением и его интерпретацией для целевой аудитории. В качестве материала исследования выступают 19 американских, западноевропейских, китайских, индийских и японских экранизаций, бродвейский мюзикл *Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812* по мотивам *Войны и мира* Л. Толстого, британские спектакли *Анна Каренина* и *Три сестры*, а также 9 российских экранизаций, используемых для сопоставления.

Анализ позволяет заключить, что при интерпретации оригинала режиссеры руководствуются тремя основными целями:

* Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 17-29-09114 «Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и КНР».

коммерческой, творческой и идеологической. Первая (коммерческая) цель связана с коммодификацией произведения, его адаптацией к ценностям, вкусам и культурным предпочтениям потенциальных потребителей. Вторая (творческая) цель определяется тем, как режиссер прочитывает произведение и воплощает его в виде фильма или сценической постановки. Третья (идеологическая) цель обусловлена внутренней и внешней политикой государства, а также политическими взглядами создателей фильма/спектакля.

Как и при переводе с одного языка на другой, в процессе интерсемиотического перевода используются стратегии доместикации и форенизации. Так, во всех проанализированных нами индийских экранизациях применяется доместикация, то есть используется русский сюжет, однако действие перемещается в Индию. Китайская экранизация произведения Б. Васильева *А зори здесь тихие*, напротив, основана на форенизации — попытке в мельчайших деталях воспроизвести для целевой аудитории русскую специфику оригинала. Мы также выделяем третью стратегию — генерализацию — как стремление передать общечеловеческие смыслы, актуальные для разных культур.

Анализ трансформаций, сопровождающих переозначивание литературного текста на язык кинематографии либо сценического искусства, позволяет выявить положительные и отрицательные последствия интерсемиотического перевода с точки зрения передачи глубинных смыслов оригинала, его ценностного и нравственного содержания.

Библиографический список

Dusi N. Translating, Adapting, Transposing // *A Learned Journal of Literary Research on the World Wide Web*. 2010. Issue 24 (9). Pp. 82—95.

Eco U. *Dire quasi la stessacosa. Esperienze di traduzione.* Milan: Bompiani, 2003.

Iedema R. Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice // *Visual Communication*. 2003. 2 (29). Pp. 29—57.

Jacobson R. *On Linguistic Aspects of Translation* // *On Translation* / ed. by R. Brower. Cambridge: Harvard University Press, 1959.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»:
ДИАЛОГ И. А. БУНИНА О КАИНЕ С БАЙРОНОМ
И СОВРЕМЕННОКАМИ***

С. Б. Королева, М. И. Кузьмина

В 1907 г. в издательстве «Шиповник» был опубликован новый перевод знаменитой «метафизической» драмы Байрона *Каин*. Переводчик — И. А. Бунин, на тот момент уже обладатель Пушкинской премии по литературе. Известно, что Бунин обратился к переводам из Байрона по собственному почину (Нинев 1984: 205), что помимо *Каина* он перевел две другие «метафизические» поэмы Байрона: *Манфред* (опубликована в 1904 г.) и *Небо и Земля* (опубликована в 1909 г.) и что до Бунина байроновского *Каина* переводили (фрагментарно и полностью) семь раз.

Из всех переводов Бунина из Байрона именно *Каин* стал наиболее знаковым для эпохи. Он подтолкнул К. С. Станиславского и В. М. Немировича-Данченко в 1907 г. включить мистерию в репертуар МХТ, и только запрет Священного Синода отодвинул этот режиссерский замысел до послереволюционного 1919 г., когда он и был триумфально и совершенно новаторски осуществлен. Он стал особым проявлением большого интереса творцов эпохи Серебряного века к теме каинства, причем каинства в протестантском и именно поэтому байроновском варианте. В мистерии Байрона *Каин* сказался глубинный поворот всей европейской культуры к драматическому, личностному, деятельностному осмыслению и проживанию реальности личной и человеческой истории. Именно в ней оформился тот новый — протестантский — тип образа Каина, который проходит через всю европейскую культуру, с начала XIX в.: это «модель преображенного Каина», «начало» которой «положила поэтическая драма Байрона» (Quinones 2014: 88) и которая осмысляет суть человека рефлексирующее, вопрошающее, самосознающее сознание.

Интерес именно к такому Каину выразился в творчестве Бунина не только в переводе драмы Байрона, но и в стихотво-

* Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 20-012-00310 «Святая Русь» как константа: развитие концепта в русской литературе и философской публицистике и его восприятие в западноевропейских культурах (1820-е — 1920-е гг.).

рении *Каин* (1906-1907 гг.) — этом особом поэтическом диалоге с переведенным произведением Байрона, а также и в других его философских стихах, тесно связанных с *Каином* (*Сатана Богу, Джордано Бруно, Прометей в пещере*). Он отразил широкий контекст интеллектуальной культуры Серебряного века: те вопросы о человеческой природе, истории, будущем, которые в поэтическом творчестве Н. С. Гумилева (*Потомки Каина, Адам*) и Вяч. Иванова (*Стены Каиновы*), в философско-публицистическом диалоге Д. С. Мережковского (*О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы, Грядущий Хам*), Вяч. Иванова (*Байронизм как событие в жизни русского духа*) и А. В. Луначарского (*Театральные впечатления, часть Скарнео в «Каине»*) оказались цепко связанными с протестантским образом Каина.

В бунинском стихотворении *Каин* философский диалог с Байроном и европейской культурой имеет особую глубину потому, что автор стихотворения — переводчик ключевого для этого диалога текста, интерпретатор его смыслов. В бунинском героическом сливаются черты благородного титана-вопрошателя, титана-деятеля и богоборца в традиции байроновского Каина и первобытно-дикого героя «по ту сторону добра и зла». Подчеркнутая противоречивость образа связана с дерзостью исканий Каина, в конечном итоге, с его гордым стремлением сделать свое «Знание, Разум и Свет» мерилom правды и справедливости. В этом Бунин близко следует Байрону. И, однако, определенно снижая мотив богоборчества (бунинский Каин хочет лишь «отомстить» Творцу), Бунин закрепляет за образом не столько положительную, сколько отрицательную окраску. Более того, если байроновский Каин дан изнутри как центр внутреннего действия, как близкий автору образ, то бунинский Каин предельно отчужден и от читателя, и от автора, и от истории человечества. «Род приходит, уходит, / <...> / Нет, он строит, возводит / Храм бессмертных племен — Баальбек». Бунинский Каин существует как бы в параллельном пространстве по отношению к череде человеческих «родов», он подчеркнута мифологичен, поэтому его действия лишь отчасти лежат в области прошедшего, отчасти же — в области настоящего и будущего. В этом смысле он — «чужое», что подчеркивается восточными и дикарскими мотивами в его образе: «Из пустыни и зноя литой, / Опоян он шкурой, / Шкурой льва, золотой и густой» и т. д. В то же время, именно мифологичность образа поз-

воляет воспринимать его как архетип, *но не человеческой истории, а человеческой природы*. Каин в стихотворении Бунина — архетип внутренней сущности человека.

В бунинском Каине неизбежное человеческое, протестантски и, одновременно, ницшеански звучащее «свое» (свойственное человеку вообще) расценивается во многом как «чужое»: чуждым гармонической красоте текста и лозунгу «только Знание, Разум и Свет» оказывается и то, что Каин безобразно «швыряет», «громоздит» «скалу на скалу», и то, что он делает это во имя одной неизменной цели: «Он дрожит, умирает... / Но Творцу отомстит, отомстит!». Основными чертами вневременной природы человека в этом бунинском тексте предстают *страстность* вплоть до звериного дикарства, *дерзость* вплоть до богоборчества и *деятельность* вплоть до титанического устроительства мира.

Библиографический список

- Нинев А. А. М. Горький и И. Бунин. Л.: Советский писатель, 1984.
Quinones R. J. The Changes of Cain: Violence and the Lost Brother in Cain and Abel Literature. Princeton: Princeton University Press, 2014.

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
«ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА»**

**ОБЩАЯ МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
ПЕРЕВОДА: ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ***

Д. Н. Шлепнев

В рамках настоящей конференции мне было предложено вернуться к ранее представленной (Шлепнев 2020: 422) модели компетенций преподавателя переводческих дисциплин и, если возможно, затронуть вопрос межкультурной компетенции.

Напомню общую схему:

Схема 1. Компетенции преподавателя перевода

Модель задумана не взамен уже имеющимся, а как своего рода окуляр: наведя его на предмет обсуждения, можно чуть лучше увидеть, ведется ли разговор о существенном и не упускаются ли при этом какие-то важные детали.

Наличие профессиональных переводческих знаний и умений можно считать требованием самоочевидным, на чем сейчас останавливаться не будем. Собственно дидактические компетенции имеют двоякую природу, что тоже должно быть очевидным, но, похоже, менее отрефлектировано: компетенции, необходимые всякому преподавателю «вообще», и компетенции пре-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149 «Основные принципы подготовки преподавателей перевода».

подавателя именно переводческих дисциплин.

И, наконец, крайне важная деталь, которая легко упускается из вида, — это дуализм переводческих и специально-дидактических компетенций: их подразделение на общие и частные. Частные сопряжены с выполнением каких-либо конкретных работ или видов переводческой деятельности. (О, ренессансная широта специалиста во всех областях сразу...)

Пренебрежение в том числе этим фактом, игнорирование того, что существуют-таки различные специализации и виды работ, имеющие свои особенности, предполагающие свой набор требований, может приводить к досадным последствиям и проявляться по-разному: неполнота информации, сообщаемой студентам, или ее искажение; узколингвистический подход к переводу, заикленность на работе с отдельными предложениями и на «трансформациях»; внедрение в программы актуальных (или просто модных названий) дисциплин при равнодушии к кадровому обеспечению; назначение любого преподавателя перевода на преподавание любой переводческой дисциплины безотносительно к его знаниям и устремлениям; отсутствие дифференциации дисциплин и существование лишь одного предмета, например, под кодовым названием «письменный перевод»; перевод на всем протяжении обучения лишь одной категории текстов, причем наименее востребованных (например, только общественно-политических); использование на госэкзамене по письменному переводу только общественно-политических текстов... И когнитивный диссонанс при столкновении с реальной практикой...

Ни в одной общей модели такие частные требования описать невозможно. Следовательно, во-первых, необходимо осознание проблемы, причем не только самими преподавателями, но и теми, кто осуществляет общее руководство образовательным процессом в вузе. Во-вторых, нужна разработка рекомендаций и т. п. по конкретным дисциплинам и видам деятельности.

Что же касается межкультурной компетенции, для данной схемы это — более низкий уровень обобщения. Здесь, впрочем, стоит заметить следующее. Полагаю, у этой компетенции два компонента: переводческий как естественная часть собственно переводческих компетенций и собственно дидактический — знакомство с зарубежным дидактическим опытом, умение его оценивать, осваивать и адаптировать... Межкультурная компе-

тенция многосоставна, а ее элементы соотносимы с иными компетенциями / (суб)модулями (см. мой секционный доклад).

В заключение также напомним о важной задаче: если существуют (полагаю, это так и есть) сугубо специфичные специально-дидактические компетенции, т. е. такие, которые не выводятся из общедидактических путем обычной конкретизации, их необходимо выявить и описать.

Библиографический список

Шлепнев Д. Н. К вопросу о компетенциях преподавателя перевода: попытка общей модели (рамочной конструкции) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Симферополь, 23-25 апреля 2020 г. / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 422—427.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ*

В. В. Сдобников

Одним из условий успешной профессиональной деятельности преподавателя перевода является наличие у него развитой культурологической компетенции хотя бы уже потому, что объект обучения — перевод — по своей сути есть не только «столкновение языков», но и «столкновение культур». В последние десятилетия отечественные и зарубежные исследователи предложили перечни компетенций, которыми должен обладать преподаватель перевода (*translator trainer*). Так, Д. Келли к их числу относит опыт переводческой деятельности (*professional translation practice*), знание основ переводоведения (*Translation Studies as an academic discipline*) и навыки преподавания (*teaching skills*), при этом выделяя несколько «субкомпетенций» последней компетенции (Kelly 2005: 151). Д. Н. Шлепнев различает переводческие компетенции (общие и частные), общедидактические компетенции и специально-дидактические компетенции (общие и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149 «Основные принципы подготовки преподавателей перевода».

частные) (Sdobnikov, Shamilov, Shlepnev 2020). Удивление вызывает тот факт, что ни одна модель компетенций преподавателя перевода не содержит так называемой культурологической компетенции.

В общем смысле культурологическая компетенция преподавателя перевода подразумевает знание особенностей осуществления речевой коммуникации в культуре исходного языка и в культуре переводящего языка. Следуя логике Д. Н. Шлепнева, можно выделить общую и частные культурологические компетенции. К общей культурологической компетенции следует отнести знание национально-специфических моделей речевого поведения, характерных для представителей разных культур вообще, то есть используемых во всех ситуациях официального и неофициального характера. К этому же виду культурологической компетенции можно отнести и знание универсалий, проявляющихся в речевом поведении представителей разных культур (своего рода общечеловеческие универсалии). Например, знание дипломатического протокола можно рассматривать как составляющую общей культурологической компетенции. К частным культурологическим компетенциям относятся знания об особенностях организации общения в разных коммуникативных ситуациях с участием представителей той или иной культуры. Примерами таких ситуаций могут быть деловые переговоры, написание научной статьи на определенном языке и т. п. Другими словами, речь идет о знании конвенций речевого поведения и представления информации, принятых в той или иной культуре применительно к определенным коммуникативным ситуациям.

Разумеется, культурологические компетенции предполагают не только знание специфики моделей речевого поведения в определенных ситуациях, но и умение учитывать их в профессиональной деятельности, в случае преподавателя перевода — в процессе практического выполнения перевода и в подготовке переводчиков. Для выработки такого умения недостаточно курса «Теория межкультурной коммуникации». Представляется, что преподавателей перевода нужно готовить особо, а, следовательно, и формирование культурологической компетенции преподавателей перевода должно рассматриваться как отдельная задача, решаемая в рамках специальной дисциплины с акцентом на ситуации межкультурной коммуникации с использованием пере-

вода и на принципы формирования культурологической компетенции у будущих переводчиков в процессе их подготовки.

Библиографический список

Kelly D. A Handbook for Translator Trainers: A Guide to Reflective Practice. Manchester: St. Jerome, 2005.

Sdobnikov V., Shamilov R., Shlepnev D. The Basic Requirements to Translator Trainers Competence // The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. Vol. LXXXVI. Pp. 1227—1236.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА*

О. В. Петрова

Вполне очевидно, что стоящая перед преподавателями перевода задача сформировать у студентов определенные профессиональные компетенции предполагает наличие этих компетенций у самих преподавателей. Преподаватель обязан знать и уметь все то, чему он должен научить студентов, плюс — знать, как этому учить, и уметь это делать.

Обычно, говоря о культурологической подготовке будущих переводчиков, имеют в виду те знания, которые студенты получают в курсах страноведения, межкультурной коммуникации и на занятиях по практике языка при изучении тем, связанных с обычаями, традициями и другими особенностями национальной культуры стран изучаемых языков. И при этом забывают, что немалая доля этой подготовки (в особенности лингвокультурологической) приходится на занятия по практике перевода, так что ответственность за нее в значительной мере ложится на преподавателей перевода.

Дело в том, что так называемая «культурная осведомленность» (cultural awareness) не сводится к знанию конкретных фактов, исторических событий и географических названий. Знать, разумеется, нужно как можно больше. Но никто не может знать всего. Само по себе это не страшно: встретившись с чем-то

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149 «Основные принципы подготовки преподавателей перевода».

незнакомым или не вполне понятным, переводчик сегодня может без труда найти нужную информацию. Его только необходимо приучить к тому, что нельзя себе позволять закрывать глаза на недопонятое и как-то это обходить в переводе. Важнее другое. Будущего переводчика нужно научить чувствовать разницу между языковыми картинами ИЯ и ПЯ, вживаться в мировосприятие носителей ИЯ на этапе чтения и анализа оригинала и при этом осознавать его отличие от мировосприятия носителей ПЯ.

Это трудно. И это требует от преподавателя перевода, во-первых, прекрасного знания культуры страны, на языке которой написан оригинал, а во-вторых, умения выявлять в тексте признаки того, что текст написан в рамках этой культуры, что в его основе — языковая картина мира, отличная от языковой картины мира носителей ПЯ. И именно этому умению он должен научить студентов. Причем не только умению выявлять расхождения в языковых картинах мира, в системе восприятия мира, в системе ценностей, но и умению осуществлять адаптацию текста перевода, при которой, во-первых, одна картина не подменяется другой, а во-вторых, — мировосприятие и мироощущение автора оригинала становится понятным получателю перевода. А сегодня ситуация осложняется еще и тем, что, как справедливо отмечают В. И. Ершов с соавторами, «культуры европейских стран интегрируются в единую общеевропейскую культуру, становится все более необходимым по-новому осознать технические и культурные достижения Европы в целом. Сейчас для переводчика — посредника в межкультурной коммуникации — уже совершенно недостаточно знать культурную, политическую и экономическую ситуацию только какой-либо одной страны» (Ершов и др. 2013: 11).

Все это требует от преподавателя перевода серьезной профессионально ориентированной культурологической подготовки, многоплановой и хронологически дифференцированной.

Библиографический список

Ершов В. И., Семенов А. Л., Нелюбова Н. Ю. Перевод — культура — система // *Russian Journal of Linguistics*. 2013. № 4. С. 11—17.

**О ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА
УЧИТЫВАТЬ КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ПРИ ОБУЧЕНИИ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ВИДАМ ПЕРЕВОДА***

Р. М. Шамилов

О важности учета культурного фактора при осуществлении перевода написано немало как в отечественном, так и в зарубежном переводоведении. Правда, следует добавить — при осуществлении перевода художественного. Бытует мнение (справедливое, безусловно), что культурный фактор является характерной чертой, если не исключительно, то преимущественно художественного перевода. И, следовательно, при обучении именно переводу художественных текстов, которые практически не обходятся без национально-культурных реалий, по устоявшейся традиции как бы в подтверждение теоретических воззрений, сложившихся в науке о переводе, преподаватели считают своим долгом обращать внимание студентов на различные переводческие проблемы, связанные с передачей культурно-специфических единиц, и оттачивать мастерство их решения разными способами прагматической адаптации.

Что касается специального перевода, то допущение возможности наличия культурно-специфических в специальных, или информативных (по В. Н. Комиссарову [Комиссаров 1990]) текстах, если не исключается вовсе, то происходит скорее интуитивно, и говорить о культурном факторе при обучении специальному переводу приходится, наверное, только тогда, когда преподаватель сам сталкивается с подобным явлением в конкретном тексте. Это суждение, однако, перестает быть справедливым, если под преподавателем специальных видов перевода подразумевать преподавателя, одновременно являющегося практикующим переводчиком именно в области специального перевода. В силу наличия опыта перевода текстов различной направленности и тематики (научные, технические, экономические, юридические, медицинские, спортивные и др.) преподаватель-переводчик оказывается более подготовленным с точки

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149 «Основные принципы подготовки преподавателей перевода».

зрения обучения студентов специальному переводу с учетом культурного фактора.

И тут вовсе не идет речь о том, чтобы студенты запомнили, что, например, британские единицы измерения в переводе на русский язык следует в обязательном порядке передавать единицами принятой в русском языке метрической системы. В том, что им это удастся, сомневаться не приходится. Задача же преподавателя более глобальна и скорее должна заключаться в попытке сформировать у будущих переводчиков в специальных областях соответствующий подход к специальным текстам как к объектам перевода, дать им понять, что и специальный текст может быть культурно окрашенным. Объяснить, например, что специальный текст «рождается» и «живет» в исходной культуре, и автор специального текста создает его, находясь, так сказать, в системе координат своей собственной культуры. Оттого и в специальном тексте, как и в художественном, могут найти применение культурные реалии, вероятность появления которых может варьировать в зависимости от тематики конкретного текста (например, в текстах туристической и кулинарной тематики вероятность составляет свыше 90%). Важно понимать, что в специальных текстах культурная реалья может не просто обозначать «национально-специфические особенности жизни и быта» (Нелюбин 2003: 178), носителей исходного языка, а в разных культурах и языках может являться конкретным результатом развития одной и той же научной мысли, одного и того же открытия, изобретения, события.

Библиографический список

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.

Нелюбин А. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.

ЗАЧЕМ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ПЕРЕВОДА ИСТОРИЯ ЯЗЫКА?*

А. В. Иванов

Тему моего выступления можно трактовать как в узком, так и широком смысле. Если говорить только об истории изучаемого языка как о дисциплине, которая входит в учебный план подготовки переводчиков, и, может быть, в перспективе, и будущих преподавателей перевода, а также о том, нужно ли вообще будущим переводчикам или преподавателям перевода знание того, как развивался тот или иной язык на протяжении столетий, то такая постановка вопроса, наверное, будет узкой, а сам вопрос риторическим. В широком смысле слова речь может идти вообще о теоретических лингвистических дисциплинах, которые преподаются будущим переводчикам и освоенность которых в той или иной мере помогает самому преподавателю перевода формировать у студентов необходимые лингвистические и иные профессиональные компетенции.

Пытаясь найти адекватный ответ на вопрос, сформулированный в названии моего выступления, я испытываю ощущение некоторой раздвоенности, поскольку во мне сосуществуют две профессионально ориентированные личности — личность преподавателя, который объясняет студентам и готов объяснить будущему преподавателю перевода, когда и как в языке сформировались и функционируют сейчас те или иные языковые категории и формы, и личность переводчика, который как-то не задается вопросом, когда, к примеру, в германских языках возникли формы пассивного залога и что послужило этому причиной, поскольку для практика очевидным образом релевантным оказывается не это знание, а знание того, как правильно те и иные формы применяются в современном языке. И здесь я вынужден с пониманием отнестись к мнению некоторых коллег, которые, применительно к учебным планам подготовки студентов-переводчиков в аспекте сопоставления этих планов с планами подготовки преподавателей иностранного языка, говорили о том,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149 «Основные принципы подготовки преподавателей перевода».

что история языка, возможно, должна занимать в учебном плане более скромное место по сравнению, скажем, с такой дисциплиной как стилистика (Методические основы... 2007). Если вообще занимать. Сказанное можно в известной мере приложить и к учебным планам подготовки преподавателей перевода, поскольку история языка не является практико-ориентированной дисциплиной в той степени, в какой таковой оказывается та же стилистика современного иностранного языка. Есть у меня возражения по этому поводу или нет, особого значения не имеет, поскольку в любом случае это возражение будет носить частный и, я бы сказал, заинтересованный, характер. Но одно уточнение я все же сделаю: и преподаватель перевода, и преподаватель иностранного языка должны соответствовать требованиям, которые предъявляются к ним как к профессионально сформированным языковым личностям, обладающим всем набором необходимых компетенций в лингвистической области. Если знание языка не равно умению переводить, и поэтому язык в этом смысле можно иногда отделить от перевода, то отделить перевод от языка несколько затруднительно, поскольку вне языка он просто невозможен. Предвидя комментарии коллег, сразу оговорюсь, что я имею в виду прежде всего практическое знание языка, необходимое переводчикам в их повседневной деятельности, а не теоретические его аспекты.

Я не хотел бы, однако, чтобы у коллег сложилось впечатление, что при подготовке преподавателей перевода можно, с моей точки зрения, пренебречь историей языка и его теорией. Поэтому позволю себе процитировать выдержку из рабочей программы дисциплины «История английского языка и введение в спецфилологию» для студентов переводческого факультета, обучающихся по программе специалитета: «Целью изучения истории первого иностранного (английского) языка на III курсе переводческого факультета является освоение студентами основных понятий спецфилологии, концепции диахронного и синхронного развития языков, а также краткое ознакомление студентов с историей возникновения и развития английского языка в связи с историей народа, с развитием культуры, с социальными и политическими событиями в стране. Задача же курса заключается в том, чтобы дать историческое объяснение основных закономерностей и особенностей системы современного английского языка, сложившей-

ся в результате многовекового развития, а также привить студентам основные умения и навыки в области диахронического анализа английских текстов. Курс способствует расширению и углублению общих и лингвистических знаний» (РПД 2019).

Что здесь могло бы принести пользу в процессе подготовки преподавателей перевода? Прежде всего, с моей точки зрения, это — углубленное знакомство с историей и культурой страны в их тесной связи с внутренней историей языка. При разработке программы дисциплины для будущих преподавателей перевода более серьезный акцент мог бы быть сделан на внешней истории языка, что, несомненно, способствовало бы расширению и углублению фоновых знаний обучающихся.

Что касается внутренней истории, т. е. лингвистической составляющей курса истории языка, то здесь, как представляется, бóльшую значимость приобретают не столько навыки диахронического анализа текстов на современном иностранном языке как таковые, которые, наверное, важнее для будущих преподавателей иностранного языка, чем для будущих переводчиков или преподавателей перевода, сколько тренировка навыков предпереводческого анализа древнеанглийского или среднеанглийского и, соответственно, древневерхненемецкого или средневерхненемецкого текста, умение применять уже известные обучающимся приемы перевода к текстам, относящимся к различным периодам истории языка. Собственно говоря, эту задачу я пытаюсь решать, плохо ли, хорошо ли, на протяжении ряда лет. Разумеется, нет смысла сравнивать специфику подготовки переводчика и преподавателя перевода, поскольку это вещи разного порядка, но ясно одно: что должен хорошо уметь делать будущий переводчик, то еще лучше должен уметь делать будущий преподаватель перевода.

Если в перспективе планируется составление учебных планов по специальности или направлению подготовки «Преподаватель перевода», целесообразно предусмотреть изучение курса истории языка не параллельно курсу общей теории перевода, а в связке с практическим курсом перевода первого иностранного языка. Очевидно, что с методической точки зрения, а также с учетом достижения целей и решения задач курса истории изучаемого языка, это принесло бы больше практической пользы. Сейчас курс истории языка на специалитете преподается в 1-м

семестре на 3-м году обучения (УП 2019), но есть, на мой взгляд, объективные предпосылки к тому, чтобы сделать его дисциплиной 2-го семестра хотя бы в учебном плане по направлению подготовки или специальности «Преподаватель перевода».

Помимо развития переводческих навыков, в ходе изучения курса особую значимость приобретают пресловутые межпредметные связи, как бы тривиально это не звучало. Я не имею в виду очевидные связи истории языка с историей и культурой страны изучаемого языка, лексикологией, стилистикой или практической грамматикой. Речь идет о связях межлингвистических, без которых курс истории языка просто немыслим. Это связи между двумя изучаемыми языками, прежде всего, в период языковой общности, особенно, если речь идет о языках, относящихся к одной группе или ветви языков. В рамках подготовки специалистов-переводчиков эти связи учитываются, и акцент на них делается постоянно и целенаправленно. Несомненно, что при подготовке преподавателей перевода эти связи приобретают не меньшую значимость с учетом роли и места методической составляющей в структуре учебного плана и входящих в него дисциплин. Мне пока не известно, чем именно будет наполняться этот план и в каких пропорциях, будет ли он выстраиваться на базе двух иностранных языков или одного, но ясно, что если профессиональная деятельность преподавателя перевода будет опираться на знание двух языков, роль этих связей переоценить трудно.

В целом, если проанализировать содержательную сторону компетенций по действующему ФГОС (ФГОС ВО 2016 [Электронный ресурс]), из тех, что должны освоить будущие переводчики в рамках изучения курса истории первого иностранного языка, то можно сделать вывод, что практически ни одна из этих формулировок в глобальном смысле не противоречит целям и задачам, которые могут быть поставлены в ходе подготовки преподавателей перевода.

В заключение, хотелось бы сказать еще об одном. Интерес же к истории языка и изучение ее можно сравнить со своего рода лингвистическим диггерством. Неслучайно поэтому, некоторые мои коллеги время от времени с любопытством осведомляются у меня, как продвигаются раскопки, и что интересного я обнаружил в могилах давно почивших предков, странным образом утративших способность выражать свои мысли на родном

языке сразу после скорбной кончины. Почему бы не придать этой дисциплине элемент диггерства переводческого с учетом целей и задач подготовки будущих преподавателей перевода, и компетенций, которые в перспективе они должны будут освоить? Поэтому, я бы несколько переформулировал вопрос, вынесенный в заголовок доклада, и предложил бы вариант: «Нужна ли будущему преподавателю перевода история языка?». Мой ответ — ДА.

Библиографический список

Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: Монография / под общ. ред. В. В. Сдобникова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2007.

РПД — История английского языка и введение в спецфилологию: Рабочая программа дисциплины (программа специалитета 45.05.01 Перевод и переводоведение (английский язык), специализация «Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений»). Нижний Новгород: НГЛУ, 2019.

УП — Учебный план по программе специалитета 45.05.01 Перевод и переводоведение (английский язык), специализация «Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений», утвержденный Ученым советом вуза от 22.03.2019 г., протокол № 11. Нижний Новгород: НГЛУ, 2019.

ФГОС ВО — Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение (уровень специалитета), утвержденный приказом Минобрнауки России от 17 октября 2016 г., № 1290. М., 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/3/2067>.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЙ

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА»

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕДАЧИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ПУТЯХ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В. Н. Бабаян

В настоящее время открыт доступ к информации мировой научно-технической литературы (НТЛ), в связи с чем возникает необходимость изучения НТЛ и способы передачи терминов НТЛ на русский язык. С точки зрения лингвистики особенности НТЛ распространяются на ее лексику, грамматику и стилистику. Основная задача научно-технического перевода состоит в предельно ясной и точной передаче сообщаемой информации.

Особенности стиля НТЛ — его *информативность, логичность, точность и объективность*. Все тексты НТЛ содержат языковые средства, способствующие удовлетворению потребностей данной сферы общения (Бабаян 2018; Бабаян 2019).

В области лексики это, прежде всего, использование научно-технической терминологии. Термины — слова, употребляемые исключительно в рамках данного стиля, так и специальные значения общенародных слов. Термины обеспечивают точное указание на реальные объекты и явления, устанавливают однозначное понимание специалистами передаваемой информации (Вейзе 1997; Бабаян 2019).

Так, по А. А. Паршину, термин — «...слово (группа слов), имеющее в пределах данной отрасли или специализации конкретный и единственный смысл, исключающий всякую возможность иного, отличающегося от предусмотренного автором понимания или толкования» (Паршин 2000). Термин может быть однословным и состоять из ключевого слова (1), или представлять собой терминологическую группу, в состав которой входит ключевое слово или ядро группы, одно (2) или несколько (3), (4) левых определений, и одно или несколько правых или предложных определений (5), уточняющих или модифицирующих смысл термина. Например: *printer* (1) — *принтер*; *input device* (2) — *устройство*

ввода; *computer-aided design system* (3) — система автоматизированного проектирования; *very high-speed integrated circuit* (4) — интегральная схема со сверхвысоким быстродействием. С ростом количества левых определений термин становится громоздким, поэтому его часто передают сокращением. Так, термин (3) встречается в текстах НТЛ в развернутой и в сокращенной форме: CAD – САПР. Термин (4) встречается только в сокращенной форме VHSIC. Однако не все термины подвергаются аббревиации, например, *laser* — лазер.

Наибольшую группу составляют термины, заимствованные из иностранных языков, или искусственно созданные чаще на базе латинского и греческого языков по мере развития науки и техники и появления новых понятий.

Возникают новые значения терминов-неологизмов, и терминологические словари не успевают их зарегистрировать. Поэтому переводчик вынужден сам создавать эквивалентные термины для выражения понятий на родном языке.

При переводе терминов-неологизмов следует проанализировать контекст. Если из него невозможно извлечь какие-либо признаки понятия, то нужно обратиться к специализированным словарям или специалистам в данной области. Если это не принесло ожидаемого результата, то переводчик может предложить свой вариант перевода (Вейзе 1997), т. е. создать термин-неологизм.

Выделяют несколько основных способов перевода терминов.

1. Калькирование: *bar code* — штрих-код, *magnetic tape* — магнитная лента.

2. Транскрипция: *joystick* — джойстик, *scanner* — сканер.

3. Транслитерация: *disk* — диск, *display* — дисплей, *virus* — вирус.

В случаях транскрипции и транслитерации следует обращаться к системам международной транскрипции и межалфавитного соответствия.

Итак, для адекватного перевода текстов НТЛ и предельно ясного и точного доведения до читателя сообщаемой информации переводчику необходимо кроме знания иностранного языка иметь познания в области науки и техники.

Библиографический список

Бабаян В. Н. О переводе терминов научно-технической литературы с английского языка на русский // Проблема модернизации совре-

менного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., г. Омск, 25 мая 2018 г. Омск: Издательство Ипполитова, 2018. С. 18—22.

Бабаян В. Н. К вопросу о специфике перевода текстов научно-технической тематики // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2019. № 1. С. 119—124.

Вейзе А. А. и др. Перевод технической литературы с английского языка на русский. Минск: БГУ, 1997.

Паршин А. А. Теория и практика перевода. М.: СГУ, 2000.

ПЕРЕДАЧА РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУР И ПРИЕМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ Д. ТРАМПА

И. И. Балаева

Играющие роль предметов воздействия — ментальность и поведенческие характеристики — представляют собой интерес для тех, кто в той или иной степени вовлечен в политическую сферу (Чудинов 2018: 60). Политический дискурс является средством манипуляции, средством доминирования или дискриминации, способом влияния и убеждения (Fairclough 1989). Именно этим обусловлено повышенное внимание к изучению политического дискурса.

Актуальность исследования заключается в том, что лексико-стилистический анализ речевых приемов и риторических фигур становится одной из ключевых ступеней в переводческом процессе. При переводе вышеупомянутых элементов необходимо учитывать специфичность дискурса. В нашем случае материалом для перевода послужил политический дискурс, а именно инаугурационная речь американского президента Д.Д. Трампа.

Целью исследования является изучение лексико-грамматических особенностей политического дискурса на основе лексического и стилистического анализа инаугурационной речи Д. Трампа на английском языке (Trump [Электронный ресурс]) и переводческого анализа упомянутой речи на русском языке («Настоящее время» [Электронный ресурс]).

Исследование опирается на точку зрения Э. В. Будаева (Будаев 2006). При анализе его работ нами было выявлено трехсту-

пенчатый подход к изучению политического дискурса. Первый этап предполагает изучение лексической составляющей текста как одного из главных факторов, влияющих на процесс перевода. Ко второму этапу относятся эксплицитные и имплицитные особенности текста, уделяется пристальное внимание трем философским категориям — форме, содержанию и значению. Третий, заключительный этап, нацелен на раскрытие заведомо ложных и скрытых интенций продуцента политического дискурса.

Избрание Трампа на пост президента США стимулировало дальнейший интерес к современному политическому дискурсу благодаря манере общения президента. Завершающим этапом вступления в должность президента является инаугурация. Этот этап предполагает визуализацию образа самого президента, а также передачу идей через публичное выступление.

Проведенный анализ показал, что в своей речи Трамп большое внимание уделяет пропаганде идеи единства нации и провозглашению величия Соединенных Штатов Америки. В его инаугурационной речи используются преимущественно синтаксические средства выразительности, такие как различные виды повторов и синтаксический параллелизм, придающие речи ритм, эмоциональность и связанность, и приобретающие наибольшую силу воздействия при вербализации понятия «патриотизм» и других традиционных американских ценностей.

Библиографический список

Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. Екатеринбург: УГПУ, 2006.

Настоящее время / Полная речь Дональда Трампа во время инаугурации на русском [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/28247234.html>.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Вып. 3 (69). Екатеринбург: УГПУ, 2018.

Fairclough N. Language and power. London: Longman, 1989.

Trump D. The inaugural address [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>.

О ВАРИАНТАХ ПЕРЕВОДА ЛЕКСЕМЫ «DAS DING» В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Р. В. Белютин

Изучение спортивного дискурса возможно в самых разных проекциях и перспективах (Белютин 2019). В данной работе мы обратимся к рассмотрению особенностей построения спортивного дискурса с использованием принципа «упрощение за счет ввода абстрактной единицы».

Присмотреться к спортивному дискурсу с данного ракурса нас настроило краткое замечание известного немецкого лингвиста А. Буркхардта о том, что в немецком языке спорта, в частности, языке футбола, встречаются подобные случаи. Ср.: «Mit „vereinfachende Abstraktion“ ist gemeint, dass, besonders im Fußballjargon, ein gewisser Hang besteht, konkrete Bezeichnungen durch Wörter mit abstrakter Bedeutung zu ersetzen ...» (Burkhardt 2006: 5).

При этом, как показывают наши наблюдения, данное явление имеет в спортивном дискурсе системный характер. О системности можно говорить исходя из количества абстрактных лексем («Ding», «stehen», «Qualität», «Situation», «eng», «kommen», «gehen», «machen» и др.) и многообразия описываемых через них спортивных аспектов, начиная с обозначения занимаемой спортсменом игровой позиции на площадке до их профессиональных компетенций.

Много интересных деталей содержится в данной теме для транслатологической науки. Достаточно назвать пример с «внутренней» многозначностью лексемы «Ding», чтобы оценить степень влияния этого фактора при переводе данного слова на русский язык. Без этого знания и без учета контекста, который, как мы убедились, может многократно меняться, представить адекватный, соответствующий всем транслатологическим требованиям и нормам перевод на русский язык будет весьма затруднительно. Ср.:

*Dann legt der 32-Jährige das **Ding** perfekt in den Lauf von Hakimi ...* (Sportdaten [Электронный ресурс]).

Вариант перевода: *Затем тридцатидвухлетний футболист филигранно (мастерски) отдает мяч на ход Хакими ...*

*Das **Ding** ist hier noch lange nicht durch* (bz-berlin [Электронный ресурс]).

Вариант перевода: *Интрига в матче еще сохраняется (не убита).*

*Ansonsten aber ein **munteres Ding** da in Hamburg* (11freunde [Электронный ресурс]).

Вариант перевода: *А вообще веселый матч мы тут наблюдаем в Гамбурге.*

*Langes **Ding** in den Bayern-Strafraum* (11freunde [Электронный ресурс]).

Вариант перевода: *Длинная подача (навес) в штрафную «Баварии».*

*Das nächste dicke **Ding!*** (kicker.de [Электронный ресурс]).

Вариант перевода: *Очередной великолепный шанс для взятия ворот.*

Из вышесказанного обозначается также лингводидактический потенциал исследуемой проблематики, который можно было бы задействовать в школьной и вузовской практике при обучении немецкому языку, в частности, когда рассматриваются лексикологические аспекты, осваиваются отдельные участки немецкой языковой картины мира и др.

Библиографический список

Белютин Р. В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса: монография. Смоленск: СмолГУ, 2019.

Burkhardt A. Wörterbuch der Fußballsprache. Göttingen: Verlag die Werkstatt, 2006.

Список источников примеров

https://sportdaten.spiegel.de/fussball/bundesliga/ma8936291/sc-paderborn-07_borussia-dortmund/liveticker/

<https://www.bz-berlin.de/sport/liveticker/nordirland-deutschland-im-liveticker>

<http://www.11freunde.de/liveticker/hsv-wolfsburg-im-liveticker-0>.

<http://www.11freunde.de/liveticker/bayern-dortmund-im-11freunde-ticker> .

<https://www.kicker.de/4635082/social-media-spiel>.

НАЗВАНИЯ ЗАЛОВ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

(на материалах переводов для Центрального военно-морского музея им. Императора Петра Великого)

М. И. Сивохо

Перевод музейных материалов, в том числе, этикетажа, ведущих текстов (Тексты в экспозициях... [Электронный ресурс]) и т. п. представляет значительный интерес для поддержания и развития диалога культур. При этом, с точки зрения лингвистики и переводоведения, такие материалы до сих пор почти не изучены.

Ведущий текст «выражает основную идею экспозиции в целом, отдельных разделов, тем, залов, комплексов» (Айдикеева [Электронный ресурс]). Если говорить о Центральном военно-морском музее, то ведущий текст представляет собой особый вид текста музейной экспозиции, содержащий основную историческую справку об эпохе, представленных в зале экспонатов. С точки зрения лингвистики и переводоведения, такой текст должен успешно выполнять коммуникативную-прагматическую функцию.

Целью данного исследования является определение места названий залов музейной экспозиции в лингвистической системе и, в частности, в переводоведении, выделение их функций и выявление основных способов их перевода.

В ходе исследования освещаются следующие вопросы.

1. Является ли название зала музейной экспозиции онимом с точки зрения лингвистики.
2. Лингвокультурологическая функция названий залов музейной экспозиции.
3. Прагматические функции названий залов музейной экспозиции.
4. Название как квинтэссенция содержания ведущего текста.
5. Особенности перевода названий залов музейной экспозиции и их оформления.

Материалом для исследования послужили названия девятнадцати залов основной экспозиции Центрального военно-морского музея им. Императора Петра Великого.

Библиографический список

- Айдикеева Э.* Словарь музейных терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/80/233/44170.php>.
Тексты в экспозициях медицинского музея [Электронный ресурс] / ред. К. А. Пашкова. М., 2017. Режим доступа: <http://historymed.ru/upload/iblock/7c8/7c87704534345b03904226b9626c071d.pdf>.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В НОРВЕЖСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И. В. Боровикова

Важнейшим фактором распространения английского языка и заимствований из него стала глобализация. Результат — вытеснение норвежского языка английским из ряда сфер, а также изменения в лексике, грамматике и фонетике норвежского языка под воздействием английского. Влияние английского языка на норвежский заметно сказывается на лексике (Ливанова 2015: 140). 80-90% всех новых заимствований в современном норвежском языке составляют заимствования из английского языка (Берков 2011: 68). Заимствованные слова успешно адаптируются к системе норвежского языка (Ливанова 2015: 143).

В рамках самой общей классификации англоязычных заимствований можно выделить прямые (“deadline”), гибридные (“businessklasse” от английского “businessclass”) и норвегизированные, т. е. адаптированные к норвежскому языку (“jobbrotasjon” от английского “jobrotation”) (Hansen [Электронный ресурс]).

С лингвокультурологической точки зрения можно констатировать, что имеющие иноязычное происхождение языковые единицы, попадая в систему языка-реципиента, привносят культурологическую информацию (Гордеева 2016). Важным является и тот факт, что деловая коммуникация всегда характеризуется соотношением интернациональных и национальных элементов (Сапожникова 2004: 5).

Следует предположить, что бизнес-текст обладает как лингвистическими характеристиками, так и определенными специфическими национально-культурными особенностями, отража-

ющими идентичность той или иной культуры. Ключевыми элементами норвежской деловой культуры являются плоская организационная структура, несильная иерархия, быстрое и неформальное общение, сотрудничество, доверие между людьми, полномочия сотрудников, баланс работы и личной жизни, гендерное равенство, готовность к риску (InvestinNorway [Электронный ресурс]).

Сравнение норвежской и американской культур по типологии Г. Хофстеде показывает некоторые различия: индекс дистанции власти (Норвегия — 31, США — 40); индивидуализм (Норвегия — 69, США — 91); маскулинность (Норвегия — 8, США — 62); избегание неопределенности (Норвегия — 50, США — 46), долгосрочная ориентация (Норвегия — 35, США — 26); допущение (Норвегия — 55, США — 68) (Hofstedeinsights [Электронный ресурс]). По всем параметрам у Норвегии и США довольно близкие значения, за исключением категории маскулинности: Норвегия относится к странам с «женским» типом, а США — к странам с «мужским» типом.

На материале статьи «Norwegian-smellpå 3,3 milliarderkroner» (Lorentzen, Ghaderi [Электронный ресурс]), размещенной на норвежском Интернет-сайте E24, были изучены лингвокультурологические особенности использования англицизмов. Установлено, что общий процент употребления англицизмов, относящихся в основном к прямым и гибридным заимствованиям, составляет 4,5. Использование англицизмов связано с лидирующими позициями английского языка в сферах международной экономики и бизнеса, а также, вероятно, с малой разработанностью терминологии на норвежском языке (Ливанова 2015: 140). В домене бизнеса наблюдается параллельное использование языков (английского и норвежского), что не означает их жесткого разграничения и предполагает свободное переключение кодов с целью обеспечения взаимодействия участников коммуникации в условиях интернационализации данного домена (Бородина 2018: 413).

Библиографический список

Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

Бородина Д. С. Функционирование английского языка в Скандинавии: дискурсивно-коммуникативный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2018.

Гордеева Е. С. Лингвокультурологический аспект изучения проблемы заимствования // Филологическая наука на современном этапе: проблемы и перспективы. 2016. С. 15—18.

Ливанова А. Н. Норвежский язык под угрозой? // Скандинавская филология XIII. 2015. С. 138—149.

Сапожникова Е. С. Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей языка делового общения (на материале переговоров на английском, испанском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004.

Hansen E. Engelske ord i norske aviser [Электронный ресурс]. Retrieved from: https://www.sprakradet.no/Vi-og-vart/Publikasjoner/Spraaknytt/Arkivet/Eldre/Engelske_ord_i_norske_aviser/.

Hofstedeinsights [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/norway,the-usa/>.

InvestinNorway [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.innovasjon norge.no/en/start-page/invest-in-norway/doing-business-in-norway1/business-culture/>.

Lorentzen M., Ghaderi H. Norwegian-smellpå 3,3 milliarderkroner [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://e24.no/boers-og-finans/i/dOXBzj/norwegian-smell-paa-33-milliarder-kroner>.

ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА ИСПАНСКИХ ВОЕННЫХ ТЕКСТОВ

А. Н. Гуров

Военные тексты русского и испанского языков характеризуются существенными расхождениями в области морфологии и синтаксиса, которые обусловлены различным языковым строем. Эти расхождения вызваны следующими причинами:

— в русском языке отсутствуют некоторые грамматические категории испанского языка;

— в испанском языке отсутствуют некоторые грамматические категории русского языка;

— использование грамматических категорий, имеющихся как в русском, так и в испанском языках, не совпадает.

Категория времени в испанском языке насчитывает больше форм, чем в русском языке и они шире используются. Повели-

тельное наклонение в испанском языке в отличие от русского употребляется во 2 и 3 л. ед. ч. и во всех лицах мн. ч. Категорий наклонения в испанском языке четыре, а в русском — три. В испанском языке одно причастие, а в русском — четыре.

Эти расхождения и несовпадения реализуются при переводе в различного рода грамматических трансформациях, основными из которых являются: изменение числа существительных, замена одного глагольного времени другим, замена одного наклонения другим, замена одной части речи другой, замена слова словосочетанием, замена словосочетания словом, замена одного залога другим, различного рода синтаксические перестройки предложения, замена абсолютных конструкций (с инфинитивом, герундием, причастием) придаточными предложениями, замена придаточного предложения причастным оборотом, изменение синтаксических функций слова.

Следует отметить, что в целом испанские военные тексты, в отличие от русских, характеризуются более широким использованием экспрессивно окрашенной лексики. Переводчик должен учитывать эту особенность и не стремиться к обязательному сохранению экспрессии в переводе на русский язык.

Кроме того, при переводе военных текстов следует помнить об особенностях порядка слов в предложении, свойственных русскому и испанскому языкам. В военных текстах инверсия (изменение прямого порядка слов) как стилистическое средство для эмоционального выделения того или иного члена предложения используется редко. Как средство логического выделения это явление, однако, встречается довольно часто.

Таким образом, переводчику в процессе перевода постоянно приходится сталкиваться со сложной проблемой поисков соответствий, которые часто устанавливаются на разных языковых уровнях. В основе правильного выбора языковых средств для достижения ситуативно-адекватного перевода лежит функциональный подход с опорой на смысл.

В процессе работы переводчик обязан учитывать большое количество морфологических и синтаксических особенностей военных текстов русского и испанского языка, быть готовым применить необходимые переводческие приемы и трансформации для того, чтобы конечный вариант перевода был максимально приближен к исходному.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ НА АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ

Н. В. Глинкина, О. В. Гоголева

Передача гастрономических реалий часто представляет трудность для переводчиков. Основные способы передачи безэквивалентной лексики — транслитерация, транскрипция, калька или полукалька, приближенный и гипо-гиперонимический перевод, подбор функционального аналога, семантического неологизма, примечания переводчика или экспликация. При этом необходимо не только передать название блюда и — в некоторых случаях — его состав, но и подтолкнуть реципиента (например, потенциального клиента ресторана) к заказу. Точность сообщения нередко подразумевает усложнение текста, в то время как доступность текста зачастую сопровождается потерей информации.

Примерами для настоящего исследования послужили гастрономические реалии из информационного текста о Бабаевском районе, опубликованном на сайте туристско-информационного центра Вологодской области. Перевод такого текста направлен, в первую очередь, на привлечение туристов и популяризацию местных туристических маршрутов.

В оригинальных англоязычных и немецкоязычных текстах, содержащих русские гастрономические реалии, традиционно встречаются заимствования наиболее широко известных блюд русской кухни: *The classics, shchi, ukha, borshch, rassol'nik, soljanka, okroshka and botvinya*, all held their own on the aristocratic, francophile tables of nineteenth-century Russia (The Food and Cooking of Russia 1989) — Die russische Küche ist reich an Suppen. Die bekanntesten darunter sind *Borschtsch (Rote-Bete-Suppe), Soljan-ka, Rassolnik, Ucha (Fischsuppe) und Schtschi (Kohl- suppe)*... Beliebt ist auch *Okroschka*, die im Sommer serviert wird (Kulinarische Gerichte 1985). В немецком тексте при этом даются пояснения к заимствованным словам.

При работе над предложением из информационного текста о Бабаевском районе могут возникнуть проблемы с переводом названий абсолютного большинства блюд: любители гастрономического туризма не должны упустить возможность попробо-

вать местные кулинарные шедевры, среди которых *щавелевый и крапивный супы, уха, загуста, толокно с брусникой, каша из солода, овсяный кисель, колбаски с толокном, колобы, рогушки, сканцы и боунухники*, а также знаменитые пироги — *курники и рыбники*. Список знакомых иноязычному реципиенту реалий здесь очень ограничен, практически все они нуждаются в пояснении: *загуста* — каша из ржаной муки с молоком и маслом; *толокно* — мука из зерен овса или ячменя; *колоб* — круглый хлеб; *рогушки* (или *рогульки*) — традиционные русские пироги с картошкой; *сканцы* — это очень тонкие хрустящие лепешки; *боунухники* — пироги с грибами, традиционно с волнушками.

Следуя за В. В. Кабакчи (Кабакчи 2018), при переводе анализируемого отрывка можно прибегнуть к транслитерации, используя при этом экспликацию для передачи реципиенту дополнительных сведений. Пояснения реалий представляется более логичным вставить в текст перевода, производя ряд трансформаций.

— Fans of gastronomic tourism should not miss the opportunity to taste regional culinary masterpieces, such as *sorrel* and *nettle soup*, *ukha*, *zagusta* (porridge from rye flour with milk and butter), *tolokno* (oat or barley flour) with cowberry, *malt flour porridge*, *oat meal kissel*, sausages with *tolokno*, *kolob* (round bread), *rogushki* (traditional Russian potato pies), *skantsy* (thin crispy flat breads), *bounukhniki* (mushroom pies, traditionally with coral milk caps), as well as the famous Russian pies — *Kurnik* and *Rybnik* (Russian chicken pie and fish pie).

— Liebhaber des gastronomischen Tourismus sollten sich die Gelegenheit nicht entgehen lassen, die kulinarischen Meisterwerke der Region zu probieren: *Sauerampfer-, Brennessel- und Fischsuppe*, *Malzbrei*, *Haferschleim* und *Sagusta* (Roggenmehlbrei mit Milch und Butter), Preiselbeeren oder auch Würste mit *Tolokno* (Mehl aus Hafer oder Gerstenkörnern); wunderbare Kuchen und Backwaren: *Rogushki* (traditionelle russische Kartoffelkuchen), *Kolob* (ein Rundbrot), *Skantsy* (sehr dünne, knusprige Fladenbrote) und *Bounuchniki* (Pilzkuchen), sowie der berühmte russische *Fischkuchen* und *Kurnik* (russische Schichtpirogge mit Hühnerfleisch).

Таким образом, при переводе гастрономических реалий в данном случае также логично прибегнуть к транскрипции и экспликации. Лексические единицы, переданные с помощью транскрипции, призваны передать национальный колорит русской кухни, а экспликация дает необходимые пояснения.

Библиографический список

The Food and Cooking of Russia. Harmondsworth: Penguin Books, 1989.
Kulinarische Gerichte. Zu Gast bei Freunden. Leipzig: Verlag für die Frau; Moskau: MIR Verlag, 1985.

Кабакчи В. В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 49—59.

**АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА
В КЛИМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале англоязычных Интернет-сайтов)**

К. А. Дубровских

Явление антропоморфизма приковывает внимание представителей многих наук. С позиций философии антропоморфизм представляется как форма мировоззрения, в которой происходит перенос качеств человека и природных стихий друг на друга (Титова [Электронный ресурс]). Понятие антропоморфизма в этом толковании синонимично таким понятиям как «олицетворение» и «персонификация».

Антропоморфизм присущ языку, поскольку познание мира без языка невозможно. В исследованиях антропоморфизма был выявлен механизм переноса, сам способ освоения работы сознания, что видно, например, на исследовании метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что человеку свойственна предрасположенность к метафорическому восприятию окружающего мира (Лакофф 2004: 195). Метафора является способом познания мира и средством более точного его отражения в сознании людей. Она основывается на когнитивной природе метафорического переноса. Установлено, что образы окружающей действительности пропускаются через призму человеческих физических и психических характеристик (Бурмакова 2015: 29).

Изучение антропоморфных метафор позволяет посредством ассоциативных связей выявить когнитивный образ и механизмы переноса, которые дадут ключ к исследованию сознания человека.

Реализация антропоморфных метафор частотна при репрезентации явлений природы в речи. Такие метафоры используются чаще в текстах художественно-публицистической и науч-

ной направленности. В представляемом исследовании в качестве языкового материала выступает корпус текстов, объединенных единой тематикой — описанием климата в широком понимании данного слова (климатическим дискурсом).

Климатический дискурс — особый вид институционального дискурса, который обслуживает широкую сферу человеческой деятельности, связанную не только с изучением или описанием климата и климатических изменений, но также с экологией и с исследованиями природы.

Особую гибридную область климатического дискурса представляет климатический интернет-дискурс. Данная разновидность включает тексты, которые создаются не учеными, но основываются на реальных исследованиях природы. К жанрам такого дискурса можно отнести веб-сайты, форумы, блоги, публичные страницы, электронные плакаты и онлайн-петиции (Дубровская, Каленова [Электронный ресурс]).

Климатический дискурс изобилует антропоморфными метафорами, и все их многообразие может быть сведено к следующим основным видам:

- «человек биологический» (человек — живое существо, которому присущи определенные состояния и этапы развития; пример: *Tornadoes are usually born from thunderstorms*);
- «человек анатомический» (строение человеческого организма; пример: *an eye of storm*);
- «человек социальный» (человек — член общества; пример: *a parent material*);
- «человек функциональный» (уподобление признаку действия человека; пример: *Many of the issues listed here result from the massive population growth that Earth has experienced in the last century*) (Овсянникова [Электронный ресурс]).

Любое познание мира происходит через язык и несет на себе печать антропоморфизма. Антропоморфизм выражается как в языковых средствах, так и в речевых репрезентациях. Антропоморфные метафоры в климатическом дискурсе (как один из способов репрезентации окружающей действительности), конкретизируют пропущенные через призму человеческого восприятия образы природы и раскрывают механизмы ассоциативного переноса качеств человека на неодушевленные предметы и явления природы.

Библиографический список

Бурмакова Е. А. Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В. М. Шукшина) // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 29—45.

Дубровская Т. В., Каленова О. Г. К проблеме определения экологического дискурса и его жанров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opredeleniya-ekologicheskogo-diskursa-i-ego-zhanrov>.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Овсянникова В. В. Антропоморфные метафоры в геологическом дискурсе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opredeleniya-ekologicheskogo-diskursa-i-ego-zhanrov>.

Титова Т. А. Ренессанс антропоморфизма как следствие антропологического поворота в науке (на примере лингвистики) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/renessans-antropomorfizma-kak-sledstvie-antropologicheskogo-povorota-v-nauke-na-primere-lingvistiki>.

Список источников примеров

Top 17 environmental problems [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.renewableresourcescoalition.org/top-environmental-problems/>.

How do tornadoes form? [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.popularmechanics.com/science/environment/a28396453/how-do-tornadoes-form/#:~:text=Tornadoes%20are%20usually%20born%20from%20thunderstorms.&text=The%20peak%20of%20the%20updraft,sucked%20into%20the%20spinning%20column>.

ПЕРЕВОД ТЕРМИНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Т. Е. Жакова

Для перевода юридического текста адекватным может стать применение дискурсивно-коммуникативной модели, которая позволяет учитывать лингвистические, дискурсивные и коммуникативные особенности текста ИЯ и подбирать исходя из этого наиболее объективную стратегию его перевода (Волкова 2016). Поскольку юридические тексты включают законодательные акты, международные договоры, конвенции, юридические документы, тексты судопроизводства, именно такая модель

перевода позволяет строить стратегию в зависимости от типа текста, реципиента и условий коммуникации.

Юридический текст, как один из видов специального текста, обладает чертами научного стиля и характеризуется большим количеством специальной лексики, определенную часть которой составляет терминология. Специальные лексические единицы организованы в виде терминосистем, составляющих основу языка для специальных целей. Юридические термины являются носителями когнитивной информации и отражают специфику определенной правовой системы, являясь частью национальной и языковой картин мира.

При переводе юридической терминологии в паре языков английский — русский следует учитывать различия в правовых системах стран, архаичность специальной лексики в английском языке, большое количество латинских выражений (например, *actus reus* русск. «преступление», *in dubio pro reo* русск. «сомнительные моменты в деле трактуются в пользу подсудимого»). Кроме того, термины могут быть безэквивалентными (вследствие значительных расхождений между правовыми системами), многозначными, идиоматичными, что вызывает переводческие трудности. Формирование терминов идет одновременно с развитием правовой системы в связи с необходимостью точно фиксировать, определить и описать каждое новое явление и понятие (Coulthard, Johnson, Wright 2017).

Различия обнаруживаются в том числе и в родственных правовых системах, а, следовательно, и в единицах, называющих составляющие этих систем. Таким образом, следует учитывать расхождения в терминологии в пределах различных вариантов английского языка (британские термины: *open verdict*, *crown court*, *magistrate court*, *queen's bench division*, *barrister*; американские термины: *district court*, *grand jury*, *probate court*), а также перевод термина в зависимости от специфики определенной страны и ее правовой системы. Так, например, сочетание *county court* следует переводить как «суд графства» в британском английском и как «суд округа» в американском варианте.

В британской системе используется термин *employment tribunal*, заменивший в 1998 году *industrial tribunal* и называющий орган, рассматривающий трудовые споры (например, неправомерное увольнение, увольнение по сокращению штата, незакон-

ные удержания из заработной платы) (Gooch, Williams 2013). Встречается несколько вариантов перевода данного термина, в том числе «трибунал по трудовым спорам», который, на наш взгляд, является спорным из-за использования существительного «трибунал». В данном случае адекватным было бы применение экспликации, описания смысла данного сочетания: «орган по рассмотрению трудовых споров».

В заключение следует отметить, что дискурсивно-коммуникативный подход к переводу юридических текстов, а также юридической терминологии повышает адекватность перевода и позволяет подбирать корректные эквиваленты в ПЯ.

Библиографический список

Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.

Coulthard M., Johnson A., Wright D. An Introduction to Forensic Linguistics. London and New York: Routledge, 2017.

Gooch G., Williams M. Oxford Dictionary of Law Enforcement. Oxford: Oxford University Press, 2013.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА

К. В. Иргизова

На протяжении многих лет в рамках лингвистической науки создаются способы совершенствования информационных источников, способствующих повышению эффективности работы переводчика и качества исполняемого перевода. Примером такого источника служит лингвистический корпус — база данных текстов, отобранных и маркированных по особым параметрам (жанрово-стилистическая особенность, авторство, тип источника информации и т. д.) (Захаров 2011). Общеизвестно, что восприятие слова всегда зависит от многих факторов, например, особенностей языкового контекста (Ивлева 2010) и в тех случаях, когда перевод слова становится трудной для переводчика задачей, он может обратиться к корпусу, сокращая тем самым затраты на время исполнения перевода. Лингвистический корпус является уникальной «коллекцией» текстов, взятых из раз-

личных источников. Возможность доступа к десяткам тысяч примеров не может не оказать стимулирующего воздействия на переводчика; если раньше ему нужно было самостоятельно изучать и анализировать слово по многим аспектам, сейчас эту работу за него выполняют компьютерные лингвисты, создающие корпус. Следовательно, развитие корпусной лингвистики является главной целью не только узкопрофильных специалистов в области языкознания, но и всех тех, кто заинтересован в улучшении процесса перевода и качества переводческого продукта (Шевчук 2003). Интерес к данной теме различных ученых обусловлен многими факторами: стремлением к совершенствованию разработок в лингвистической науке, использованию при работе ИКТ для сокращения временных затрат, разнообразием языковых средств современного языка, а также необходимостью сегодняшних переводчиков выполнять заказ в предельно сжатые сроки. Все это приводит нас к выводу о том, что сейчас переводчику необходимо использовать новые технологии, положительно влияющие на результат его работы. На сегодняшний день существует множество корпусных баз, классифицируемых в рамках стандартов EAGLES по многим критериям (Sinclair 1991). Переводчик выбирает для себя именно ту базу, которая максимально подходит под его рабочие задачи (параллельный / сопоставимый корпус, корпус текстов СМИ / устной речи и т. д.). Однако при этом следует помнить, что даже при использовании корпуса, перевод, осуществляемый недостаточно квалифицированным специалистом, рискует стать непрофессиональным (Шахова 2004). Для минимизации подобных рисков рекомендуется включать спецкурсы по изучению лингвистических корпусов при подготовке будущих переводчиков.

В заключение стоит сказать, корпус может оказать существенное воздействие на процесс и результат перевода; его использование способствует также более быстрому выполнению перевода. Таким образом, необходимо изучать и исследовать корпус более фундаментально с целью исключить в дальнейшем большинство переводческих трудностей.

Библиографический список

Захаров В. П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. Иркутск: ИГЛУ, 2011.

Ивлева А. Ю. Роль переводчика в передаче культурного пространства текста оригинала // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 1 (29). С. 210—215.

Шахова Н. Г. Tricks of the Trade: Tips for Finding a Translator // Мосты. 2004. № 3. С. 47—50.

Шевчук В. Н. Корпусная лингвистика и перевод // Материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф. М., 2003. С. 79—81.

Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА*

В. В. Катермина

Изучение неологизмов никогда не потеряет своей актуальности, так как неологизмы, фиксируя картину мира носителя языка, позволяют установить связь с определенным периодом времени, определить приоритеты общества.

Повышенный интерес к проблеме неологии обусловлен важной ролью неологизмов как зеркала языкового развития, которое отражает приспособление языка к изменяющимся под влиянием внешних факторов условиям его функционирования.

В современной ситуации возможно и необходимо расширение понимания неологизма не только как явления языка, но и рассмотрение неологизма как явления культуры. Неологизмы — «одни из тех наиболее очевидных показателей, по количеству и типовым свойствам которых можно судить о жизнеспособности и основных тенденциях языка любого народа, об уровне его культуры и даже характере общественно-экономической формации» (Гацалова 2005: 15).

Неологизмы — это новые слова, словосочетания или фразеологические единицы которые появляются в языке как результат дифференцированных изменений в обществе, культуре, науке

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных».

и современных информационных технологиях. Опираясь на неологизмы, следует учитывать немаловажный факт: неологизм может представлять собой либо новое слово, либо новое значение уже существующей лексемы (Намитокова 1986: 100). Но оба варианта порой тяжело перевести, потому что эти слова и значения не всегда могут быть найдены в обычных словарях; более того, перевод и значения неологизмов не всегда можно найти даже в новых англоязычных словарях. Это явление связано с тем, что процесс регистрации в словарях нового слова, словосочетания или фразеологической единицы занимает несколько лет. В данной ситуации переводчики сталкиваются с такой проблемой, как отсутствие перевода или значений лексем в лингвистических словарях (Сеттарова 2018 [Электронный ресурс]).

Поскольку словари не всегда могут помочь переводчикам, существует несколько способов перевода английских неологизмов. Один из типов перевода обозначается как описательный перевод.

Помимо описательного перевода лингвистами также выделяются калькирование, транслитерация, транскрипция; данные методы позволяют облегчить процесс перевода неологизмов.

При переводе неологизмов необходимо также задействовать фоновые знания и вертикальный контекст.

Свободное владение языком, знание способов образования неологизмов и трансформаций, используемых при их переводе, внимательное изучение контекста, в котором встретилось слово, а также осведомленность об изменениях в социальной, экономической, политической и культурной жизни — вот залог успеха при переводе неологизмов

Библиографический список

Гацалова Л. Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания (на материале русского и осетинского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2005.

Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т, 1986.

Сеттарова М. Д. Английские неологизмы и специфика их перевода на русский язык // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2019. № 11 (27). Режим доступа: www.alley-science.ru.

ПЕРЕВОД ИГРЫ СЛОВ В АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ (на материале сериала *How I Met Your Mother*)

А. В. Краснова

Юмор проявляется в способности видеть и показывать что-то смешное. Он выражается с помощью различных способов: иронии, анекдота, шутки. Одним из самых трудных для перевода способов выражения юмора является игра слов, основанная на употреблении одного слова или значения слова вместо другого.

Перевод игры слов — это лингвистическая и культурологическая проблема. В аудиовизуальном тексте данная проблема осложняется наличием невербальной информации. Для перевода игры слов необходимо пользоваться определенными переводческими стратегиями. Мы предлагаем собственную классификацию переводческих стратегий при переводе юмора, которая также относится к переводу игры слов.

1. Культурная адаптация — передача единицы юмора с адаптацией культурной составляющей к языку перевода.

2. Замена — замена одного способа выражения юмора другим.

3. Компенсация — замена единицы юмора в одной части текста единицей юмора в другой части текста.

4. Дословный перевод — перевод единицы слово в слово.

5. Опускание — опускание единицы юмора.

Данная классификация может применяться как к аудиовизуальным текстам, так и к текстам вообще.

Рассмотрим один из способов перевода игры слов на примере сериала-ситкома *How I Met Your Mother*.

Оригинал:

Ted: Back when we were dating Robin and I had this running joke. We were the only two people in the world who found it funny.

Barney: No way! March does not have 31 days.

Marshall: Yes, it does! Everyone know that! It's like general knowledge.

Ted and Robin: General knowledge!

Кураж Бамбей:

Ted: В те дни, когда мы с Робин встречались, у нас была повторяющаяся шутка. И мы были единственными, кто находил ее смешной.

Барни: Ни за что! В марте не может быть 31 день!

Маршал: Нет, 31! Все это знают! Это общеизвестный факт.

Тед и Робин: Генерал факт!

Предложенный нами перевод:

Тед: Когда мы встречались с Робин, у нас была общая шутка. Только мы считали ее смешной.

Барни: Да нет! В марте не 31 день!

Маршал: Нет, 31! Все это знают! Я звучу, как Капитан Очевидность!

Тед и Робин: Капитан очевидность!

Невербальная информация: главные герои — Робин, Барни, Лили, Маршал и Тед — сидят на диване. Барни раздражен и кричит. Маршал также раздражен и кричит. Тед и Робин улыбаются, смеются и отдают честь.

С учетом невербальной информации понятно, что Тед и Робин играют в игру: каждый раз, когда кто-то произносит омоним воинского звания, они повторяют его и отдают честь. Для передачи игры слов *Кураж Бамбей* используют дословный перевод. Омонимичность теряется, и зритель не понимает действий персонажей. Мы предлагаем использовать культурную адаптацию. Вместо реалии *general* и устойчивого выражения *general knowledge* мы используем реалию «капитан» и устойчивое выражение «капитан очевидность» (тот, кто изрекает очевидные вещи, не несущие дополнительной информации в разговоре (Кронгауз 2018: 49). С помощью культурной адаптации нам удалось сохранить игру слов.

Для адекватного перевода игры слов в аудиовизуальных текстах нужно выбрать правильную стратегию ее перевода, а также учитывать как вербальный, так и невербальный источник информации, которые составляют целостное аудиовизуальное произведение.

Библиографический список

Кронгауз М. А. Словарь языка Интернета.ги. М.: АСТ-Пресс, 2016.

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ИДИОМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (корпусное исследование)*

Е. Б. Кротова

Появление крупных электронных текстовых корпусов сделало возможным изучение синтаксического поведения идиом на новом техническом уровне. С помощью корпусов можно проследить, каким модификациям могут подвергаться идиомы и насколько частотны такие модификации. Также появилась возможность проанализировать, с какой частотностью употребляются идиомы в различных временных формах. Последнему вопросу уделяется не так много внимания, в том числе при написании статей во фразеологических словарях. Исключение представляют собой случаи, когда идиома употребляется только в одной временной форме (например, *abwarten und Tee trinken* ‘поживем — увидим’). В случае если идиома может употребляться в различных временных формах, данных о том, как распределяются эти частотности, не предоставляется.

Рассмотрим на примере идиомы *bergauf gehen* ‘пойти/идти в гору’, почему такая информация может быть важна. По данным DeReKo (Deutsches Referenzkorpus), *bergauf gehen* употребляется в презенсе (Präsens) в 55% контекстов, в претерите (Präteritum) в 33%, в перфекте (Perfekt) в 2,3%, в футуре (Futur I) в 2,3%. Сравним с русской идиомой ‘пойти / идти в гору’. По данным НКРЯ (Национальный корпус русского языка), она употребляется в прошедшем времени в 74% случаев, в настоящем времени — в 18%, в будущем времени — в 8%. Получается, что русская идиома в основном встречается в прошедшем времени, в то время как немецкая идиома в основном употребляется в презенсе. Если в словарной статье не указать, в каких временных формах встречается *bergauf gehen*, то пользователь словаря с русским языком в качестве родного с большой вероятностью допустит ошибку при употреблении данной немецкой идиомы. При изу-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00335А «Ориентационные метафоры во фразеологии: особенности употребления и лексико-грамматических изменений фразеологизмов в славянских, германских и кельтских языках».

чении немецкого языка большее внимание уделяется перфекту, чем претериту, так как претерит считается книжной формой, а перфект — разговорной, поэтому носитель русского языка, изучающий немецкий, скорее всего употребит идиому в перфекте, хотя в этой временной форме немецкая идиома встречается лишь в 2,3 % случаев.

В докладе речь пойдет о временных формах, в которых употребляются немецкие идиомы. Особое внимание уделяется идиомам, синтаксическое поведение которых выделяется из общей выборки (например, идиомам, заметно чаще других встречающихся в перфекте).

В ходе эксперимента было проанализировано 96 употребительных идиом немецкого языка. Текстовый материал для исследования был получен из архива корпусов DeReKo Института немецкого языка в Мангейме (W-Archiv der geschriebenen Sprache).

В среднем, проанализированные идиомы употребляются в презенсе в 50% случаев, в претерите — в 20%, в перфекте или партиципе II — в 15,5%. Таким образом, по крайней мере по данным корпуса DeReKo, рассмотренные идиомы чаще встречаются в претерите, чем в перфекте, что может показаться неожиданным: идиомы считаются характерными скорее для разговорной речи, а претерит считается скорее книжной формой.

Идиомы, часто употребляющиеся в презенсе или перфекте, в основном представляют собой состояния и интерпретации по фундаментальной классификации предикатов. Идиомы, для которых характерен претерит, в основном выражают действие.

Данные показывают, что частое употребление перфекта для идиом нехарактерно. В среднем, идиомы употребляются в перфекте в 15 % контекстов, для трети идиом это значение еще ниже (менее 10% контекстов). Имеются редкие исключения (около 5%) — идиомы, в основном встречающиеся в форме партиципа II с вспомогательным глаголом *sein* или *haben* (перфект, плюсквамперфект или пассив состояния) или без него (в случае атрибутивного или адвербиального употребления).

В презенсе идиомы в среднем употребляются в половине контекстов. Однако имеются идиомы, встречающиеся в основном в презенсе (около 5% выборки). К ним также относятся в основном интерпретации и состояния.

Среди идиом, имеющих сильные предпочтения по употреблению в перфекте или презенсе, отсутствуют идиомы-действия, хотя действия являются самой многочисленной категорией предикатов, и в выборке были широко представлены. На основании этих данных можно выдвинуть предположение о том, что идиомы-действия в основном ведут себя более стандартно и реже имеют ограничения на употребления в различных временных формах, в отличие от идиом-интерпретаций и идиом-состояний, у которых подобные ограничения встречаются чаще.

БИБЛЕЙСКАЯ ИДИОМАТИКА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ

О. В. Федосова, М. В. Кутьева

На протяжении уже двух тысячелетий Библия является главным источником тем, сюжетов, образов, метафор и аллегорий для искусства и литературы народов, в основе мировоззрения которых лежит христианство. Переводоведение как наука о переводе также обязана своим происхождением Библии — самой переводимой книге в мире. История ее переводов в России и в Испании ведет свое начало из двух разных источников — Септуагинта и Вульгата. Данное обстоятельство во многом определяет расхождения в семантике библейских идиом соответствующих национальных языков. Подобного рода семантические несоответствия следует учитывать при переводе соответствующих идиоматизмов. Все семантические несоответствия можно классифицировать согласно тематике: «Человек», «Быт», «Природа». Рассмотрим идиому «блудный сын», этимологически восходящую к одноименной притче из Евангелия от Луки и ее испанский эквивалент *hijo pródigo*. Несмотря на единый источник данного оборота, семантическая структура образа в испанском и русском языках неодинакова. Так, в словарях русского языка данный идиоматизм трактуется как: 1) «непочтительный сын, ушедший из родительского дома и затем вернувшийся», 2) «человек, раскаявшийся в чем-н. после постигших его неудач» (Ожегов, 1986: 51). В словаре Ушакова: 3) «человек, вернувшийся к родителям после неудачных скитаний и поисков лучшей жизни» или 4) с пометой «шутл.» «о члене семьи или какого-л.

коллектива, не подчиняющемся его воле, нарушающем его устои» (Ушаков, 2005: 43). В словаре крылатых слов Серова: 5) «беспутный, нравственно нестойкий» и «раскаявшийся в своих заблуждениях» (Серов 2004).

Итак, в русском языке в структуре лексической единицы «блудный» выделяются два значения: одно связано с глаголом *блуждать* (во тьме), т. е. искать свой жизненный путь, а второе относится к категории нравственности и связано с ее утратой: блуд, распутство. В испанском языке слово *pródigo* имеет значения «расточитель», «транжира», «растратчик» (БИРС; НИРС). Разница в семантическом содержании данного библейского образа в испанском и русском языках существенная. В первом случае семантическая акцентуация связана с нравственным обликом сына, сбившегося с пути, а затем осознавшего истину. Во втором, семантическая образность связана с материально-денежной стороной вопроса: сын растратил, растратил наследство отца. Так, один источник — Библия — породил в рассматриваемых языках концептуально разные образы, обусловленные переводческим решением.

Библейские идиомы с компонентом — предметом быта также вызывают разночтения. В Псалмах есть оборот: *sobre Edom echaré micalzado* (Salmos 60.8) или *echaré mizapato* в другом переводе (Reina Valera Gómez). На русском языке в поэтическом переводе Н. Басовского: «...На земли филистимлян Я брошу свой **башимак** / и на полях Эдома оставлю тот же знак» (108 Псалом Давида). В Синодальном переводе читаем: *на Эдома простру сапог Мой*, а в Новом русском переводе: «на Эдом Я брошу Мою **сандалию**» (Пс 107:10). Налицо разночтения в переводе. Неясным остается и смысл жеста — бросания обуви на соседнюю землю. На самом деле, данный жест заявлял о праве на владение ею. Переводчики стремились сохранить лексику оригинала. Вариативность возникла в силу этнокультурных причин: в арамейском языке используется гипероним, включающий все виды обуви.

Библиографический список

БИРС — Большой испанско-русский словарь / под ред. Б. П. Нарумова. М., 2007.

НИРС — Садиков А. В. Новый испанско-русский словарь современного употребления. М., 2007.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.

Псалтирь 107:10. Библия онлайн. Сравнение переводов. Режим доступа: <https://bible.by/verse/19/107/10/>.

Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2004.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. М., 2005.

Salmos 60:8. Biblia paralela. Retrieved from: <https://bibliaparalela.com/psalms/60-8.htm>.

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

П. Г. Логинова

Метафора как способ познания политической реальности, а именно, исследование когнитивного потенциала данного лингвистического феномена, вызывает неугасающий интерес языковедов. Все возрастающее количество работ в области анализа политической метафоры опосредовано тем, что политический дискурс представляется одним из наиболее перспективных направлений современной лингвистики, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы.

Теория политической метафоры представляет собой одно из ведущих направлений исследований в области когнитивистики и лингвопсихологии. Согласно Э. В. Будаеву, «в основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора — это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов — это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор» (Будаев, Чудинов 2006: 36). Наравне с этим, образность, красота и изящество являются неотъемлемыми признаками метафорического словоупотребления (в частности, во французском политическом дискурсе), что требует особого умения адекватно осуществить перевод данного лингвистического феномена, не нарушив структуру самой метафоры.

Процесс перевода отражает филологический подход к языковому знаку, выступая в качестве одного из видов межъязыковых контактов и функционируя в роли функциональной замены

оригинала. Перевод метафор является одним из самых сложных видов перевода. При переводе метафорических словоупотреблений имеет место адаптация метафорического значения языковой единицы к принимающей культуре, вследствие чего перевод осуществляется либо параллельным, либо непараллельным эквивалентом, вариантом или аналогом. Основными постулатами качественного перевода метафорических словоупотреблений служат сохранение адекватности, динамики движения фразы, а также максимальное приближение к языковой форме оригинала. Неизменным основанием перевода при изменении структурных свойств языкового знака должен выступать смысл. Немаловажным является также и сохранение исходного стиля метафорического употребления. Как известно, стиль — неосознанная категория перевода, однако наиважнейшая. Допустим перевод метафор и свободными словосочетаниями.

Во французском политическом дискурсе метафора выступает в качестве важнейшего лингвистического инструмента политического воздействия на общественное сознание на стилистическом уровне, что, обусловлено, в частности, витиеватостью, изяществом и морфологическим строем данного языка романской группы. Образность представляется важнейшей составляющей способа влияния на электорат, чем и опосредовано введение в президентский дискурс самых разнообразных метафорических словоупотреблений. Благодаря метафорическому воздействию, раскрывается квинтэссенция социально-политических явлений. Метафора способствует моделированию конкретного образа политика в сознании реципиента — как положительного, так и дискредитирующего, отрицательного. Задача настоящего исследования — акцентировать внимание на необходимости скрупулезной работы, сопряженной с переводом французской политической метафоры на примере предмета настоящего исследования, а именно, некоторых метафорических словоупотреблений, встречающихся в президентском дискурсе действующего президента Франции Э. Макрона. Наравне с этим, представляется необходимым максимально точно передать (транслировать) смысл метафорического словоупотребления, не исказив последнего, проиллюстрировав при этом богатство, изящество и красоту французского языка.

В рамках статьи рассмотрим два примера перевода метафорических словоупотреблений, используемых президентом Э. Макроном в ходе своей речи «Обращение к нации» от 13 апреля 2020 г. С целью экспрессивного воздействия на подсознание нации, Э. Макрон использует лексику *ébranlement* «подрыв морального состояния», «душевный надрыв», «потрясение»: «Le moment que nous vivons est un *ébranlement intime et collectif*» (Adresse aux Français [Электронный ресурс]) («В настоящий момент мы переживаем самое *настоящее душевное потрясение* на уровне отдельной личности и государства в целом»). Цель президента заключается в необходимости создания тяжелой психоэмоциональной картины; страшная эпидемия предстает в образе чудовищной угрозы, нависшей над французским народом и всем человечеством, и с ней необходимо сражаться коллективно, действуя сообща. С целью усиления стилистического эффекта нами предложен несколько развернутый перевод метафоры, не искажающий смысл самой фразы. По завершении своего выступления, Э. Макрон использует следующую метафору: «Je tâcherai de *dessiner ce chemin* qui rend cela possible» («В течение ближайших недель с народной помощью (т. е. «с Вашей помощью» — П. Л.) я *постараюсь обрисовать путь*, по которому мы с вами пойдем») (речь идет о преодолении кризиса). Свою выработанную стратегию борьбы с мировым санитарным, и, как следствие, экономическим кризисом, французский президент метафорично сравнивает с «путем», а именно, «путем решения проблемы», который будет предложен французскому народу. При переводе данной метафоры нами использован эквивалент, свойственный русской языковой культуре, а именно словосочетание «обрисовать путь», обладающее схожим смыслом.

Таким образом, с целью осуществления адекватного перевода метафорических словоупотреблений, свойственных французскому президентскому дискурсу, представляются необходимыми знания экстралингвистической ситуации, а также культурологическая компетентность. Зачастую перевод метафор осуществляется параллельным, либо непараллельным эквивалентом, вариантом или аналогом, а также буквально или дословно.

Библиографический список

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург: УГПУ, 2006.

Adresse aux Français, 13 avril 2020 [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/04/13/adresse-aux-francais-13-avril-2020>.

**КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ
АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА**

С. А. Манжик

Корпусные методы изучения языка являются самыми актуальными и востребованными в лингвистике в последнее время, поскольку данные, полученные в результате качественного и количественного анализа значительного объема текстов, хранятся в электронном виде, могут быть легко (пере)проверены и соотнесены с другими ситуациями естественной коммуникации при помощи специального программного обеспечения, позволяющего выбрать, отсортировать согласно определенному запросу и статистически обработать информацию. Поэтому корпусные исследования выгодно отличаются репрезентативностью, доказательностью благодаря количественной выборке из большого (но измеряемого) объема данных, удобным электронным форматом, и возможностью установить, обратиться к источнику сведений (оригинальному тексту) и изучить его (Pegomíngolo et al. 2014). Представляется целесообразным использовать корпуса для анализа аудиовизуальных текстов с учетом их специфики, поскольку подобные базы данных являются отличным материалом для контрастивных или сопоставительных трудов и для работ по теории и практике перевода.

Как известно, вербальная составляющая в аудиовизуальном переводе (АВП) дополнена и детерминирована невербальными элементами: темпом и особенностями речи, визуальной составляющей, музыкой, шумом. Следовательно, сложность аудиовизуального текста заключается в насыщенности смысла высказывания в рамках заданной ситуации общения и риторической комплексностью, представляющей собой смешение визуального и аудиоряда. Поэтому единицей АВП является кадр или сцена.

Вместе с тем, в ситуации АВП эквивалентность на языковом уровне может быть второстепенна, поскольку при дубляже, как одном из самых популярных видов АВП, необходима синхронизация мимики и движений актеров и оригинальной аудиодорожки с речью актеров дубляжа, а при субтитровании зачастую наблюдается компрессия в связи с регламентированным требованием количества знаков в строке (не больше двух строк и 40 знаков).

Для изучения проблем перевода аудиовизуальных текстов можно компилировать «параллельные» (*parallel*) корпуса. В данном случае необходимо загрузить в программу, например, SketchEngine, WordSmithTools 3.0, AntConc и т. п. и выровнять по смысловым фразам текст оригинала и перевод, субтитры. Технология работы с корпусом будет в некоторой степени отличаться в зависимости от вида АВП: дубляж или субтитры, но основу всегда составляют двуязычные транскрибированные пары-субтитры. При дублировании лингвист, как правило, использует устный текст, записанный при помощи специальных программ (*voice-to-text software*); при субтитровании целесообразно внедрять специальное программное обеспечение, например, SubRip, Wondershare UniConverter, SubExtractor, XilisoftDVE SubtitleRipper, Handbrake и т. п., для автоматического вычленения субтитров. Корпус позволит анализировать конкретные ситуации перевода, рассматривать способы сокращения / увеличения объема текста перевода через опущение / добавление различных элементов. Все трансформации имеют статистические показатели, что дает возможность выделять и генерализировать наиболее популярные и (не)эффективные варианты перевода.

Внедрение корпусных технологий для анализа АВП позволит повысить качество перевода, а также будет способствовать обучению АВП.

Библиографический список

Маник С. А. Параллельный корпус в практике перевода общественно-политических текстов (с английского на русский) // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 4. С. 225—245.

Peromingo J. P. R., Martín R. A., Riaza B. G. New Approaches to Audiovisual Translation: the Usefulness of Corpus-based Studies for the Teaching of Dubbing and Subtitling // Languages for Specific Purposes in the

Digital Area. Series: Educational Linguistics, Vol. 19 / ed. by E. Bárcena, T. Read, & J. Arús Hita. Berlin: Springer-Verlag, 2014. Pp. 303—322.

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЬЯХ ПЕРЕВОДЧИКА»

С. Р. Недбайлик, А. Д. Гусарова

Как известно, за последние годы сильно возрос интерес исследователей к категории слов, называемых в литературе по переводу «ложными друзьями переводчика» (калька с французского «*faux amis du traducteur*»), к которым относятся относительные межъязыковые синонимы сходного вида, а также межъязыковые омонимы и паронимы (Антрушина 2014). Исторически эти единицы являются результатом взаимовлияний языков, в ограниченном числе случаев могут возникать в результате случайных совпадений, а в родственных языках основываются на словах, восходящих к общим прототипам (*ibid.*). Ложные отождествления, имеющие место при переводе данных слов, объясняются их возможной графической, фонетической, грамматической, а нередко и смысловой общностью при имеющихся различиях денотативной соотнесенности, стилистических, эмоционально-оценочных коннотаций, и, соответственно, общего семантического объема.

Анализ примеров «ложных друзей» показывает, что наибольшее количество ошибок возникает при переводе интернациональной лексики (Бойцова и др. 2016). Так, например, в английском и русском языках слова такого рода в подавляющем большинстве случаев представляют собой прямые или опосредствованные заимствования из общего третьего источника. В то же время, значительно меньше представлены результаты собственно англо-русских языковых контактов: слова английского происхождения в русском языке и русского происхождения в английском. Вполне понятно, что в процессе практической коммуникации возможные расхождения в парах «ложных друзей переводчика»: в понятийном содержании, реалиях, стилистических характеристиках и лексической сочетаемости нередко переплетаются.

Так, возьмем для примера простую английскую поговорку: *It is a long lane that has no turning*. Казалось бы, смысловая структура высказывания вполне очевидна и на русский язык оно может переводиться дословно: «Это длинная дорога, которая никуда не сворачивает». Однако, на самом деле эта фраза имеет совсем иное содержание, внешне направляя переводчика в ложном направлении. Иначе говоря, англичанин таким странным для русского переводчика образом выражает совсем другую мысль: «Дорога, которая нигде не сворачивает, была бы такой длинной, что и существовать не может» (ibid.). Аналогичным образом может сбить с толку потенциального переводчика и другая английская поговорка: *It is a good horse that never stumbles*. На первый раз взгляд, перевод элементарен: «Это хороший конь, который никогда не споткнется» (ibid.). На самом деле смысл здесь таков: конь, который никогда не спотыкается, должен быть таким хорошим, что подобных коней вообще не бывает. Нетрудно предположить, что возможные ошибки и заблуждения подобного приводят к семантическому калькированию и, как следствие, к нарушению лексической сочетаемости или стилистического согласования не только в процессах пользования иностранной речью, но и при переводах на родной язык.

В то же время, возможные ошибки такого рода не далеко не всегда являются свидетельством недостаточного владения иностранным языком или явной небрежности говорящего (пишущего). Как признается в современной теории лингвистики, владение вторым языком в большинстве случаев не бывает вполне безукоризненным, точно так же, как и абсолютно правильное параллельное использование двух языков является лишь теоретически допустимой абстракцией (Антрушина 2014). Поэтому неудивительно, что многие люди, профессионально знающие иностранные языки, т. е. специалисты-филологи, могут в различной степени допускать подобные ошибки в коммуникации, словоупотреблении, устном и письменном переводах, толкованиях и т. д.

Библиографический список

Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2014.

Бойцова О. В., Алиева Г. М., Калинин Ю. А. Ложные друзья переводчика в русском и английском языках // Материалы II Международ.

науч. конф. «Актуальные проблемы филологии». Краснодар: Новация, 2016. С. 67—69.

УЧЕТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НЕМЕЦКОЙ ОХОТНИЧЬЕЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А. М. Поликарпов

Предметом представляемого исследования является этнокультурная специфика немецкой охотничьей лексики. Предлагаются способы решения проблем, возникающих при переводе такого рода специальной лексики на русский язык. В качестве языкового материала исследования послужило опубликованное в 2017 г. справочное пособие *Handbuch Jägersprache* (Numssen 2017). Язык немецких охотников отличается от обыденной разговорной речи, и тем более литературного немецкого языка прежде всего на лексическом уровне. Под этнокультурной спецификой охотничьей лексики будем понимать ее особенности, связанные с этносом и культурой страны, а также со спецификой национальной культуры охоты.

Перевод лексики охотников представляет для начинающего переводчика большую сложность. Именно поэтому необходимо знакомить по мере возможности студентов — будущих переводчиков с некоторой профессиональной и специальной лексикой, в том числе и охотничьей, а также обсуждать возможности ее передачи при переводе на русский язык.

Немецкая охотничья лексика не демонстрирует сугубо терминологического характера, так как чаще всего не связана напрямую с научной картиной мира и не обладает таким свойством термина как терминологичность, хотя и является отражением профессиональной (специальной) картины мира охотника. При изучении темы «Jagd» (Охота), которая может изучаться и обсуждаться со студентами в составе более объемной темы «Hobby», необходимо пояснить учащимся, что в Германии охотничьи тропы, как правило, прокладываются в частных охотничьих угодьях и всем участникам охоты предписывается следовать только такими тропами. Существует целый ряд немецких охотничьих реалий, связанных с охотой вблизи данных троп. Лексе-

ма *Jägernotweg* используется немецкими охотниками для обозначения «вынужденно используемых троп». Лишь в ряде федеральных земель Германии охотникам разрешается в отдельных случаях отклоняться от строго предписываемых маршрутов и пользоваться специальными тропами при условии ношения при себе разряженных ружей (*ibid.*: 83). Перевести указанную выше лексему на русский язык можно было бы посредством словосочетания «запасная тропа охотника» при условии последующего описательного перевода, аналогичного пояснению выше.

Специфическое употребление имеет в немецком охотничьем дискурсе лексическая единица *Heimatabschuss*, содержащая определяющий компонент *Abschuss* в значении ‘выстрел’ и детерминируемый элемент *Heimat* ‘родина’. Использование указанной реалии в виде детерминативного композита связано с негативной оценкой немецкими охотниками запрещенного законом выстрела из леса, который направлен за пределы территории предписываемого для использования охотничьего угодья. Например, косуля пасется на территории охотничьего угодья на расстоянии 20-30 метров от его границы. После попадания пули сзади косуля всегда бежит в лес, на «родину». Именно оттуда не может производиться запрещенный правилами выстрел (*Heimatabschuss*) (*ibid.*: 75). Передача значения указанной немецкой лексики возможна лишь при использовании соответствующего описательного перевода.

Прилагательное *hegerisch* перевести на русский язык в отдельно взятом виде практически невозможно. Оно восходит к немецкому существительному *Hege*, которое представляет собой имя собирательное, обозначающее ‘правовые, административные и предпринимаемые частными лицами меры, направленные на охрану охотничьих традиций, которые предпринимаются охотниками для сохранения и защиты диких животных’. Среди немецких охотников широко распространен девиз: «*Keine Jagd ohne Hege!*» (*ibid.*: 75). Перевести на русский язык данный девиз можно было бы следующим образом: «Охотясь, думай о защите животных!» Но в такой формулировке на русском языке он звучит без дополнительных пояснений довольно необычно.

Приведенные и некоторые другие примеры показывают, что культурный трансфер, обеспечиваемый посредством пере-

вода, требует внимательного отношения к культуре-донору и предполагает учет национальной специфики.

Библиографический список

Numssen J. Handbuch Jägersprache. München: BLV Buchverlag, 2017.

СПОСОБЫ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ ИКОНОПИСНОЙ ЛЕКСИКИ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (стилистический аспект)

Е. В. Поликарпова

К иконописной лексике мы относим названия икон, церковной утвари, имеющей отношение к иконам, лексику, сопровождающую их написание, оформление, хранение, реставрацию, юридически имущественное сопровождение вопросов, связанных с иконописью и составляющих терминосистему иконописной лексики. Терминосистема русскоязычной и немецкоязычной иконописной лексики представляет собой крайне разнородную систему ввиду включенности в нее религиозных терминов самых разнообразных групп. Ядром терминосистемы является термин «икона» / «die Ikone». Периферию терминосистемы составляют обозначения инструментария, приемов, техник создания иконописного изображения, композиционных элементов иконы, а также изображенных на ней предметов, фигур и других объектов.

Понимание развития иконописного терминологического аппарата невозможно без понимания историко-культурных событий, связанных с доминирующими религиями двух языковых культур. Бурное развитие протестантизма в Германии, последовавшие за этим общественные волнения и вооруженные конфликты, определение зон влияния католической и протестантской церквей в конечном итоге привели к ситуации своеобразного двоеверия, до сих пор накладывающего значительный отпечаток на культурный ландшафт современной Германии. Бурное развитие протестантизма в Германии, становится, таким образом, поставщиком большого ряда «воинственных» лексем в мире церковной лексики и церковного убранства в том числе. Перевод Библии на немецкий язык основоположником Реформации Мар-

тином Лютером в 1522 г. (Соловьев 1984: 200) как важнейшее событие в становлении немецкого литературного языка и формировании церковного терминологического аппарата оказало значительное влияние на иконописную, в частности, и церковную лексику немецкого языка в целом. Реформатор перевел на немецкий язык не только само Священное Писание, но и отдельные понятия, найдя для них эквиваленты в общенародном языке (Алексеева 2004: 73). Русская православная церковь, изначально возникшая по образцу Византийской Империи, наряду с византийской обрядовостью, с присущей ей консервативностью без изменений переняла саму терминологию, принятую в греческом языке. В связи с этим, несмотря на национальный, несколько архаичный язык богослужения, большая часть терминологического аппарата русской православной церкви представлена заимствованными лексическими единицами.

Исходя из мнения В. В. Лепехина, иконы могут выполнять двадцать одну функцию (догматическую, вероучительную, познавательную, свидетельскую, проповедническую, храмовую, богослужебную, антропологическую, богословскую, историческую, воинскую, напominательную, посредническую, родовую, хозяйственную, прикладную, эмоциональную, молитвенную, чудотворную, эстетическую, литературную (Лепехин 2001: 26). Несмотря на некую громоздкость данного перечня он отражает существование иконы в широком спектре исторических, культурных, богословских и бытовых реалий.

Разнообразие сюжетов иконописных изображений, а также функций икон, отражающих ее многоплановое значение в жизни верующих, являются предпосылкой разноплановости стилистики иконописной лексики. Сравнение конкретных иконописных лексем в паре русского и немецкого языков обнаруживает воплощение стилистических приемов, черт, наличие богатого стилистического регистра. Знание общей тенденции приемов перевода иконописных лексем, описание стилистических приемов, избирательно используемых в аналогичных случаях транслационного переложения с русского на немецкий, поможет избежать погрешностей перевода и достичь адекватного перевода в описываемой паре языков.

Библиографический список

Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.

Левахин В. В. Функции иконы. Икона и образ. Сомбатхей, 2001.

Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МНОГОЗНАЧНЫХ ТЕРМИНОВ

О. Б. Полянчук, Ю. А. Гребцова

Проблема многозначности в сфере терминологии приобретает особый интерес в переводческом аспекте. Актуальность исследования такого типа многозначности связана со следующим: во-первых, специфика специального контекста, включающего многозначные термины такова, что значение термина не во всех случаях оказывается эксплицитным, что требует более детального анализа его семантики при переводе; во-вторых, подобного рода исследования необходимы для дальнейшего упорядочения терминов.

Целью настоящего исследования является выявление способов достижения эквивалентности перевода французских многозначных терминов на русский язык. Терминология представляет собой особую группу номинативных средств, специфика которых зависит от специфики терминологических признаков. Можно говорить о тенденции сближения терминологии с нелингвистическими знаковыми системами, вызванной ее более упорядоченным характером по сравнению с нетерминологическим словарем. Многозначность — это явление, характерное и естественное для терминологии. Существуют как полисеманты, принадлежащие к одной и той же области науки или техники, так и полисеманты, значения которых выходят за пределы какой-либо одной специальной дисциплины (Тамба 2005). Полисемия в терминологии может быть связана с возможностью разных концептуальных интерпретаций одного и того же явления. В этом случае речь идет именно о многозначности, а не о каком-то особом типе контекстуальной изменчивости, поскольку различные понимания кон-

кретного явления, во-первых, сопоставимы друг с другом и, во-вторых, не исключают друг друга в общих контекстах (Bréal 1896). В связи с этим необходимо различать межотраслевую и внутриотраслевую полисемию. Наибольшую трудность при переводе представляет внутриотраслевая полисемия, поскольку в рамках одной и той же области знания достаточно сложно дифференцировать значение термина. Например, термин *tension* в физике означает: 1. Соппротивление, оказываемое стенками емкости, наполненной жидкостью. 2. Сила, разделяющая различные части тела, подверженного воздействию. 3. Состояние натянутой эластичной субстанции. Нами исследованы многозначные термины, относящиеся к области медицины как в плане межотраслевой, так и в плане внутриотраслевой многозначности. В результате исследования было установлено, что для достижения адекватности перевода необходимо обратиться к семантическим механизмам развития многозначности. Нами установлено при помощи метода компонентного анализа, что механизмом семантической деривации при терминологизации (межотраслевая полисемия) и при изменении значения термина (внутриотраслевая полисемия) является способ действия. Именно результат анализа такого механизма и помогает переводчику выбрать наиболее адекватный вариант толкования термина. Например, Термин *jointure* в общеупотребительном смысле переводится как «шов», в медицинской области как «стыковидный узел», «сустав», «уплотнение». Общая сема — «соединение». В ходе анализа мы приходим к выводу, что общая сема у многозначного термина *jointure* в общем употреблении и в области медицины определяется по способу действия, что и отражается в переводе (стыковидный).

Таким образом, существует регулярная зависимость между структурно-семантическими, когнитивными аспектами многозначного термина и его реализацией в терминологическом контексте средствами исходного языка и языка перевода.

Библиографический список

- Bréal M. Essai de sémantique: science des significations. Paris: Hachette, 1896.
- Tamba I. La sémantique. Paris: Presses Universitaires de France, 2005.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ КАК ОСЛОЖНЯЮЩИЙ ФАКТОР ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА

С. В. Пшеничная

Автору, который ставит перед собой задачу рассказать широкой аудитории о реалиях и проблемах отдельной индустрии, неминуемо приходится задумываться над тем, как сделать предстоящий разговор с читателем содержательным, нескучным и, самое главное, максимально понятным.

В качестве примера приведем книгу Джейсона Шрейера *Кровь, пот и пиксели. Обратная сторона видеоигр*. В ней автор на материале интервью с разработчиками показывает изнанку процесса создания видеоигр и наглядно демонстрирует, насколько тернист и непрост путь от начала проекта до его завершения. Повествование о внутренней «кухне» сопровождается профессиональным жаргоном. Здесь встречаются специфические понятия: «*Turns out that **rendering** trick is useless, because it knocks your game's **frame rate** down to ten **frames per second**...*»; упоминаются значимые для отрасли реалии: «*...how that might affect your **Meta-critic score***», «*... you were fantasizing about the speech you'd make at **The Game Awards** after taking home **Game of the Year***» (Schreier 2017: 6). Казалось бы, сленг и незнакомые реалии могут отпугнуть читателя, не разбирающегося в этой сфере. Однако у Шрейера получилась увлекательная и понятная книга, предназначенная для очень широкой аудитории. Легкий слог и эмоциональное повествование подкреплены примечаниями автора, которые помогают разобраться, что к чему: «*A game's frame rate is the frequency at which images are displayed on the screen. <...> when the frame rate dips lower than that [thirty frames per second], everything in the game starts to look choppy*». Некоторые реалии поясняются сразу по тексту: «*...if the game hit an 85 (out of 100) on Metacritic, a website that aggregates review scores from across the Internet*» (ibid.: 16). Благодаря этим решениям *Кровь, пот и пиксели* с живым интересом читают и сами разработчики, и те, кто мечтает ими стать, и те, для кого игры — просто один из видов досуга.

Можно предположить, что для создания перевода, который также будет адресован широкой аудитории, достаточно повторить авторскую стратегию. Примечания, внесенные Шрейером, будут исчерпывающими, а значит, к их переводу в новый текст

добавить нечего. Впрочем, это серьезное заблуждение, так как профессиональный сленг получателями текстов на ИЯ и ПЯ будет восприниматься по-разному. В русских подъязыках таких сфер как цифровые технологии, видеоигры, маркетинг наблюдается большое количество англицизмов, зачастую непонятных стороннему человеку. И если для читателя перевода многочисленные англицизмы («натч», «пайплайн», «кранч») послужат явной преградой к пониманию, то для англоязычной аудитории такая лексика в ряде случаев будет мотивированной: *playtesters, crowdfunding, to polish*.

Интересное решение предложила переводчик второго издания книги А. Голубева, пояснив ход своих мыслей во вступлении «Пара слов от переводчика». В переводе частично сохранены профессионализмы, от которых невозможно отказаться без смысловых потерь; если же англицизм легко заменить, то сленговое слово убирали из конечного текста: «**Кранч** — это <...> особый тип длительного аврала, свойственный именно игровой индустрии», тогда как «**мультиплеер** ничем не отличается от многопользовательского режима». Кроме того, переводчик решил, что важно познакомить читателя с языком общения русских разработчиков, и добавил для пояснения терминов глоссарий (Шрейер 2019: 8).

Использование профессиональной лексики способно сузить круг потенциальных читателей, и автору, который хочет адресовать текст широкой аудитории, необходимо вносить пояснения. Чтобы избежать бесконтрольного роста примечаний в переводе, вместо англицизмов используются более понятные читателю синонимичные единицы, когда это не искажает смысл и не меняет коннотацию.

Библиографический список

Шрейер Дж. Кровь, пот и пиксели. Обратная сторона индустрии видеоигр / пер. с англ. А. Голубевой. М.: Эксмо, 2019.

Schreier J. Blood, Sweat, and Pixels: The Triumphant, Turbulent Stories behind How Video Games are made. New York: Harper Paperbacks, 2017.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТЕКСТА И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ЕГО ПЕРЕВОДЕ

М. Ю. Родионова

В лингвистике, культурологии, философии уже не одно десятилетие ведутся споры о характере взаимодействия языка, мышления и культуры. Существуют разные мнения по поводу того, является ли язык частью культуры или формой ее выражения, определяется ли мышление народа его языком и культурой или, напротив, культура и язык производны от мышления (Тимко 2007). Несомненно одно: язык, мышление и культура связаны неразрывно. Точно так же не подлежит сомнению и связь присущих каждому народу концептуальной, языковой и культурной картин мира. Их сложное и многогранное взаимодействие чрезвычайно интересно в чисто теоретическом отношении. Но, помимо этого, оно представляет не меньший интерес и в плане прикладном. Речь идет о межкультурной коммуникации и, в частности, о такой ее разновидности, как общение через перевод. В свою очередь, возникающие при этом проблемы требуют не только нахождения практических решений, но и теоретического их осмысления в рамках переводоведения.

Говоря о прагматической, и в первую очередь, о национально-культурной адаптации текста при переводе, под национально-культурной спецификой текста часто подразумевают реалии, которые существуют в культуре, а значит, и в языке исходного текста и представляют собой национально окрашенную лексику. Однако национально-культурная обусловленность текста этим не ограничивается. Язык и культуру можно считать проявлением особого национального менталитета, характерного для всех представителей данной культуры. Автор создает текст через призму своей языковой картины мира, своего восприятия, в которое вложена вся национально-культурная специфика. В таком случае можно рассматривать текст как комплекс ассоциаций, тесно связанных с культурой. Практически любой текст включает в себе элементы национально-культурной специфики, не известные получателю перевода или, во всяком случае, отличные от национально-культурных представлений этого получателя. Если в процессе перевода данные элементы теряются, то

появляется текст, отличающийся от оригинала и по объему информации, и по ее характеру. Кроме информационных потерь, могут возникать и логические сбои в восприятии текста перевода. Это связано с тем, что у адресата оригинала вся информация текста накладывается на определенный национально-культурный фон социоментальной картины мира, а у получателя перевода этот фон другой. Примером может служить восприятие цветов в разных культурах: во многих странах белый цвет обозначает чистоту, невинность, торжественность, в то время как на Востоке он символизирует траур и печаль. Поэтому для жителей Китая, Индии и Японии остается непонятным выбор европейцами белого цвета для такого радостного события, как свадьба. Черный цвет имеет на Востоке только положительное значение, потому что символизирует любовь и семейное счастье, в то время как в Европе этот цвет считается траурным. Как в таком случае должен решать эту проблему переводчик: поменять ли белый цвет на черный, выстроив тем самым логику текста, которая не вступала бы в противоречие с национально-культурным фоном получателя перевода, или сохранить фактическую составляющую оригинала, дополнив текст поясняющими комментариями и тем самым изменив характер общения автора с читателем? Очевидно, решение вопроса о характере и способах национально-культурной адаптации текста в первую очередь зависит от цели выполнения перевода.

Библиографический список

Тимко Н. В. Фактор «культура» в переводе. Курск: Курский гос. ун-т, 2007.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Е. С. Степанов

Безэквивалентность в переводе по-прежнему влечет за собой большие трудности для переводчика, и прежде всего тогда, когда речь идет о лексике с национальным характером и культурной спецификой (Елизарова 2005: 24). В настоящем исследовании

производится попытка изучить особенности перевода одной из частей безэквивалентной лексики — культурных реалий. Под культурными реалиями мы, с опорой на мнение М. Л. Вайсбурд, понимаем номинации свойственных лишь конкретной нации фактов быта, истории и культуры, в том числе предметов материальной культуры, национальных деятелей, художественных персонажей и т. п. (Вайсбурд 1972: 98). В качестве источника эмпирического материала была использована онлайн-платформа decoder, где в виде параллельных текстов представлены оригинальные публицистические тексты на русском языке и их переводные версии на немецком.

В ходе анализа были исследованы 185 случаев употребления реалий в русском и их контекстуальные соответствия в немецком. С привлечением классификации В. С. Виноградова (Виноградов 2001: 87), были выделены следующие группы исходных реалий: 1) ономастические реалии: антропонимы (*Горбачев, Дудь, Пиритим* и др.), топонимы (*Московское царство, Крым* и др.), названия художественных произведений («*Нагрудный знак "OST"*», «*Культура и взрыв*» и др.); 2) реалии государственно-административного устройства и общественной жизни: организации, ведомства (*спецслужбы, силовики, «Мемориал»* и т. д.), исторические эпохи (*петровская эпоха, Золотой русский век* и др.), события (*путч 1991 года, распад СССР* и др.) и т. д.; 3) ассоциативные реалии: языковые аллюзии («*Петр прорубил окно в Европу*», «*Можем повторить*» и др.), художественные аллюзии («*Сила в правде*», «*Кровотийца для вас все-таки милее?*» и др.). Для адекватной передачи реалий на иностранный язык стоит учитывать также временной фактор (реалии современные и исторические) (Флорин, Влахов 1980).

Анализ переводных соответствий позволил установить, что наиболее частотным способом передачи реалий с русского языка на немецкий в рассмотренных текстах является объяснение в сочетании с транскрипцией либо калькированием: исходная реалия транскрибируется или передается буквальным переводом на немецкий язык и сопровождается комментарием с объяснением. Введение в медиатексты элементов гипертекстуальности позволяет компактно, но при этом информативно использовать прием объяснения в виде: а) ссылок на другие публицистические статьи, б) всплывающих сносок внутри текста, в) так назы-

ваемых «гноз» (справочных статей): *Перестройка — Perestrojka* [Im engeren Sinne bezeichnet Perestrojka die politische, wirtschaftliche und gesellschaftliche Umgestaltung... Mehr dazu in unserer Gnose]. Помимо этих способов для передачи реалий на немецкий язык использовались методы приблизительного перевода: родовидовое соответствие (*силовые ведомства — staatliche Behörden*), функциональный аналог (*прокремлевские молодежки — kremltreue Halbstarke*), а также опущение и добавление.

Библиографический список

Вайсбурд М. А. Реалии как элемент страноведения // Русский язык за рубежом. 1972. 3. С. 98—100.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.

Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб: КАРО, 2005.

Флорин С., Влахов С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ — ОБОЗНАЧЕНИЙ СНЕГА И ЛЬДА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В. И. Стрелков

А. Вежбицкая считает, что к каждому языку прикреплена определенная картина мира (Вежбицкая 1996: 5). Е. С. Закирова, Е. С. Сорокина и некоторые другие ученые считают языковую картину мира представлениями об окружающем мире, сложившимися в сознании общества и выраженными в языковой форме (Закирова 2015: 6). Она определяется при этом как фрагмент общей картины мира (ibid.: 22). Языковая картина мира ученого-гляциолога больше всего связана с такими понятиями как «снег» и «лед». Научные термины — обозначения снега и льда подвергаются влиянию профессиональной языковой картины мира гляциологов как носителей культуры, образов, смыслов. Связь культуры и языка можно продемонстрировать на примерах терминов — обозначений снега и льда из английского, немецкого, шведского и исландского языков. Ср.: *snowflake*

(англ.), *snöflinga* (шв.), *Schneeflocke* (нем.), *snjó Korn* (исл.). В качестве семантической основы образования данных терминов — обозначений снежных кристаллов явно прослеживаются метафоры. В вышеназванных номинациях отражена форма кристалла. Английское слово *flake*, заимствованное от латинского *planus* (Paul 1960), обозначало ранее ‘плоский’, в настоящее время оно ассоциируется с хлопьями. В шведском языке этимология лексического компонента *flinga* аналогична английской. В немецком языке лексема *Flocke*, сегодня женского рода, раньше была мужского рода и обозначала ‘Wollbüschel’ («комоч шерсти»). Она является заимствованием от латинского *floccus*, имеющем значения ‘осколок’, ‘чешуйка’, ‘стружка’, а в значении ‘Schneeflocke’ связана, скорее всего, с глаголом германского происхождения *fliegen* ‘лететь’ (Paul 1960: 196). В исландском языке в качестве метафоры используется лексема *korn*, обозначающая ‘зерно в значении ‘зернышко’ и образована от протогерманского *kurnam* в значении ‘small seed’ («маленькое семя») (Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]).

Сравнение терминов *iceberg* (англ.), *Eisberg* (нем.), *isberg* (шв.), *ísjakinn* (исл.) показывает, что каждый из данных терминов обозначает ‘гигантский осколок льда, отколовшийся от ледника и дрейфующий в море’. Если в английском, немецком и шведском языках проявляется одинаковая по природе метафора „berg” («гора»), то в исландском языке наблюдается прямое влияние исландской языковой картины мира. В исландском термине, обозначающем айсберг, в качестве второго компонента детерминативного композита используется лексема *jaki* древнеисландского происхождения, обозначающая ‘осколок, обломок’ (Стеблин-Каменский 2017: 245). Отличие второй словообразовательной основы в исландском языке объясняется политикой языкового пуризма, проводимой в Исландии на протяжении длительного времени, что по большей части вызвано географическим положением территории проживания носителей исландского языка.

Далее рассматриваются терминологические единицы — обозначения вечной мерзлоты: *permafrost* (англ.), *Permafrost*, *Dauerfrostboden* (нем.), *permafrost* (шв.), *sífreri* (исл.) В вышеприведенных терминах гляциологической направленности можно наблюдать тенденцию к образованию сложных слов в германских

языках. Во всех терминах прослеживается использование детерминативных композитов. При этом в английском, немецком и шведском языках в качестве первой составляющей реализуется компонент латинского происхождения *perma* в значении ‘постоянный’, а в качестве второй составляющей функционирует общегерманский элемент *frost*. Следует отметить, что в немецком языке в гляциологическом дискурсе активно используется также и трехкомпонентное сложное существительное *Dauwfrostboden* с идентичной семантикой, однако третий элемент данного композита *Boden* указывает на ‘грунт’, ‘почву’ т. е. ‘основу, подверженную промерзанию в условиях низких температур’. Исландский термин *sífreri* образован от сложения двух основ (*sí* в значении ‘насквозь, полностью’ и *freri* в значении ‘промерзший’) (ibid.: 281).

Таким образом, языковая картина мира оказывает существенное влияние на формирование терминов — обозначений снега и льда, так как образы и смыслы, составляющие ту или иную культуру, влияют на все сферы деятельности человека, в том числе и на научную. Если сосредоточиться на языковой картине мира гляциолога, то мы можем говорить о заметном влиянии немецкого языка на образование научных терминов снега и льда. Это объясняется проведением первых гляциологических исследований в швейцарских Альпах.

Изучение влияния языковой картины мира на формирование терминов — обозначений снега и льда в германских языках позволит создать более качественные словари, глоссарии и экспертные системы, посвященные предметной области гляциологии.

Библиографический список

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Закирова Е. С.* Лингвокультурологическая парадигма языка для специальных целей (на материале английского и русского языков для специальных целей в сфере автомобильного транспорта): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.
- Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.etymonline.com/>.
- Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1960.
- Стеблин-Каменский М. И.* Деревнеисландский язык М.: Ленанд, 2017.

**ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОГО ФУТБОЛЬНОГО
ТРЕНЕРА Ю. КЛОППА**

М. Н. Тришина

Спорт привлекает внимание людей различных национальностей со всего мира. Именно поэтому так важна качественная коммуникация между всеми участниками спортивного мероприятия: между организаторами соревнований, спортсменами, тренерами, фанатами и т. д. Задача корректной, выверенной трансляции важной информации актуальна и для переводчиков, занятых в области спорта и спортивной коммуникации.

Переводчику необходимо понимать особенности спортивного дискурса различных языков, так как ему приходится решать множество проблем, связанных с адекватным переводом иностранной речи, сотканной из специальных терминов, жаргона, метафор, фразеологических оборотов и др.

Узкие рамки статьи не позволяют рассмотреть данный аспект с разных перспектив, мы остановимся на анализе аутентичных примеров, которые были собраны во время наблюдений за языковым и коммуникативным поведением известного немецкого футбольного тренера Ю. Клоппа.

Продолжить изучение дискурса Ю. Клоппа на предмет транслатологических и примыкающих к ним проекций стимулировала работа Р. В. Белютина, в которой он исследует проблемы наиболее «уязвимых» участков переводческой деятельности при соприкосновении с метафорическим пространством «иной ментальности» как раз на примере непонимания переводчиком метафорического выражения, использованного футбольным тренером Ю. Клоппом во время пресс-конференции (Белютин 2018).

Поскольку в центре внимания находятся особенности речевой коммуникации, то необходимо иметь в виду, что «суть коммуникативных правил состоит в их постоянном нарушении» (Тарасова 1992: 142). В обычном случае лингвистическое описание игнорирует примеры нестандартных употреблений, считая их маргинальными. Однако следует обратить внимание на анализ подобных нестандартных употреблений и интерпретировать их не как ошибки, а как специфические операции над знаниями.

Подобные операции используются, в частности, для намеренного осложнения коммуникативного процесса (Иссерс 2002: 19—20).

Как показывают примеры, наибольшее количество случаев, которые принято называть трудностями перевода, приходится на передачу иноязычной лексики и трансформацию фразеологизмов. Данные средства нарушают (зачастую это интенция субъекта речи) ясность речи и вызывают трудности при их переводе.

Анализируя дискурс Ю. Клоппа, стоит обратить внимание на то, что фразеологические выражения в немецком и английском языках (в данный момент Клопп тренирует английский клуб и много общается на английском языке) не совпадают по своему значению. Так, например, на одной из футбольных пресс-конференций британский переводчик столкнулся с переводом устойчивого выражения *Die Trauben hängen hoch*, которое было использовано Ю. Клоппом для оценки степени готовности его подопечных к предстоящему матчу. Согласно статье, данной в орфографическом словаре немецкого языка Duden, эта идиома интерпретируется как «jemandem hängen die Trauben zu hoch / sind die Trauben zu sauer (die Sache ist ihm zu mühsam oder seine Fähigkeiten dazu nicht ausreichen; nach einer äsopischen Fabel) (Duden [Электронный ресурс]).

В русском языке эквивалентом данному фразеологизму является выражение «зелен виноград» как ироническое описание ситуации, когда неудача объясняется тем, что на данный момент цель является недостижимой. Первоначально это выражение встречается в басне *Лиса и виноград*, которая принадлежит перу легендарного древнегреческого поэта-баснописца Эзопа (Зелен виноград [Электронный ресурс]). Сходный фразеологизм из этой басни вошел в множество европейских языков, в том числе в английский и немецкий языки.

Подобное нестандартное употребление создало комический эффект, с одной стороны, но с другой стороны, осложнило понимание речи говорящего в силу того, что британский переводчик привел собственную версию «they are in the dreamland», а не точный эквивалент. Такая вольность была встречена смехом со стороны самого тренера и присутствующих журналистов. Данный фразеологический оборот следовало бы перевести на английский язык следующим образом: «the grapes are sour».

Итак, проведенный анализ показывает, что переводчику необходимо постоянно работать не только над профессиональной терминологией, но и над фоновыми знаниями, так как в речи представителя иноязычной культуры могут присутствовать выражения, содержащие скрытый смысл, верное понимание которых может повлиять на адекватность перевода.

Библиографический список

Белютин Р. В. Проблема непонимания метафор в спортивном дискурсе (на материале пресс-конференции с участием Ю. Клоппа и русского переводчика) // Эволюция и трансформация дискурсов: сб. науч. статей. Вып. 3. Самара: Центр периодических изданий, 2018. С. 163—167.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.

Тарасова И. П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. М., 1992.

Beljutin R. “Ichhabefertig!” Fehlpässeim Fußballdiskurs // Muttersprache / hrsg. von der Gesellschaft für deutsche Sprache. 2016. 126. Jg. S. 333—349.

Список источников примеров

Зелен виноград. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Лиса_и_виноград](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лиса_и_виноград).

Колпащикова Ю. А. Проблемы перевода профессиональных текстов спортивной тематики // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф., г. Москва, июнь 2016 г. М.: Буки-Веди, 2016. С. 120—122. Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/178/9784/>.

Duden — Die Trauben hängen hoch. Retrieved from: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Traube>.

Jürgen Klopp: “This is not a wish concert”. Retrieved from: <https://www.stern.de/sport/fussball/juergen-klopp-bringt-uebersetzer-waehrend-presse-konferenz-ins-schwitzen-6707134.html>.

Jürgen Klopp und sein Englisch: “This is not a wish concert”. Retrieved from: <https://web.de/magazine/sport/fussball/international/juergen-klopp-englisch-this-is-not-a-wish-concert-31289226>.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (на примере англо-американского уголовного права)*

Т. В. Ускова, И. Д. Бекоева, Л. В. Кулумбегова

В последние годы все большему числу специалистов требуется владение английским языком. Однако оказывается, что без знания специальной терминологии, а также экстралингвистических знаний эффективная профессиональная коммуникация невозможна. Таким образом, в процессе обучения студентов-юристов иностранному языку необходимо обратиться к переводу юридических терминов в различных отраслях права, юридических документах, а также рассмотреть основные принципы перевода.

Главной целью перевода является как можно более точно передать информацию, заложенную в исходном тексте, причем вид информации обусловлен типом текста. Переводя тексты юридической тематики необходимо принимать во внимание тот факт, что подобным текстам присущ определенный стиль, а лексические единицы, являющиеся частью языка общего употребления, могут иметь совершенно другое значение. С точки зрения грамматического строя, юридические документы и тексты также могут иметь значительные отличия. При переводе юридических текстов необходимо помнить, что юридический дискурс представляет собой различные виды дискурса: дискурс юридической консультации или судебного заседания.

Более того, для качественного перевода юридического текста с английского языка невозможно обойтись без экстралингвистических знаний о системе права англоязычных стран.

При переводе англоязычных терминов уголовного права мы сталкиваемся с проблемой отсутствия соответствующих понятий в русском языке. Например, все преступления подразделяются на две основные категории: *felony* и *misdemeanor*, которые невозможно адекватно перевести, учитывая классификацию преступлений в УК РФ, в результате чего, используется транслитерация «фелония» и «мисдиминор».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-07003.

Изучая различные отрасли права, студенты-юристы сталкиваются с тем, что в зависимости от области применения один и тот же юридический термин будет переводиться по-разному.

Например, англо-русские юридических словари предлагают «нанесение побоев, избиение» в качестве перевода термина *battery*. В *Black's Law Dictionary* мы находим дефиницию «any unlawful beating, or other wrongful physical violence or constraint inflicted on a human being without his consent» (любое неправомерное избиение, или другие незаконные формы физического насилия, либо принуждения в отношении физического лица без его согласия) или «the intentional application of physical force to someone without his consent» (умышленное применение физической силы в отношении лица без его согласия) (*Black's Law Dictionary* 1999: 146). Общее право Англии определяет *battery* как «unlawful application of force by the defendant upon the victim» (неправомерное применение силы обвиняемым в отношении потерпевшего) (*R v Ireland* 1997). Что же касается российского законодательства, то «побои» означают нанесение неоднократных ударов (Лебедев 2014: 226). Исходя из этого, можно сделать вывод, что понятие *battery* шире, чем «побои», и иногда следует использовать «оскорбление действием», «причинение физического вреда здоровью», либо «насилие» в качестве более адекватного перевода. Таким образом, только контекст позволяет уточнить значение и предложить соответствующий перевод термина в том или ином случае.

Библиографический список

Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2014.

Black's Law Dictionary. St. Paul, Minn., 1999. [7th ed.]

R v Ireland [1997] 3 WLR 534 [Электронный ресурс]. All Answers Ltd. lawteacher.net, November 2018. Retrieved from: <https://www.lawteacher.net/cases/r-v-ireland.php?vref=1>.

**МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ
«ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ»**

**ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ
НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ***

М. А. Викулина, А. Р. Бязрова, Д. Г. Алборова

Толерантность является одним из условий обеспечения взаимодействия и сосуществования представителей разнообразных культур и конфессий в современном мире. С этой точки зрения проблема толерантности исследуется представителями разного рода областей научных знаний, в том числе множество работ посвящено формированию межкультурной толерантности лингвистов-переводчиков (см., например, работы А. И. Алешиной, Н. А. Груба, М. Е. Орехова и др.). Авторы рассматривают межкультурную толерантность как необходимое профессионально-личностное качество лингвиста-переводчика, поскольку современный переводчик призван обеспечивать взаимопонимание представителей разных языков и культур, моделируют педагогические условия формирования межкультурной толерантности, а также прогнозируют обогащение этнокультурных ориентаций будущего специалиста в процессе становления его толерантности.

Однако необходимость конструктивного толерантного взаимодействия на иностранном языке актуальна и для представителей нелингвистических специальностей. Мы рассматриваем обучение переводу и переводческую деятельность как универсальный способ постижения менталитета инофона, формирования представления о его концептуальной картине мира и принятия этноспецифических особенностей мировоззрения носителя языка. Реализация переводческих стратегий предполагает дискурсивный анализ, выход за формальные рамки текста, обращение к культурным, историческим, социальным и иным условиям развития общества, а также представляет собой возможность проследить соотношение языка, культуры и мышления.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-07003.

Обучение переводу в том числе студентов нелингвистических профессий не сводится к «машинальному» выбору термина или автоматическому использованию лексико-грамматических трансформаций: ориентация на концептуальную картину мира инофона, как на продукт обработки вербальной и невербальной информации, приводит к своего рода «импорту» концептов, как культурных, так и профессиональных. Концепт является отражением сочетания разных видов восприятия в сознании человека и представляет собой ментальную структуру, аккумулирующую энциклопедические знания о фрагменте реальности и связанные с ним ассоциации и оценки, тогда как язык как семиотическая система выступает в качестве одного из способов формирования концептов в сознании.

В процессе обучения переводу с позиции «диалога культур» и коммуникативно-ценностного подхода за счет вторичного формирования в сознании студентов концептов и констант, свойственных носителям изучаемого языка, обеспечивается их «принятие и понимание», что способствует позитивному, толерантному восприятию реалий иной культуры. Это реализуется в доброжелательности, эмпатии, отсутствии стереотипов, мобильности мышления, коммуникабельности и языковой гибкости.

Решение переводческих задач позволяет студенту-нелингвисту переосмыслить реалии, свойственные культуре инофона, что приводит к смягчению оценок, искоренению предрассудков, принятию позиции представителей других культур. Таким образом, обучение переводу как опосредованное погружение студентов нелингвистических специальностей в менталитет и культуру носителя языка и как способ постижения концептуальной картины мира инофона является важным фактором формирования межкультурной толерантности у студентов-нелингвистов.

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО ГЛОССАРИЯ В СФЕРЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

С. А. Гельдыева

Современному миру свойственно активное развитие существующих сфер деятельности и появление новых, активно раз-

вивающихся областей, что вызывает нарастающую потребность в переводе специальной литературы. Темпы и качество изменений требуют от переводчика умения максимально быстро и эффективно осваивать новую терминологию и ее перевод.

Так, в последнее время наблюдается активное развитие процесса интернационализации высшего образования, в том числе, сотрудничества российских и зарубежных вузов в рамках проектов Erasmus+. Опыт участия автора в одном из проектов Эрасмус+, реализуемых в Воронежском государственном университете, привел к пониманию необходимости изучения русской и французской терминологии данной сферы, что обусловило актуальность настоящего исследования.

Цель статьи — описать принцип составления глоссария, содержащего термины из сферы европейских образовательных проектов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: изучение теоретического материала, посвященного природе и переводу термина, составление глоссария, содержащего базовые термины из изучаемой сферы и проведение их комплексного анализа.

Исследование базируется на следующих теоретических предпосылках. Во-первых, по мнению ученых, термин всегда принадлежит к определенной области знания, отличается точностью значения, контекстуальной самостоятельностью, системностью, номинативностью, стилистической нейтральностью, устойчивостью и воспроизводимостью в речи; термин отражает понятие или концепт реальной, ирреальной, ментальной действительности (Гринев-Гриневиц 2004; Некрасова 2008; Лейчик 2009).

Во-вторых, при переводе терминов следует учитывать, что он всегда интегрирован в конкретный текст, который адресован определенному получателю информации, так как текст — это то сообщение, которое человек говорит или пишет для других людей (Алексеева 2008), и потребность в нем определяется «потребностями конкретных людей, осуществляющих собственную предметную (производственную или познавательную) деятельность» (Сдобников 2015: 82).

В-третьих, исследование опирается на положения французской интерпретативной теории периода перевода (ИТП) (Lederer 2006; Ледерер 2007; Алексеева 2007; Алексеева 2017), на основе которой построена методика преподавания перевода в

Высшей школе переводчиков ESIT (Париж, Франция). ИТП предполагает детальное, аргументированное описание процесса перевода, который строится на понимание смысла оригинала и его ревербализации на язык перевода. Для нашего исследования релевантны утверждения о том, что, приступая к переводу научно-технических или профессионально ориентированных текстов, переводчик должен мобилизовать и пополнять свой когнитивный багаж сведениями из тематической справочной литературы в рамках переводимой тематики. В результате синтеза положений ИТП, методики преподавания перевода, методологии исследования терминологии, принятыми в ESIT, с российскими традициями изучения терминов в аспекте перевода, в Воронежском государственном университете сложилось научно-практическое направление работы с терминологией под руководством профессора Е. А. Алексеевой (Шпакова 2018; Майорова 2019; Бородкина 2020).

Практическая часть нашего исследования, посвященная составлению глоссария, содержащего термины из сферы европейских образовательных проектов, связана с реализацией нескольких этапов. На начальном этапе нами осуществлялось изучение документов по образовательным программам ЕС на французском и русском языках. Изученный материал дал возможность пополнить когнитивный багаж, понять основные сведения из изучаемой темы и отобрать для глоссария термины, отражающие базовые понятия. На следующем этапе мы провели детальный анализ каждого термина в соответствии с алгоритмом терминологической карточки, принятой в ESIT, учитывающим дефиниции термина, контекстуальное использование. Затем мы проанализировали сравнительный объем значений терминов, учитывая их особенности в плане многозначности / однозначности, синонимии / полисемии / омонимии, этимологии и их влияния на точный выбор термина при переводе документов ЕС по образовательному сотрудничеству.

В итоге проведенной работы был создан конечный продукт нашего исследования — комплексное пособие для практической работы переводчиков, включающее двуязычный глоссарий, который сопровождается изложением основных документальных сведений по проблеме реализации программ европейского сотрудничества; терминологические карточки, содержащие по-

дробную информацию о термине; анализом принципов точного выбора термина для перевода официальных документов по программам ERASMUS+. На основе полученных в ходе исследования материалов ведется работа по составлению электронной базы терминов, предполагающей возможности ее расширения и дополнения другими терминами.

Таким образом, используемая переводческая технология работы с терминами позволяет провести систематизацию терминов, которая ведет к функциональности и логичности структуры переводного текста, способствует достижению эффективности перевода и, в свою очередь, продуктивности сотрудничества.

Библиографический список

Алексеева Е. А. Перевод текста в свете интерпретативной теории перевода // Исследования в области французского языка и французской культуры. Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания. М.; Пятигорск, 2007. С. 205—215.

Алексеева Е. А. Понятие текста в работах М. М. Бахтина и в интерпретативной теории перевода // Социокультурные проблемы перевода. 2008. Вып. 8. С. 38—44.

Алексеева Е. А. Французский опыт подготовки переводчиков: переводческий и дидактический аспекты: учебно-методическое пособие. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017.

Бородкина Е. М. Перевод термина в рамках интерпретативной теории перевода // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов: материалы Междунар. науч. онлайн-конф. Москва: ИИУ МГОУ, 2020. С. 304—312.

Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004.

Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009.

Майорова Д. С. Принципы предпереводческого анализа терминологии в сфере образования // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти С. Г. Стерлигова. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 98—102.

Некрасова Т. В. Терминологические единицы как средство эффективности иноязычного общения в профессиональной сфере // Вестник Северного (Арктического) федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 74—80.

Сдобников В. В. Определение перевода: коммуникативно-функциональный подход // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2015. № 3. С. 76—84.

Шпакова Т. С. Терминологические карточки как инструмент предпереводческого анализа (на материале русскоязычных, франкоязычных и англоязычных текстов по теме «Садово-парковое искусство») // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации: материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 26-27 июня 2018 г. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 234—242.

Lederer M. La Traduction aujourd'hui: le modèle interpretative. Caen: Lettres Modernes Minard, 2006.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ В ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ АГНОНИМИЧНЫХ ЗОН*

Е. В. Грудева

Работа над созданием электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области позволила дифференцировать разного рода отклонения от нормы и разработать рабочий инструмент для анализа письменной речевой продукции детей-инофонов в научных и образовательных целях (<https://inophone35.ru>) (Grudeva et al. 2019). В рамках многомерной классификации ошибок, обнаруженных в письменных текстах детей-инофонов, выделены следующие категории ошибок: 1) неорфографические; 2) графические; 3) орфографические; 4) лексические; 5) грамматические (Грудева и др. 2018).

* Исследование поддержано РФФИ в рамках проектов: № 18-412-350003 «Создание электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области»; № 20-012-00290 «Устный и письменный нарратив как вторичный текст: особенности порождения разными категориями носителей русского языка».

Представляется, что анализ лексических ошибок может выступать средством выявления агнонимичных зон в лексиконе детей-инофонов. В. В. Морковкин, А. В. Морковкина относят к числу агнонимов лексические и фразеологические единицы (русского) языка, неизвестные, малопонятные или непонятные его носителям (Морковкин, Морковкина 1997). Поскольку агнонимы характеризуют словарный запас языковой личности в каждый конкретный момент ее развития, то в зоне агнонимичности может оказаться любая лексическая или фразеологическая единица.

На данный момент в указанной выше базе речевых ошибок детей-инофонов представлено 126 лексических ошибок, из них связанных с неверным словоупотреблением — 109. Судя по письменным текстам, среди неизвестных или малопонятных для детей-инофонов слов находятся слова разных частей речи. Прежде всего, это глагольная лексика (*запушить, потряхивать, оттаять, развлекаться, презирать, забраться, просветлеть, развлекаться, ткнуться*), а также имена существительные (*макет, дрозд, шум*), наречия и наречные сочетания (*недоуменно, мало, с иголки*).

Приведем некоторые примеры, свидетельствующие об отсутствии в лексиконе ребенка-инофона той или иной лексической единицы (полная агнонимия): (1) *Последние звезды, тихо погасли в **послетевшем** (= просветлевшем) небе* (Илебек, 14 лет, узбекский язык, диктант). (2) ***Затушили** синег (= запушил снег) деревья покрыл землю и берлогу* (Самира, 9 лет, талышский язык, диктант). (3) *Многие посетители, переступавшие порог дома, думали, что гнездо и ласточка **ненастоящие**, а музейный **мукет** (= макет)* (Хадижа, 13 лет, азербайджанский язык, диктант). (4) ***Гразды** (= дрозды) были рады **кусламу** (= вкусно) обеду* (Абдукагир, 8 лет, азербайджанский язык, диктант).

Среди лексических ошибок, связанных с неверным словоупотреблением, в письменных текстах детей-инофонов обнаруживаются ошибки, свидетельствующие о частичной агнонимии: (5) *Мальчик гулял днем **короче** (= мало), а вечером много* (Эльшад, 11 лет, азербайджанский и аварский языки, изложение); (6) *Иногда пес открывал мертвые глаза, **потрескал** (= потряхивал) ушами а потом закрыл глаза* (Арман, 13 лет, армянский язык, изложение); (7) *Новая, **с иголочками** (= с иголки), мичманская форма греет плохо* (Тилек, 13 лет, киргизский язык, изложение);

(8) Но Швабрин был придателом и все его **казнили** (= презирали) (Светлана, 14 лет, армянский язык, сочинение).

Как видим, систематический сбор и анализ лексических ошибок может служить эффективным средством выявления агнонимичных зон в лексиконе детей-инофонов, что в дальнейшем может быть использовано для корректирующей работы учителей и методистов.

Библиографический список

Грудева Е. В., Иванова Е. М., Бучилова И. А., Дивеева А. А. Типология ошибок в аспекте речевой деятельности детей-инофонов // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2018. № 6 (87). С. 78—89.

Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1997.

Grudeva E. V., Buchilova I. A., Diveeva A. A., Ivanova E. M., Selyanichev O. L., Trapeznikov V. S. Electronic Database of Non-native Speakers' Speech Errors as Scientific and Educational Resource (on the Example of Russian Schools) // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE). Vol. 9. Issue 2. December. 2019. Pp. 1557—1561.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ: REVISING И POST-EDITING MACHINE TRANSLATION (PEMT)

А. А. Исаева

Как и во многих отраслях, в переводческой сфере сегодня происходят быстрые изменения, требующие освоения переводчиками новых умений и навыков. Тем не менее, высшие учебные заведения не всегда успевают отреагировать на новые требования рынка. Причин много — прежде всего, академическая сфера не включена в систему разработки технологических переводческих решений. Кроме того, отсутствие базы для подготовки специальных курсов обусловлено нехваткой практикующих переводчиков среди преподавателей перевода и недостатком практического изучения CAT-средств в вузе, а также исследования их влияния на переводческий процесс и результат. Определенная инертность разработки учебных программ и дисциплин не позволяет быстро реагировать на новые требования работо-

дателей, осваивать новые программы (обновления средств автоматизации перевода выходят, примерно, раз в полтора года) и соответственно адаптировать подготовку выпускников. Проблему усугубляет и нехватка финансирования, недостаток или отсутствие отраслевых партнеров, дефицит тесного взаимодействия между выпускающими кафедрами и бюро переводов в процессе студенческой практики.

Однако в процессе перехода к новой модели бизнеса, когда во главу угла ставится повышение прибыли и максимальное снижение издержек, а также необходимость увеличения скорости обработки больших массивов данных, бюро переводов во многих случаях обращаются к системам машинного перевода для реализации широкомасштабных проектов. Ведь благодаря активному использованию технологий искусственного интеллекта результаты машинного перевода все чаще приобретают «человеческие» черты. Поэтому потребность в редактировании и постредактировании человеком полученных текстов диктует новый подход к реализации стратегий подготовки переводчиков в современных вузах.

В ходе исследований в области педагогики перевода был предложен ряд профессионально-ориентированных ситуационных проектных подходов, включающих, например, моделирование профессиональной деятельности и ролевые игры (т. е. студенты становятся терминологами, переводчиками, редакторами или руководителями проектов), что придает особый вес коллективной работе и помогает понять производственный процесс в сфере письменного перевода (см., например, Olvera Lobo et al. 2007; Gonzalez Davies 2004; Kiraly 2000; Исаева 2016). Этот подход используется и в Воронежском государственном университете при организации студенческой практики.

Помимо высокой языковой компетенции и владения современными переводческими решениями, ключевыми навыками, необходимыми сегодня переводчикам, являются навыки проверки, редактирования и исправления (revision/editing) и навыки делопроизводства и научной работы. Ряд выпускников или студентов последних курсов устраиваются в переводческие компании не в качестве письменных переводчиков, а в качестве редакторов машинного перевода (часто в сочетании с обязанностями менеджера проектов). Потребность в редакторах является свидетель-

ством как повышения качества систем машинного перевода (МТ), так и их низкого качества, как ни парадоксально. В таком случае цель перевода заключается в подготовке целевых текстов «пригодных к публикации; не обязательно текстов, которые фактически публикуются, а, скорее, текстов такого качества» (Austermuehl 2013). Как показывает ряд исследований (см. Austermuehl 2011), использование профессиональных переводчиков для проверки и оптимизации текстов, т. е. для послередактирования машинных переводов, может привести к значительному повышению производительности письменного перевода.

Библиографический список

Исаева А. А. Шаги к созданию программного обучающего модуля, направленного на формирование навыков многоаспектной деятельности переводчиков // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: Междунар. сб. науч. статей. Нижний Новгород, 2016. С. 61—65.

Austermuehl F. Future (and not-so-future) trends in the teaching of translation technology. The University of Auckland, 2013 [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://core.ac.uk/download/pdf/19577039.pdf>.

Austermuehl F. On clouds and crowds — current developments in translation technology. T21N. Translation in Transition. 2011. No. 9. Retrieved from: <http://www.t21n.com/homepage/articles/T21N-2011-09-Austermuehl.pdf>.

Gonzalez Davies M. Multiple voices in the translation classroom: activities, tasks and projects. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004.

Kiraly D. C. A social constructivist approach to translator education: empowerment from theory to practice. Manchester: St. Jerome, 2000.

Olvera Lobo M. D., Robinson B., Castro Prieto R. M. et al. A professional approach to translator training (PATТ). Meta. 2007. 52 (3). Pp. 517—528.

ПЕРЕВОД И SOFTSKILLS: О КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ ГРАМОТНО ПОДГОТОВЛЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

К. Е. Калинин

К так называемым гибким, или «мягким навыкам» (softskills) относят довольно широкий спектр порой трудноуловимых и трудно описываемых, однако интуитивно понятных качеств, ко-

которые признаются полезными в ряде профессий и не зависят от собственно обучения этим профессиям: общая рациональность мышления, умение работать с людьми (в коллективе) и влиять на их мнение, умение проявлять гибкость, участвовать в деловом общении, выстраивать связи, умение воспринимать информацию через определенный фильтр, находить противоречия, зоны, которые надо исправить или как-то на них повлиять, упорство и умение планировать, структурированность сознания, аналитическое мышление, быстрота реакции, умение видеть картину целиком, самоорганизация, наличие воображения, нестандартного мышления, умение работать в цейтноте с творческими людьми, умение слышать, слушать и договариваться, самоорганизация, тайм-менеджмент, навыки разрешения конфликтов, уважение к культуре других народов, общие познания, ответственность, этикет и хорошие манеры, учтивость, чувство собственного достоинства, общительность, честность, сочувствие, рабочая этика, проект-менеджмент (Давыдова [Электронный ресурс]).

Объединяет их то, что все это дополнительные, сопутствующие навыки, которые человек приобретает в процессе обучения, практики, трудовой деятельности, порой не всегда это осознавая. Однако несмотря на такой второстепенный (по отношению к собственно профессиональным навыкам — *hardskills*) статус, работодатели сегодня все чаще признают, что ценят в соискателях именно эти качества (*Soft skills* [Электронный ресурс]). Думается, что причин тому несколько. Они служат базой для освоения тех специфических навыков, которые требуются в конкретной отрасли, на предприятии или в его отделе. Они помогают усваивать и поддерживать принятую корпоративную культуру, трудовую дисциплину, устанавливать горизонтальные и вертикальные связи внутри компании и в ее внешней среде.

Кроме того, *softskills* вписываются в актуальную концепцию образования в течение всей жизни (*lifelong learning*) (Le Cunff [Электронный ресурс]) как не зависящие от приобретаемых профессиональных знаний навыков, которые имеют тенденцию к быстрому устареванию.

Человек, обладающий развитыми *softskills*, высоко ценится на рынке труда. Однако этим навыкам нигде специально не учат (это прямо следует из самого их определения как сопутствующ-

щих, приобретаемых подспудно, «в нагрузку» к собственно профессиональным).

Между тем при сопоставлении навыков, относимых разными авторами к категории softskills, с навыками и умениями, формируемыми у студентов при обучении переводу, становится понятно, что именно освоение переводческой профессии способно дать те самые качества, наличие которых сегодня во многом определяет успешность специалиста вне зависимости от области деятельности.

В самом деле, системное мышление формируется в процессе переводческого анализа текста — как письменного, так и устного. Мы учим понимать текст, во-первых, как систему внутри себя: композиция и языковые средства, выстроенные с учетом главной идеи и связанные ясно прослеживаемыми логическими отношениями, и, во-вторых, как элемент системы более высокого уровня, системы коммуникативной ситуации, где мы говорим о таких факторах, как цель отправителя сообщения, характеристика адресата, культурно-исторический контекст и т. д. Навыки эффективного общения — это элемент языковой подготовки будущих переводчиков: умение выстроить речь с учетом заданной коммуникативной цели. Умение работать в коллективе приобретается во время практики — учебной и производственной — когда студенты организуются в команды с распределенными ролями и вместе работают над переводческим проектом. Тайм-менеджмент — это требование своевременной сдачи перевода на проверку, временной лимит на выполнение экзаменационного перевода.

Студенты, осваивающие переводческую профессию, должны понимать, что их не просто готовят к выполнению задач в области письменного и устного перевода. Им целенаправленно помогают развить навыки, которые позволяют уверенно чувствовать себя на рынке труда, гибко адаптируясь к его меняющимся условиям.

Библиографический список

Давыдова В. Слушать, говорить и договариваться: что такое soft skills и как их развивать: Образовательный сайт «Теории и практики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/11719-soft-skills>.

Le Cunff, Anne-Laure. Some hard truths about soft skills / <https://nesslabs.com/soft-skills>.

Soft skills // Wikipedia.

УЧЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО ПЕРЕВОДЧИКА

С. В. Калинина, Л. В. Коцюбинская

Формирование лингвокультурной компетенции является неотъемлемой составляющей процесса профессиональной подготовки будущего переводчика. В настоящей работе лингвокультурная компетенция определяется как «совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощенной в языке, готовности к аксиологической и семиотической интерпретации языковых и экстралингвистических фактов, а также аналитических и коммуникативных умений, которые приобретаются в процессе знакомства с этнокультурными ценностями и концептосферой страны изучаемого языка» (Харченкова 2013: 3).

Одним из существенных условий формирования и развития названной компетенции является непосредственный контакт обучающегося с представителями иноязычного лингвокультурного сообщества. В этом случае студент оказывается в ситуации естественной культурно-языковой среды. По справедливому замечанию Н. Д. Гальсковой, такая ситуация имеет бесспорное преимущество, поскольку ни преподаватель, ни аутентичные средства обучения не могут в полной мере восполнить отсутствие непосредственного взаимодействия с носителями языка (Гальскова 2003: 11).

В контексте вышесказанного сотрудничество вуза с организацией, деятельность которой связана с направленностью (профилем) реализуемой программы бакалавриата, открывает большие перспективы. Так, в рамках договора о сотрудничестве между ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ имени А. С. Пушкина» и ООО «КИНЕФ» обучающимся была предоставлена возможность пройти учебную практику в отделе по работе с иностранными специалистами и переводческой деятельности данного предприятия. В рамках учебной практики студенты были задействованы в лингвистиче-

ском сопровождении команд-участниц первенства Европы по водному поло для женских сборных в возрастной категории до 15 лет. Следует пояснить, что ООО «КИНЕФ» является организатором ряда международных мероприятий по представлению LEN (Европейская лига плавания) и FINA (международная федерация плавания) уже в течение нескольких лет.

Учебная практика включала три основных этапа. Ключевой задачей первого этапа являлось составление и осмысление глоссария спортивных терминов. Основной этап предполагал интеграцию обучающегося в зарубежную делегацию. На этом этапе студента ожидал полный спектр переводческой деятельности: interpreting, facilitating, localizing — сопровождение команд в течение всего дня. Заключительный этап — рефлексия, когда в ходе конференции-отчета о прохождении практики студенты анализировали свою деятельность. Принципиальным является то, что на каждом этапе деятельность студентов-практикантов курировал опытный наставник в лице руководителя и/или сотрудника отдела по работе с иностранными специалистами и переводческой деятельности.

Сотрудничество вуза и работодателя расширяет горизонты в подготовке специалиста будущего, способствует созданию условий для его профессионального становления.

Библиографический список

Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. М.: АРКТИ, 2003.

Харченкова И. В. Концепция формирования лингвокультурологической компетенции студентов языковых факультетов на материале креолизованных текстов при обучении немецкому языку // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gup.ru/events/smi/detail.php?ID=171087>.

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ ПЕРЕВОДЧИКОВ

А. М. Ключина

В наши дни волонтерская деятельность приобретает особую актуальность, поскольку в стране проводятся мероприятия международного уровня, и именно добровольцы создают у гостей

города и страны запоминающийся имидж события. На наш взгляд, языковое сопровождение подобных мероприятий составляет наиболее важную часть. Однако, волонтерская деятельность, направленная на оказание социальных услуг лингвистического характера, является недостаточно изученной и мало-развитой.

Выступление Е. В. Александровой (руководителя студенческой переводческой лаборатории МАГУ) на 4-м Общероссийском методическом совещании «Структура и содержание подготовки переводчиков» вдохновило нас на идею создания «Студенческой лаборатории переводческого мастерства» на факультете иностранных языков (ФИЯ) Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ).

Мы провели опрос студентов ФИЯ СГСПУ и выявили, что многие из них (41% от общего числа обучающихся) имеют опыт добровольческой работы (сопровождение иностранных гостей, осуществление устного и письменного перевода на семинарах, спортивных мероприятиях, тренингах, фестивалях, конференциях и пр.). Участники опроса отмечают, что кроме владения иностранным и родным языками, по их мнению, важны коммуникативные навыки, доброжелательность, открытость, дипломатичность, выдержанность, вежливость, способность решать конфликтные ситуации. Среди сложностей, с которыми приходилось сталкиваться, студенты упоминают терминологию, сленг, имена собственные, географические названия, экстралингвистическую информацию (например, правила игры в спорте, история родного края), но особую трудность для них составили условия эмоционального накала, плохая память, неумение работы с техническими средствами, стеснительность и другие проблемы. Называя достоинства такой переводческой практики в сфере добровольчества, студенты говорят о возможности совершенствования технологии и тактики перевода, развитии речевой активности и психической устойчивости, а также об общении с коллегами. Опыт участия наших студентов в различных международных мероприятиях по всей России и сложности, отмеченные ими в опросе, подтверждают актуальность и востребованность подготовки качественных волонтеров-переводчиков.

Отметим, что эффективная подготовка волонтеров-переводчиков крайне необходима и должна проходить в не-

сколько этапов. Таким образом, мы планируем с августа 2020 г. вести информационную кампанию среди наших студентов. В сентябре 2020 г. мы собираемся аккумулировать все заявки и провести собеседование, что позволит лично увидеть каждого человека, понять его мотивацию и оценить уровень знаний иностранного и родного языков. В течение всего 2020-2021 уч. г. в рамках работы «Студенческой лаборатории переводческого мастерства» мы планируем ряд мастер-классов с приглашенными специалистами по следующим направлениям работы: знакомство студентов с теоретическими и практическими аспектами перевода (*особенности перевода терминологической лексики, реалий, идиоматических выражений, пословиц и поговорок, составление глоссариев по различным темам*); развитие профессиональных компетенций устных и письменных переводчиков (*этика профессиональной деятельности переводчика, адекватное и корректное применение интернет-ресурсов при переводе*); развитие так называемых «софт скилз» (*навыки коммуникации, самоменеджмент, работа в команде, критическое мышление, знание проектной технологии, сценическая речь, поведение на публике, креативность, гибкость, стрессоустойчивость, знание и умение рассказать об истории родного края и местных достопримечательностях*).

Так, работа «Студенческой лаборатории переводческого мастерства» позволит сформировать необходимые навыки у волонтеров-переводчиков и расширить горизонты для их добровольческой деятельности как в регионе и в стране, так и за ее пределами. Кроме того, участие студентов будет способствовать профессиональной самореализации и приобретению ценного профессионального опыта в целях повышения конкурентоспособности на рынке труда.

КАК СНИЗИТЬ УРОВЕНЬ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ?

Е. С. Коканова

У каждого профессионального переводчика существует свой оптимальный уровень полезной тревожности, который зависит от опыта и личностных ресурсов. Оценка переводчиком своего состояния является существенным компонентом эмоциональной

регуляции. Выполняя устный перевод, студенты часто испытывают сильное психологическое напряжение (учащение пульса, покраснение лица, дрожь, онемение и т. д.), которое способно оказать влияние на качество их перевода, а также на их желание стать профессиональными переводчиками в будущем.

Экспериментальное исследование с помощью айтрекера показало, что некоторым студентам реакция испуга может заблокировать принятие переводческого решения. В связи с этим исключительно важно при осуществлении устного перевода учесть эмоциональной регуляции (Лютянская, Коканова 2019). Различают личностную и ситуативную тревожность. Под личностной тревожностью понимается устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность к тревоге, а под ситуативной тревожностью — состояние, которое возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию (Уварова, Кедярова 2014).

В настоящем исследовании приняли участие студенты-переводчики 4-го курса бакалавриата по направлению «Лингвистика», САФУ. Использовалась шкала личностной и ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина. Студенты осуществляли последовательный перевод и перевод с листа, записывая переводы на электронный носитель. При интерпретации полученных результатов нами были учтены различия, существующие в психологическом содержании ситуативной и личностной тревожности. 14% студентов имеют высокую ситуативную тревожность. У студентов высокая эмоциональная чувствительность сочетается с повышенной ранимостью, что значительно затрудняет выполнение устного перевода. Они болезненно воспринимают любые комментарии по их переводу. 14% студентов имеют низкую ситуативную тревожность. Это показывает, что студенты воспринимают процесс устного перевода как естественную деятельность, в эмоциональном плане они уже имеют опыт работы с учебным устным переводом, они совершенствуют навыки устного перевода. 72% студентов имеют средний уровень ситуативной тревожности. Они контролируют собственные переживания, но наблюдается снижение работоспособности при выполнении учебного устного перевода. Большинство студентов могут включить механизмы эмоциональной регуляции при осуществлении устного перевода, что сказывается на качестве устного перевода. Таким

образом, большая часть студентов характеризуется средним (адекватным) уровнем ситуативной тревожности, но с тенденцией к повышению и высокой личностной тревожностью.

При обучении переводу нужно учить студентов-переводчиков сохранять адекватный уровень ситуативной тревожности, учитывая психофизиологический элемент стрессоустойчивости, который охватывает особенности психики, темперамента, состояние нервной системы. На занятиях по устному переводу можно применять следующие техники по стрессоустойчивости: технику контроля эмоций, технику принятия ошибок «новичка», технику позитивного настроения, технику повышения самооценки, технику правильного дыхания и т. д.

Библиографический список

Лютянская М. М., Коканова Е. С. Методика айтрекинга в исследовании процесса принятия переводческого решения при переводе с листа // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII. 2019. С. 1085—1089.

Уварова М. Ю., Кедярова Е. А. Исследование личностной тревожности и мотивации достижения у студентов-первокурсников // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Психология». 2014. Т. 8. С. 74—86.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКА

И. А. Котюрова

Мощность потенциала корпусных технологий для решения самых разных исследовательских теоретических и практических вопросов уже ни у кого не вызывает сомнений, и вместе со стремительным развитием корпусов во всем мире растут и возможности их использования.

В России сегодня самым крупным корпусом является Национальный корпус русского языка (НКРЯ), параллельные подкорпусы которого могут служить эффективным инструментом в обучении студентов языковых направлений подготовки.

Кроме самого очевидного использования НКРЯ для поиска вариантов перевода конкретного слова, например, какой-то ре-

алии, корпус можно и даже нужно использовать на практических занятиях с целью индивидуальной проработки студентами тем лекций курса «Теория и практика перевода». Так, по каждой из тем можно давать задания на поиск примеров в параллельном корпусе НКРЯ с дальнейшей их презентацией в классе. Безусловно такие задания подходят и для дистанционной самостоятельной работы студентов, которую они затем сдают в электронном виде.

Приведем примеры формулировок таких заданий по некоторым темам курса.

Тема «Передача имен собственных».

Задание. На странице НКРЯ ruscorpora.ru войдите в поиск «параллельный корпус» подкорпус русской классики в немецких переводах. Выберите в параметрах лексико-грамматического поиска грамматический признак «Имена собственные». Осуществите поиск и выберите из полученных результатов по 3 примера на разные способы передачи имен собственных.

Тема «Вариантные соответствия».

Задание 1. На странице НКРЯ ruscorpora.ru войдите в поиск «параллельный корпус (немецкий)». Введите в параметрах лексико-грамматического поиска слово *taub**, а в его грамматических признаках выберите «прилагательное», «наречие». Осуществите поиск и выберите из полученных результатов примеры вариантов перевода *taub* в качестве прилагательного или наречия.

Задание 2. На странице НКРЯ ruscorpora.ru войдите в поиск «параллельный корпус» задать подкорпус. В раздел «Название» введите «Невский проспект», а в разделе Язык перевода выберите «Немецкий». Перейдите в получившийся подкорпус и выберите в параметрах лексико-грамматического поиска признаки «глагол» и «прошедшее время». Выберите из результатов поиска примеры, из которых видно, что русскому глаголу в прошедшем времени могут соответствовать в разных ситуациях различные временные формы в немецком языке. Прокомментируйте примеры.

Тема «Перевод интернационализмов».

Задание 1. На странице НКРЯ ruscorpora.ru войдите в поиск «параллельный корпус (немецкий)». Введите в поиск слово *Lektor*, сохраните результат и сравните его с результатами поис-

ка слова «лектор». Оцените, везде ли правильно осуществлен перевод интернационализма.

Задание 2. Выполните аналогичные действия в другими известными Вам «ложными друзьями переводчика». Выпишите примеры переводческих ошибок.

Подобная работа соответствует критериям деятельностного подхода в обучении и является очень эффективной не только для отработки навыков по поиску и анализу материала для решения конкретных задач, но и помогает лучше усвоить теоретическое содержание курса «Теория и практика перевода».

Библиографический список

НКРЯ — Национальный корпус русского языка / Параллельный корпус (немецкий) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-para-de.html>.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ И ОЦЕНКИ УЧЕБНОГО ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА

М. М. Лютянская

Преподавание письменного перевода в вузе имеет свои методические и дидактические традиции, сформированные теоретиками и практиками перевода за многие годы. На самых первых занятиях студентам рассказывают о необходимости выполнения переводческого анализа текста. Без него переводчик будет переводить вслепую. Чтобы сохранить логику текста, передать культурную составляющую, подобрать контекстуально верные способы перевода лексических и синтаксических единиц из всех возможных вариантов, переводчик обязан исчерпывающим образом воспринять текст оригинала (Куниловская, Милушкин, Сдобников 2016: 7).

Конечно, студенты не сразу приходят к пониманию такой необходимости. Для того чтобы убедить обучающихся в том, что механическая замена английских слов русскими не является переводом в профессиональном понимании, всегда требовалось время. Однако сейчас эта задача становится для преподавателя еще более сложной.

Активное развитие технологий автоматизированного и машинного перевода, несомненно, меняет отрасль. Появление нейронного машинного перевода позволило вывести применение компьютерных технологий в переводческой деятельности на совершенно новый уровень. Это хорошо для бизнеса: увеличиваются объемы, сокращаются время на выполнение заказа и расходы. Неизменно возникает вопрос, как такие процессы сказываются на вузовской подготовке переводчиков (Петрова 2019; Княжева 2020).

Влияние происходящих изменений проявляется в нескольких аспектах: методическом, дидактическом, психологическом. В последнее время студенты все чаще выполняют домашние письменные переводы, задания на учебную практику с помощью машинного переводчика. Возникает вопрос: что и кого проверять. Зачастую студенты не готовы вести обсуждение вариантов перевода и принятых решений, потому что сами их не выбирали и не принимали.

К сожалению, студенты начинают использовать машину, не имея сформированных навыков перевода, достаточного опыта анализа текста, не говоря уже о навыках постредактирования. Поэтому увидеть ошибки машины и исправить их они не могут. Если раньше мы думали о том, как развеивать «магию печатного текста», то теперь необходимо развеивать магию машинного перевода. Возникают и более сложные проблемы психологического плана: некоторые студенты открыто говорят о своем страхе допустить ошибку в переводе, они уверены, что машина знает лучше.

Оценка качества перевода даже без участия машины всегда была вопросом достаточно дискуссионным, а появление довольно размытых требований к качеству постредактирования машинного перевода еще более осложняет этот процесс.

Библиографический список

Куниловская М. А., Милушкин С. В., Сдобников В. В. Использование Интернета в переводе: учебное пособие / под общ. ред. В. В. Сдобникова. М.: Р.Валент, 2016.

Княжева Е. А. О переводе и переводчике во время перемен // *Мосты*. 2020. № 1 (65). С. 4—16.

Петрова О. В. Теория перевода, теория текста и рынок // *Вестник НГЛУ*. 2019. № 46. С. 69—78.

СПЕЦИФИКА АНАЛИЗА ТЕРМИНОВ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

А. А. Малахова

В современном мире в связи с все более возрастающими возможностями коммуникаций в профессиональных сферах усиливается потребность в совершенствовании методов переводческой деятельности, в частности, в аспекте работы над терминологией. Наше исследование посвящено некоторым аспектам анализа французской и русской терминологии в сфере производства сахара. Актуальность предпринятого исследования объясняется большим объемом франко-российского сотрудничества в области производства сахара, которое требует эффективной подготовки переводчиков в этой области. Цель работы — провести анализ значений терминов по теме «Производство сахара». Объектом исследования выступают русские и французские термины области «Производство сахара», а предметом — их семантические свойства.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать теоретические основы терминоведения и переводоведения; провести семантический анализ терминов изучаемой сферы деятельности.

При проведении исследования мы опираемся на следующие теоретические предпосылки, касающиеся изучения терминов и особенностей их перевода.

При определении термина ученые отмечают, что термин — это лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее, конкретное или абстрактное понятие в определенной специальной области знаний или деятельности, имеющая конкретный и единственный смысл (Лейчик 2007; Гредина 2010). Среди отличительных черт термина отмечают содержательную точность, специфичность употребления, однозначность, стилистическую нейтральность (Гринев-Гриневиц 2004). Исследователи отмечают, что термин взаимодействует с другими терминами конкретной области, в связи с чем возникает необходимость стандартизировать, анализировать, упорядочивать научные термины (Суперанская и др. 2009).

Изучением трудностей перевода терминов занимались многие исследователи, такие как Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров,

Р. К. Миньяр-Белоручев, Н. К. Гарбовский, А. В. Федоров. Особенности перевода специальной терминологии подразумевают точное понимание термина и учет трудностей его перевода: лакунарность, отсутствие зафиксированных в лексикографических источниках эквивалентных единиц, полисемия, омонимия, синонимия, трудности при переводе обращений и аббревиатур, «ложные друзья» переводчика и др. (Федоров 2002; Табанакова 2014).

При проведении исследования семантических значений термина для целей успешного перевода мы опираемся на постулаты интерпретативной теории перевода (ИТП), разработанной известными французскими учеными, теоретиками и практиками перевода Д. Селескович и М. Ледерер. На основе этих постулатов создана уникальная методика обучения перевода, практикуемая в Высшей школе переводчиков (Париж, Франция) (Seleskovitch 1993; Lederer 2006; Ледерер 2007). Среди российских исследователей важность и эффективность ИТП для преподавания и для осуществления перевода представлена в работах Е. А. Алексеевой (Алексеева 2017). Основные положения интерпретативной теории перевода заключаются в том, что смысл высказывания в конкретном контексте не сводится к его языковому содержанию, а интерпретируется через это содержание и на его основе. Адекватный перевод возможен при высоком уровне владения как родным языком, так и языком перевода, при свободном ориентировании в специфической терминологии, а также при наличии глубоких знаний в сфере, в которой осуществляется перевод, и понимании тематики текста. Для этого как опытному, так и начинающему переводчику важно проводить предпереводческий анализ текста, учитывая, что термин следует рассматривать как содержательную часть текста, отражающую его коммуникативную направленность (Алексеева 2007; Алексеева 2008).

С учетом изученных теоретических положений и нашего практического опыта работы в качестве переводчика французского языка в сфере производства сахара мы осуществляем семантический анализ терминов из данной сферы профессиональной деятельности. Для анализа были отобраны двадцать пар русских и французских терминов, которые были проанализированы с точки зрения их дефиниций, дополнительных значений,

контекстного использования в соответствии с методологией исследования терминологии в виде терминологических карточек, принятой в Высшей школе переводчиков. Для проведения анализа были использованы документальные материалы по теме, переводные, толковые, специализированные словари. На основе полученных данных был проведен семантический анализ терминологических единиц по таким критериям как полисемичность изученных терминов и возможность их употребления в других отраслевых областях.

В соответствии с первым критерием в ходе исследования были выделены термины с симметрией значений и асимметрией значений.

При симметрии значений зафиксированы случаи, когда оба термина в паре полисемичны, хотя имеют разное количество значений. 1. *Affinage* (7 значений) — *аффинация* (2 значения) 2. *Cristallisation* (4 значения) — *кристаллизация* (3 значения) 3. *Diffusion* (4 значения) — *диффузия* (6 значений) 4. *Pulpe* (5 значений) — *жом* (4 значения) 5. *Saturation* (6 значений) — *сатурация* (3 значения),

Случаи, когда оба термина в паре моносемичны. 1. *Eau mère* — *межкристальный раствор*. 2. *Évaporation* — *выпаривание*. 3. *Lait de chaux* — *известковое молоко*. 4. *Massecuite* — *умфель*. 5. *Mélasse* — *меласса*. 6. *Sucre brut* — *сахар-сырец*. 7. *Sucre candi* — *кандис*. 8. *Sucre inverti* — *инвертный сахар*.

При асимметрии значений отмечены случаи, когда один из терминов в паре полисемичен, а другой — моносемичен. Нами зафиксировано следующее соотношение между значениями русских и французских терминов:

— французский термин полисемичен, русский термин моносемичен; 1. *Égout* (3 значения) — *оттек*. 2. *Chaulage* (7 значений) — *дефекация*. 3. *Refonte* (6 значений) — *клеровка*. 4. *Richesse* (6 значений) — *дигестия*;

— русский термин полисемичен, французский термин моносемичен: 1. *Tareterre* — *засоренность* (2 значения).

По второму критерию — употребление терминов из сферы производства сахара в других профессиональных сферах — изучаемые термины подразделяются на следующие группы.

1. Термины, принадлежащие терминосистемам других областей, которые стали использоваться в сфере производства са-

хара: *diffusion* — диффузия (термин из области физики); *évaporation* — выпаривание (термин из области физики и химии); *crystallisation* — кристаллизация (термин из области физики и химии); *lait de chaux* — известковое молоко (термин из области химии, физики, строительства, пищевой промышленности, стоматологии, электротехники); *saturation* — сатурация (термин из области физики, медицины); *silo* — кагат (термин из области растениеводства).

2. Термины из сферы производства сахара, использующиеся в других областях: *mélasse* — меласса (используется в животноводстве и спиртовой промышленности); *sucre inverti* — инвертный сахар (используется в пищевой промышленности); *sucre candi* — кандис (используется в пищевой промышленности); *pulpe* — жом (используется в животноводстве).

Среди 20 анализируемых пар терминов обнаружено 10 пар, в которых и русский и французский термин употребляются, помимо области производства сахара, в других сферах.

Таким образом, проведенный в ходе исследования анализ терминов из области сахарного производства обеспечил глубокое проникновение в суть этих лексических единиц, позволил выявить общие и специфические черты терминов области производства сахара в русском и французском языках и послужил материалом для практического использования в работе переводчиков в данной отрасли производства.

Библиографический список

Алексеева Е. А. Перевод текста в свете интерпретативной теории перевода // Исследования в области французского языка и французской культуры. Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания. М.; Пятигорск, 2007. С. 205—215.

Алексеева Е. А. Понятие текста в работах М. М. Бахтина и в интерпретативной теории перевода // Социокультурные проблемы перевода. 2008. Вып. 8. С. 38—44.

Алексеева Е. А. Французский опыт подготовки переводчиков: переводческий и дидактический аспекты: учебно-методическое пособие. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017.

Грелина И. В. Перевод в научно-технической деятельности Томск: ТГПУ, 2010.

Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004.

Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена. 2007.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛКИ, 2007.

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Либроком, 2009.

Табанаква В. Д. Переводчик-лингвист, переводчик-терминолог, переводчик-специалист: стратегия и тактика перевода термина // Вестник Тюменского гос. ун-та. Филология. 2014. № 1. С. 72—81.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языков. СПб.: СПбГУ; Филология Три, 2002.

Lederer M. La Traduction aujourd'hui: le modèle interpretative. Caen: Lettres Modernes Minard, 2006.

Seleskovitch D. Interpreter pour traduire. Paris: Didier Erudition, 1993.

ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Е. А. Малютина

В настоящее время в обществе существуют две разнонаправленные тенденции — глобальная интеграция и растущая национально-культурная дифференциация. Геоэкономические и геополитические изменения, сопровождающие данные процессы, отразились на формировании культурной самоидентичности личности (Кузнецова 2011). Так, на сегодняшний день перед системой образования ставится задача приобщения к родной культуре, воспитания чувства патриотизма, наряду с развитием способности преодолеть межэтнические стереотипы и избежать межнациональных конфликтов. Особую значимость данная проблема приобретает в условиях лингвистического образования, поскольку самоидентификация с родной культурой происходит на занятиях по иностранному языку и переводу, в процессе лингвострановедческой компарации культур (Оберемко 2003).

Перевод, как один из видов коммуникативной деятельности, находится в тесной взаимосвязи с межкультурной коммуникацией. Он выступает в роли связующего звена между двумя культурами, призван обеспечить взаимопонимание между пред-

ставителями разных языковых общностей. Перевод имеет важное значение в развитии культур, позволяет познакомиться с произведениями литературы иных народов, с их культурой, обычаями, традициями.

Для успешного межкультурного общения необходимо знание этнокультурной специфики, отражающейся в языке и речи. Отсутствие подобной информации может привести к значительным искажениям в переводе, сделать его неточным или некорректным. Знание лексики, грамматических конструкций, прагматических структур с культурным компонентом значения позволит избежать недоразумений (Лебедева 2014).

Перевод обладает значительным потенциалом развития культурной самоидентичности личности, под которой понимается осознание индивидом своей принадлежности к определенной культуре, самоотождествление себя с культурными нормами, ценностями и менталитетом своего народа, способность рассказать о своей стране на иностранном языке, готовность к межкультурному диалогу и преодолению стереотипов. Отметим, что посредничество между культурами, умение донести свою точку зрения собеседнику, говорящему на чужом языке, невозможно без понимания ментальности этого народа. Процесс культурной самоидентификации происходит посредством сопоставления культур, анализа социокультурных явлений своей и другой общности. Следовательно, перевод является фактором развития самоидентичности, поскольку переводчику необходимо обладать не только знаниями о национальных обычаях, традициях, реалиях страны изучаемого языка, но и об аналогичных явлениях собственной культуры, чтобы грамотно отстаивать свою позицию в процессе двусторонней иноязычной коммуникации.

Таким образом, осознание собственной культурной самоидентичности является необходимым компонентом успешной межкультурной коммуникации. В современных условиях постглобализации нельзя недооценивать важность феномена культурной идентичности личности, развитию которой способствует изучение иностранного языка и перевода.

Библиографический список

Кузнецова Е. В. Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 102—105.

Лебедева М. В. Роль межкультурной коммуникации в языковой подготовке будущих переводчиков // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2014. Т. 9. № 2. С. 141—144.

Оберемко О. Г. Теоретико-методологические основы подготовки переводчика в современных условиях: дис. ... д-ра пед. наук. Нижний Новгород, 2003.

ЭФФЕКТИВНЫЙ ПОИСК В СЕТИ

А. Н. Малявина

Объем создаваемой, передаваемой и хранящейся в Интернете информации равен десяткам зеттабайт. Но из-за ограничений, имеющихся у поисковых инструментов, переводчики могут получить доступ лишь к некоторым сегментам Сети.

Для поиска используют поисковики, метапоисковики, предметный или тематический поиск, а также специальные поисковые ресурсы. Недостатка в инструментах не ощущается, но для того чтобы эффективно искать, нужно понимать, как они функционируют и какие подводные камни мешают найти информацию. К ним относятся, к примеру, следующие. 1. Колдунщики «Яндекса», которые представляют результаты поиска не по всему Интернету, а только по сервисам самого «Яндекса». 2. Манипуляции с результатами поиска на основании данных о пользователе. 3. Обновление поискового алгоритма. 4. Признание страницы более или менее релевантной. 5. Алгоритм ранжирования страниц с рандомизацией выдачи. 6. Использование «пузыря фильтров». 7. Законы Ципфа, характеризующие популярность ресурсов интернета.

При этом нередко переводчики, даже опытные, по-прежнему ограничиваются в процессе онлайн-поиска несколькими первыми ссылками в результатах поиска, забывая, что главное не формальная релевантность, а пертинентность.

Практики, занимающиеся языком поисковых систем, выстраивают модель поиска, применимую и для автоматического перевода (см. Рис. 1).

Рис. 1. Пирамида поиска в Сети

Рассмотрим самый высокий из разработанных уровней поиска: семантический, то есть поиск со смыслом, в отличие от лексического поиска, где поисковик ищет буквальное совпадение слов запроса, не понимая его значения. Семантический поиск стал возможен благодаря достижениям дистрибутивной семантики. В середине 20 века лингвисты заметили, что слова с похожим значением имеют тенденцию встречаться в сходном контексте. Семантические свойства каждого слова определяются его соседями, то есть типичным окружением, в котором оно живет. В этой связи поиск релевантной для перевода информации могут облегчить синонимы, использование родственных слов, характеристика контекста, окружающего искомое слово.

Главными принципами эффективного поиска в Google являются: 1. Расширенный поиск. 2. Маски (*). 3. Кавычки («»). 4. Поисковые операторы (-dictionary). 5. Синонимы. 6. Изменение формулировок запросов. 7. Поиск сохраненной копии. 8. Поиск по картинкам.

Например, проверять артикли, предлоги, а также то, что еще не зафиксировано в словарях, но уже используется в речи, эффективно с помощью следующей формулы: фраза в кавычках и астериск как маска вместо искомого слова. В данном случае Web выступает в роли неаннотированного корпуса.

КОЛИЧЕСТВО ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ ТЕКСТОВ НА L1 И L2 СТУДЕНТАМИ — БУДУЩИМИ ПЕРЕВОДЧИКАМИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

А. А. Мещерякова, Т. Н. Синеокова

Целью рассматриваемого ниже эксперимента являлось следующее: а) изучение особенностей воспроизведения текстов на родном (L1) и иностранном (L2) языках, а также б) ознакомление студентов младших курсов с механизмами протекания речемыслительных процессов на L1 и L2 и интеграция их в процесс осознанного и мотивированного анализа возникающих речевых затруднений. Эксперимент являлся частью лонгитюдного исследования, описание которого приведено в (Belyaeva, Sineokova 2020).

В эксперименте принимали участие 14 студентов 1-го курса Высшей школы перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова (специалитет). Материалом для исследования послужили 6 воспроизведенных текстов басен Эзопа, каждый на русском и английском языках. Варьировались также условия предъявления текстов: порядок предъявления на L1 и L2, вариант предъявления (графический, звуковой, смешанный) (см. подробнее в [Мещерякова 2020]).

Задачами проведенного исследования являлись статистический анализ реализованных предложений в текстах на разных языках в разных условиях их предъявления и, соответственно, ответ на вопрос, отражает ли параметр «количество предложений» значимые тенденции при воспроизведении текстов студентами на начальном этапе обучения.

Рабочая гипотеза состояла в следующем: вне зависимости от порядка предъявления текстов на L1 и на L2 в воспроизводимых текстах на L2 предложений больше, так как речемыслительные процессы на иностранном языке на начальном этапе обучения являются более ресурсозатратными, что приводит к членению информации и, соответственно, реализации большего количества речевых синтагм.

Полученные результаты показали следующее.

1. В воспроизводимых на L2 текстах количество предложений не всегда превышает количество предложений в текстах, воспроизводимых на L1. Напротив, в большинстве испытаний

предложений оказалось больше в текстах, воспроизводимых студентами на L1, хотя коэффициент превышения количества предложений на L1 в среднем невелик (1,24). Таким образом, часть гипотезы относительно количественных закономерностей реализации предложений на L1 и L2 не подтвердилась.

2. Гипотеза также опровергается в части игнорирования фактора порядка предъявления текстов. Так, коэффициент превышения количества предложений на L2 над L1 составляет 1,26 в тех случаях, когда текст первый раз предъявлялся на родном языке (вне зависимости от варианта предъявления — графического, звукового, смешанного).

3. По разным текстам и условиям предъявления наблюдаются значительные индивидуальные разбросы.

Полученные результаты требуют дополнительного осмысления. Очевидно, однако, что избранный параметр должен приниматься во внимание как компонент комплексной статистической оценки, учитывающей в том числе длину и структурную сложность реализуемых синтагм на L1 и L2.

Библиографический список

Мещерякова А. А. Количество предложений при воспроизведении текстов на родном и иностранном языках в разных условиях их предъявления // *Vox juventutis* (студенческий научный электронный журнал). Нижний Новгород: НГЛУ, 2020.

Belyaeva E. I., Sineokova T. N. Speech Disfluency in L1 and L2 of Trainee Interpreters: Problem Statement // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2020. Вып. 6 (13). С. 116—124.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ ПРИ УСТНОМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ С ПОЗИЦИЙ ВЕДУЩИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ШКОЛ

М. В. Михайловская

Переводческая запись представляет собой вспомогательный вид деятельности, инструмент, формирующийся в ходе практики устного переводчика, который адаптирует уже существующие принципы ведения записи и на их основе вырабатывает новые. Важно помнить, что сокращенная переводческая запись не представляет собой пословную фиксацию слов говорящего,

иными словами, не идентична диктанту или конспекту; кроме того, она также далека от стенографии, определенные особенности которой не позволили бы переводчику быстро восстановить исходный текст и воспроизвести его на переводящем языке. Эффективная система записи не сводится исключительно к графическому отображению информации на листе бумаги и прежде всего основана на оперативном анализе исходного высказывания, нацеленного на вычленение основных единиц смысла для их последующей фиксации с помощью различного типа сокращений или символов. В связи с этим совершенно оправданным представляется утверждение Е. Н. Сладковской о том, что запись, «наряду с индивидуальными, присущими каждому переводчику способами фиксации, является системой, отражающей общие закономерности восприятия и анализа речи человеком» (Сладковская 1986: 68).

Таким образом, представляется целесообразным говорить о следующих неотъемлемых составляющих процесса ведения записи: а) активное слушание, нацеленное не на вычленение отдельных слов, а смысла всего высказывания; б) девербализация, позволяющая переводчику оторваться от поверхностной структуры реплик говорящего, вести не пословную их запись, а фиксировать целостные смысловые элементы, основные идеи, озвученные оратором (необходимо помнить о том, что такие элементы, как имена собственные, цифры, термины конкретной предметной области не подлежат девербализации и передаются с помощью транскодирования); в) анализ структуры всего высказывания с четким пониманием всех логических связей и переходов от одной мысли к другой с последующим их отображением в записи; г) экономичная фиксация основных идей с использованием ограниченного числа символов или сокращений.

В нашей работе мы проанализировали различные системы переводческой записи. Особый интерес представляет система Д. Селескович, основательницы так называемой «Парижской школы перевода». Д. Селескович подходила к изучению переводческой записи не только с точки зрения накопленного практического опыта, но и с позиций экспериментальной психологии, психолингвистики и гносеологии. Предложенная этим исследователем система является отражением основных принципов «теории смысла» и подразумевает, что каждый условный

знак или символ может передавать целую идею или единицу смысла. В этой связи нельзя не упомянуть Х. Матиссека, ученого из Гейдельбергского университета, который разработал систему записи, представляющую собой настоящий переводческий мета-язык, который можно использовать для любой комбинации рабочих языков. Следует также обратить внимание на систему записи, предложенной К. Облитас, представителя Глендонской школы устного перевода (г. Торонто). Данная система полностью построена на концепции ментальных карт.

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время существует целый ряд систем сокращенной переводческой записи, обладающих бесспорными достоинствами. Однако эффективность той или иной системы остается критерием сугубо субъективным и определяется конкретным переводчиком исключительно в ходе его профессиональной деятельности.

Библиографический список

Сладковская Е. Н. Основные смысловые компоненты высказывания, переводческая трансформация и запись при последовательном переводе // Смысл текста как объект перевода. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1986.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА КАК ИСТОЧНИК ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК ПРИ НЕЙРОННОМ МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ

Н. С. Пак

В настоящее время нейронный машинный перевод (НМП) является объектом пристального внимания как в научной среде, так и на рынке переводческих услуг. С точки зрения экономии времени, усилий и материальных затрат центральное место занимает качество НМП и уровень затрат на его постредактирование (Zaretskaya 2016).

Целью нашего исследования являлся качественный анализ ошибок в переводах текстов медицинской тематики (медицинская статья, медицинский учебный текст, руководство по эксплуатации медицинской техники) с английского языка на русский, выполненных системами НМП Google NMT, Ян-

декс.Перевод и PROMT Neural, и причин возникновения этих ошибок. Для оценки качества НМП использовался метод идентификации и классификации ошибок (Коканова 2019). В рамках данной темы значимыми являются грамматические ошибки. В ходе анализа выявлены такие группы грамматических ошибок как калькирование английского предложения, ошибки, связанные с грамматической омонимией, ошибки, связанные с актуальным членением, ошибки, связанные с нарушением логической связи в словосочетании и предложении.

Следует отметить, что большинство ошибок обусловлено строевыми особенностями английского и русского языков. Являясь флективно-аналитическим языком с ярко выраженными изолирующими тенденциями (Журинская 1990), английский язык имеет множество морфологических и синтаксических различий с русским языком, который относится к языкам флективно-синтетического строя. К особенностям английского языка, которые могут спровоцировать появление грамматических ошибок при переводе на русский язык, относится, в том числе, специфика неличных форм английского глагола.

В ходе исследования выявлено, что с неличными формами английского глагола могут быть связаны разнообразные грамматические ошибки. Так, совпадение грамматической формы причастия I и герундия (основа + суффикс *-ing*) создает проблему выбора, которую не всегда удается решить, опираясь только на формальные показатели. Еще одним случаем грамматической омонимии является нулевая флексия, которая является признаком как инфинитива, так и повелительного наклонения глагола.

С точки зрения логической связи и порядка слов в предложении, трудности при НМП могут вызывать вторично-предикативные структуры в составе английского осложненного предложения, в которых сказуемым компонентом часто являются неличные формы глагола. Так как данные структуры представляют собой свернутое предложение, их понимание требует мысленного выполнения операции развертывания. Способность видеть за поверхностной структурой глубинную характерна для профессионального переводчика, но для машины такие операции до сих пор представляют сложность.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, неличные формы английского глагола могут быть источником

ряда ошибок. Для предотвращения данных ошибок могут использоваться различные способы снятия грамматической омонимии, развертывание вторично-предикативных структур до придаточных предложений и другие приемы предредактирования.

Библиографический список

Журинская М. А. Типологическая классификация языков // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 511—512.

Коканова Е. С., Берендяев М. В., Куликов Н. Ю. Типы ошибок при нейронном машинном переводе текста об арктических конвоях // Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения в гуманитарной сфере. 2019. С. 80—86.

Zaretskaya A., Vela M., Corpas Pastor G., Seghiri M. Measuring Post-editing Time and Effort for Different Types of Machine Translation Errors // *New Voices in Translation Studies*. 2016. 15 (15). Pp. 63—91.

ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ АУТЕНТИЧНОСТИ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

С. Е. Рахманкулова, Н. А. Кохан, Р. А. Кузьмин

В докладе рассматривается проблема синтаксической аутентичности англоязычной речи носителей русского языка. Под синтаксической аутентичностью понимается использование в речи синтаксических средств, соответствующих не только норме и системе, но и узусу английского языка — предпочтениям его носителей в выборе синтаксических единиц для выражения определенного содержания.

В рамках доклада уточняются характеристики аутентичной англоязычной речи на уровне синтаксической структуры простого высказывания, определяются потенциальные отклонения от аутентичного синтаксиса простого высказывания в англоязычной речи носителей русского языка, обсуждаются пути преодоления данной проблемы при обучении английскому языку и переводу на этот язык.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00361.

Аутентичность / неаутентичность синтаксиса англоязычного высказывания оценивается с опорой на количественный анализ массивов речевых данных с использованием программного обеспечения для лингвостатистического анализа и обработки текста (см., например, исследование в [Кошкин 2006]) и / или онлайн-сервисов, позволяющих строить графики частотности использования единиц в корпусах текстов (таких как сервис Google Books Ngram Viewer), а также с учетом мнения информантов-носителей языка.

Синтаксическая неаутентичность речи проявляется в двух основных формах: 1) как результат явной языковой интерференции русского языка — то есть как выбор для высказывания об определенном типе ситуации синтаксической модели, нехарактерной для высказываний о такой ситуации в аутентичной иноязычной речи; 2) как результат скрытой интерференции, выражающейся в неупотреблении, «игнорировании» в речи синтаксических конструкций, характерных для иностранного языка, но отсутствующих в родном языке. Помимо собственно различий в синтаксическом оформлении простого высказывания, выявленные случаи неаутентичности обуславливают одно из важнейших структурных и стилистических отличий речи носителя русского от речи носителя английского языка — различие в степени компрессии средств выражения (см. также [Рахманкулова, Ибо, Цветкова 2020]). На уровне синтаксиса высказывания высокая степень компрессии аутентичного текста, по сравнению с русскоязычным оригиналом (или неаутентичным текстом), достигается посредством механизмов субституции, репрезентации, интеграции, эллипсиса.

Усвоение различий синтаксических структур аутентичного и неаутентичного высказываний на иностранном языке — необходимый этап предотвращения интерференции и достижения естественности речи. Объяснение этих особенностей как культурно обусловленных различий в концептуализации мира и специфике механизмов его репрезентации в синтаксисе двух языков может способствовать повышению мотивации к изучению и сопоставлению языков, развитию когнитивной эмпатии и, при условии последовательного формирования умений и навыков построения синтаксически аутентичного высказывания, закреплению связей между выражаемым значением, про-

позициональной схемой, структурирующей его, и соответствующей синтаксической моделью высказывания.

Библиографический список

Кошкин Р. К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе (на материале военно-технических переводов с русского языка на английский): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Рахманкулова С. Е., Ибо Н. Е., Цветкова Л. И. Компрессия средств выражения как характеристика аутентичной англоязычной речи // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: сб. материалов Всерос. науч. конф., г. Нижний Новгород, 25-26 мая 2020 г. Нижний Новгород: НГЛУ, 2020. С. 58—67.

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «СТРАНОВЕДЕНИЕ»

И. А. Рябцевич

В настоящее время основной целью переводческой деятельности является обеспечение эффективного межкультурного взаимодействия коммуникантов, что предполагает овладение определенным языковым и культурным тезаурусом. Формирование культурно-языковой личности переводчика осуществляется посредством ознакомления с культуроведческими и в том числе со страноведческими аспектами национальной культуры страны изучаемого языка. Рассмотрение межкультурной коммуникации во всей совокупности социокультурных связей может быть обеспечено в процессе обучения будущих переводчиков страноведению.

Обучение иноязычной межкультурной коммуникации на основе компетентностного подхода ориентируется на формирование комплекса умений, входящих в интегративное понятие «коммуникативная компетенция» (Н. Хомский, А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя, И. Л. Бим, Е. М. Верещагин, Г. В. Костомаров, В. В. Сафонова и др.). Одним из ее компонентов является социокультурная компетенция, что подразумевает овладение национальными стереотипами поведения, а также вербальными и невербальными формами выражения коммуникативного намерения. В свою очередь, учитывая специфику переводческой дея-

тельности, это подразумевает развитие у студентов способности анализировать вопросы культуроведческой и страноведческой направленности, а также создавать перевод, который способен оказать на получателей коммуникативный эффект, равноценный коммуникативному эффекту оригинала.

Очевидно, что увеличивающийся с каждым днем объем информации, формат лекционных занятий и ограниченное количество практических занятий не способствуют эффективному использованию полученных в курсе страноведения тематических и лингвистических знаний как основы для межкультурного взаимопонимания и взаимодействия. На наш взгляд, при обучении страноведению необходимо предусмотреть отбор и организацию материала, которые бы обеспечивали формирование переводческих навыков и умения свободно оперировать полученной информацией с учетом социокультурной специфики изучаемых стран. Это становится возможным главным образом за счет использования внутренних резервов учебного процесса, а именно внедрения проектной технологии. Данная технология предполагает выполнение студентами переводческого проекта: совокупности самостоятельных учебно-познавательных приемов и действий, направленных на решение определенных задач, конечным результатом которых является конкретный продукт их деятельности — перевод устного или письменного аутентичного текста.

В рамках курса страноведения такой подход направлен на развитие у студентов социокультурной компетенции, формирование и формулирование ими собственного высказывания, касающегося культуры, политики, экономики стран изучаемого языка, индивидуализацию и дифференциацию учебного процесса, а также позволяет переместить акцент с информационного на коммуникативный и культуроведческий аспекты обучения.

Библиографический список

Малкова И. Ю. Образовательный потенциал проектирования в высшей школе: компетентностный подход // *Современные наукоемкие технологии.* 2007. № 3. С. 81—85.

Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров. М.: Академия, 1999.

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «ПЕРЕВОДЧИК
В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ»
В ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

О. В. Соболева

Содержание дополнительной профессиональной программы (ДПП) «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в военных вузах отражает, в первую очередь, особенности профессиональной коммуникации в военной сфере, представляющей собой государствообразующую традиционно закрытую, узкоспециальную систему. Кроме того, следует учитывать, что участниками программы являются, как правило, курсанты, осваивающие в качестве основной инженерную специальность. К особенностям коммуникации военной сферы добавляется, таким образом, специфика профессиональной культуры инженеров, программистов, технических специалистов (Шевченко 2015).

Подготовка курсантов военных вузов по ДПП «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» была инициирована в 2014 г. Министерством обороны РФ. В состав учебных групп для освоения данной программы включаются курсанты, проявившие особые успехи при изучении учебной дисциплины базового цикла «Иностранный язык» и имеющие по другим учебным дисциплинам оценки не ниже «хорошо», так как обучение проходит за счет времени, выделяемого на самостоятельную подготовку.

Необходимость подготовки специалистов-переводчиков в военных вузах обусловлена приоритетной для современной российской армии задачей организации партнерских и стратегических отношений с армиями нового типа других стран в рамках полилингвального и поликультурного профессионального взаимодействия. Современная реальность диктует необходимость присутствия в военных подразделениях специалистов, способных в условиях военных учений, боевых действий, а также реализации научно-технических проектов не только выполнять задачи по своему основному военному профилю, но и поддерживать общение российских военных специалистов с иностранными коллегами как в узкопрофессиональном, так и в повседневном межличностном аспекте.

Таким образом, содержание описываемой программы подготовки переводчиков отличается, с одной стороны, своей узкой профильной направленностью. С другой стороны, в рамках предлагаемого курса курсант должен овладеть базовыми навыками перевода устной разговорной речи, а также речи, связанной с регламентацией военной деятельности (команд, боевых документов инструкций и т. п. (Губайдуллин 2018).

Для решение поставленных программой задач требуется специально подготовленный преподавательский состав, знакомый со спецификой профессионального общения по профилю каждого конкретного военного учебного заведения, а также с особенностями повседневной коммуникации в условиях военной службы в целом. Необходимый уровень квалификации обеспечивается как участием преподавателей в программах повышения квалификации, организуемых, например, Лингвистическим центром Военного университета Министерства обороны РФ, так и опытом их работы в соответствующем военном учебном заведении.

В рамках реализации ДПП «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в военных вузах создается уникальный банк учебно-методических материалов, заслуживающий детального обсуждения в профессиональном сообществе переводчиков и преподавателей переводческих дисциплин.

Библиографический список

Губайдуллин Р. Р. и др. Дополнительная профессиональная программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»: особенности реализации в военных образовательных организациях высшего образования. Эффективные средства обучения // Проблема модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., г. Омск, 25 мая 2018 г. Омск: ООО «Издательство Ипполитова», 2018. С. 73—82.

Шевченко М. А. и др. Роль профессионального подъязыка в обучении военному переводу // Язык и культура. 2015. № 4 (32). С. 164—172.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СХОДСТВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

М. Б. Чиков, Д. М. Горонкина

В основу исследования была положена гипотеза, что немецкий и английский языки, которые часто изучаются в паре, представляя собой одну из наиболее популярных комбинаций, должны иметь много общего в одной из наиболее сложных для изучения сфер — образовании словосочетаний (коллокаций). Если при изучении иностранного языка его коллокации произвольно или непроизвольно сравниваются с коллокациями родного языка (в случае русского и, например, немецкого — далеко не «в пользу» каких-либо сходств и не в помощь изучающему), то сравнений между двумя изучаемыми родственными иностранными языками не производится; оправдание можно, однако, найти в том, что об этом очень мало известно. Следует заметить, что даже этимологические связи немецких и английских слов для оптимизации параллельного изучения двух языков используются недостаточно. Конечно, для самой базовой лексики это используется, скорее даже подспудно осознается обучающимися и, конечно, помогает им, но ведь этимологически родственных (германских) слов в немецком и английском гораздо больше, и их изучение на этой основе привело бы к освоению более обширного словарного запаса в более короткий срок.

Для проверки гипотезы было взято исследование, выполненное на основе русского и немецкого языков, а именно самых «простых» глагольных коллокаций, построенных на глаголах пространственного положения и перемещения (Chikov 2017) — *stehen, liegen, sitzen, gehen, kommen*. Коллокации были взяты из статей по этим глаголам словаря *Duden Universalwörterbuch* (Duden [Электронный ресурс]). Разумеется, в ходе сравнения русскоязычного и немецкоязычного материала было выявлено большое количество расхождений в семантических механизмах образования коллокаций: названные немецкие глаголы могут сочетаться с большим количеством конкретных и абстрактных существительных, обозначающих ситуации, весьма отличные от обычного положения или перемещения. Для изучающих немецкий язык эти результаты, тем не менее, могут быть полезны, позволяя им осознать, что мно-

гие, даже абстрактные, значения в немецком языке могут быть выражены пятью простыми глаголами.

Первое сравнение этого материала с англоязычным при использовании словаря *Longman (LDCE 2014)* и корпуса *Corpus of Contemporary American English (CCAЕ [Электронный ресурс])* положительных результатов не дало: создается впечатление, что в английском те же значения, которые в немецком выражаются при помощи названных глаголов, передаются «проще», ближе к русскому: *die Sonne steht hoch — the sun is high, die Ampel steht auf rot — a red light is displayed* и т. д. Но другой семасиологический анализ — английских глаголов и их употреблений, то есть, исследование в направлении не от немецкоязычного материала, а от англоязычного, и не от существительных, а от глаголов, уже дает другие результаты. Так, смотрим глагол *tolie* (используем *Oxford Advanced Learner's Dictionary*): *the ship lies at anchor* (OALD [Электронный ресурс]) (в немецком языке корабль «лежит» «перед якорем» — сравнение пространственных представлений, выражаемых предлогами, крайне важно для освоения глагольного управления разных языков); *the German team lie second; the town lies on the coast; the problem lies in deciding when to intervene*. Все употребления крайне сходны с немецкоязычными и, как правило, отличны от русскоязычных. Данная проверка должна продолжаться и, как представляется, может принести новые результаты. Разумеется, впоследствии исследование должно быть распространено и на другие глаголы.

Представляется также, что сходства между немецким и английским языком заключаются и в лексической семантике самих слов, а не только в коллокациях. Некоторые из них объясняются калькированием. Возьмем известное *development — Entwicklung* (русское *развитие* — также калькирование). Однако словообразовательное калькирование в германских языках переходит и в семантическое: оба слова имеют значение «инновация, разработка» и «развитие событий, тенденция» (сравним частотное *Das ist eine gute Entwicklung*). Для переводчика эта актуальная лексика, проявляющая сходные черты в двух изучаемых иностранных языках, необходима вкупе с эквивалентами (так, *разработка* и *тенденция* могут быть надежными переводческими эквивалентами для обоих иностранных языков, тогда как неопытному переводчику может казаться, что единственный эквивалент этому слову — *развитие*, что, разумеется, будет затруднять процесс пе-

ревода). Представляется, что сходства есть и в многочисленных глаголах обоих языков, такие как сходства между глаголами более общего словарного запаса типа *suggest* — *offer* и *vorschlagen* — *anbieten* или между глаголами более продвинутого уровня типа *relinquish* и *abtreten* (вплоть до сходного управления, что и является важным подспорьем).

В настоящее время часто имеет место изучение немецкого языка после английского, в редких случаях — наоборот. Как бы то ни было, выявление и использование сходств значительно облегчит этот процесс и поможет будущим переводчикам (и не только переводчикам) овладеть двумя иностранными языками на высоком уровне, со все более стирающимися различиями между первым и вторым иностранными языками.

Библиографический список

ССАЕ — Corpus of Contemporary American English [электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.english-corpora.org/coca/>.

Chikov M. Kollokationen mit Raumverben im Deutschen im Vergleich zum Russischen // Muttersprache. 2017. 127. No. 1—2. Pp. 119—143.

Duden — Duden [электронный ресурс]. Retrieved from: www.duden.de.

LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow (Essex): Longman, 2014. [6th ed.]

OALD — Oxford Advanced Learner's Dictionary [электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

ОБУЧЕНИЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Ю. Шестопал

Обучению будущих переводчиков фонетической стороне речевой деятельности традиционно уделяется большое внимание, поскольку фонетические навыки признаются важной составляющей профессионального имиджа (Матюшина 2010). Теоретико-аналитическому и практическому освоению особенностей фонетической системы изучаемого иностранного языка отводится значительный объем как аудиторной, так и самостоятельной работы на начальном этапе обучения. Имеющийся временной ресурс целесообразно использовать с учетом требований

будущей профессии, делая акцент на развитии психологических и когнитивных качеств профессиональной личности (Методические основы... 2007).

В докладе предложены упражнения на отработку фонетического материала, способствующие повышению концентрации, тренировке распределения внимания, увеличению объема оперативной памяти, стимулированию «речевой реактивности» (Алексеева 2001), развитию способности и психологической готовности к рефлексии.

Наряду с реализацией принципа профессиональной ориентации в обучении будущих переводчиков иностранным языкам преимущество рассматриваемых упражнений в силу их универсальности и гибкости заключается также в пропорциональности затрат и результатов. Однако дальнейшее развитие предложенных идей требует привлечения качественного и количественного диагностического инструментария.

Библиографический список

Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: Учеб. пособие по письменному и устному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001.

Матюшина И. Ю. Формирование профессионального имиджа у будущего переводчика: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Калининград: Рос. гос. ун-т им. Иммануила Канта, 2010.

Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: Монография / Под общ. ред. В. В. Сдобникова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2007.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА: ... И ЧТО-ТО ЕЩЕ? ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА*

Д. Н. Шлепнев

Как правило, говоря о межкультурной компетенции переводчика, как бы кто ее ни называл и ни располагал в различных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149 «Основные принципы подготовки преподавателей перевода».

моделях компетенций, ее увязывают с преодолением межкультурного барьера (в т. ч. коммуникативного дискомфорта и т. д.) при осуществлении перевода в данной коммуникативной ситуации. Оснований для спора нет. Но все ли ограничивается только этим, если взять переводчика во всей его красе?

Как представляется, за общим ярлыком «межкультурная компетенция» кроется большее. Под прицел же чаще попадает центральное звено — непосредственно связанное с тем, что дифференцирует саму профессию переводчика. Центральное место занято по праву. Но центральное — не единственное. И если мы присмотримся к перечням / моделям компетенций (что не обязательно, но весьма наглядно; см., например, (ЕМТ [Электронный ресурс]; РАСТЕ 2011: 318-320; Гавриленко 2009: 25-55; Шлепнев 2017), то, независимо от намерения авторов, обнаружим «межкультурно-компетентный» компонент в (почти?) каждом пункте или «модуле»¹. Действительно, очень многие элементы профессиональной деятельности неизбежно предполагают то, что правомерно назвать межкультурной составляющей — от культурно-специфических норм или требований до знаний об оплате (сколько, за слово или знак, в какие сроки ожидать платеж), умения работать с иностранными заказчиками и партнерами, продвижения себя на международном рынке, знаний вообще о какой-либо специфике профессии в различных культурах...

Такое уточнение важно еще и потому, что сегодня государственные границы в профессиональном смысле стерты (стираются): и партнерские отношения, и конкурентная среда не локальны.

Межкультурная компетенция многосоставна (она такова и в традиционном рассмотрении), и ее можно обобщенно описать так:

- *релевантные для профессиональной деятельности знания, имеющие отношение к данным культурам* (национальным, профессиональным, субкультурам...; знания разноплановые — от языковых до фактических проездом через нормы вербального и невербального поведения...),

- *умение эти знания сопоставлять и пополнять* (это неизбежность, которую следует подчеркнуть, особенно в дидактических

¹ В моем перечне межкультурная компетенция не выделена в отдельный пункт именно на том основании, что ее составляющие распределены практически везде.

целях: невозможно «знать» все — и отнюдь не только по тематике ИТ),

- умение эти знания применять для решения профессиональных задач (т. е. в т. ч. и за пределами коммуникативной ситуации с использованием перевода).

В межкультурной компетенции можно обнаружить как более или менее общий, универсальный, компонент, так и частные, имеющие значение для определенных видов деятельности, специализации, определенных рынков и т. п. (см. об общих и частных компетенциях [Шлепнев 2020], а также доклад в настоящем сборнике), как центральный элемент, так и более или менее периферийные.

Вывод из сказанного наполовину парадоксальный. Теория и дидактика перевода должны это осознавать: это реальность. Однако в дидактике отчасти и кроется парадокс — мнимый с точки зрения здравого смысла, но, увы, реальный и даже опасный, если судить по некоторым вредным академическим привычкам. Нам необходимо правильно *информировать* и *ориентировать* студентов: что необходимо иметь в виду; какие знания нужно (в т. ч. самостоятельно) искать и приобретать; чему, возможно, придется учиться и что узнавать... Но это не значит, что тут же нужно создавать на ровном месте «страшно прогрессивные» новые учебные дисциплины и задания / упражнения, которые в учебном плане будут главным образом красть время у тех полезных вещей, которые действительно требуют обучения и отработки с инструктором.

Библиографический список

Гавриленко Н. Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. Кн. 1. М.: НТО им. акад. С. И. Вавилова, 2009.

Шлепнев Д. Н. Переводческие компетенции и как о них с пользой говорить со студентами // Перспективы науки и образования. 2017. № 3 (27). С. 31—39.

Шлепнев Д. Н. К вопросу о компетенциях преподавателя перевода: попытка общей модели (рамочной конструкции) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV междунар. науч.-практ. конф., г. Симферополь, 23-25 апреля 2020 г. / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 422—427.

ЕМТ. Competence framework 2017 [Электронный ресурс]. Re-

trieved from: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fwkw_2017_en_web.pdf.

PACTE. Results of the Validation of the PACTE Translation Competence Model: Translation Problems and Translation Competence // Methods and Strategies of Process Research: Integrative Approaches in Translation Studies / ed. by C. Alvstad, A. Hild, E. Tiselius. Amsterdam: John Benjamins, 2011. Pp. 317—343.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ РАБОТЫ С ИНФОРМАЦИЕЙ С ПОМОЩЬЮ ВЕДУЩИХ ТЕКСТОВ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В. Н. Шмакова

Подготовка переводчиков в высших учебных заведениях предполагает обязательное наличие как аудиторной, так и самостоятельной работы, что приводит к необходимости поиска и разработки оптимальных способов и методов организации самостоятельной практической деятельности учащихся.

Самостоятельная работа представляет собой форму учебной деятельности, в ходе которой учащийся исходя из внутренней мотивации решает специально разработанную преподавателем учебную задачу и одновременно с этим овладевает навыками учебной деятельности (Зимняя 1991). Структурно самостоятельная работа подразделяется на четыре компонента: мотивационный, организационный, информационный и оценочный (Шмакова 2019).

Исследование сформированности компонентов, проведенное в 2019 г. на базе Череповецкого ордена Жукова военного университета радиоэлектроники, показало, что компоненты самостоятельной учебной деятельности у большинства курсантов языковых направлений сформированы на удовлетворительном и хорошем уровне (*ibid.*), что не является достаточным для успешного выполнения поставленных задач по военному переводу и ставит перед педагогами задачу дальнейшего формирования навыков самостоятельной работы.

При подготовке специалистов в сфере перевода особый интерес представляет формирование информационного компонента, поскольку он включает такие навыки, как поиск, системати-

зация, подтверждение подлинности, обработка и представление информации.

В данной работе приводится пример одного из способов формирования навыков информационного компонента на основе использования ведущих текстов музейных экспозиций.

Включение заданий на основе таких текстов представляет собой оптимальный инструмент формирования навыков работы с информацией, так как побуждает учащихся обращаться к различным источникам (историческая литература, справочники, специалисты в определенных областях, сайты иностранных музеев, иностранные энциклопедии и т. д.), анализировать и классифицировать компоненты текста оригинала, искать подтверждение достоверности найденной информации, редактировать текст в соответствии с требованиями заказчика или установленными нормами.

Материалом для исследования послужили ведущие тексты Центрального военно-морского музея им. Императора Петра Великого.

Библиографический список

Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991.

Шмакова В. Н. Анализ сформированности самообразовательной компетенции у курсантов-первокурсников // Вестник Костромского гос. ун-та. 2019. № 4. Педагогика. Психология. Социокинетика. С. 145—150.

CULTURAL TRAINING OF TRANSLATORS

Ajmal Shahim

The school of translation studies has always focused on the study translation issues from cultural perspective, with their own distinctive cultural awareness. The cultural training of translator is intensified by the subsequent feminist translation studies which purport to construct the feminist discourse and the postcolonial translation studies which take the cultural training of translators and cultural identity as its object. All of these approaches of translation studies don't treat translation as static, but a cultural transmission activity constrained by the outer factors, which extremely widen the horizon of cultural training of translators. Therefore, it is necessary to ana-

lyse the causes, effects, its advantages and limitations in order to have a clear understanding of cultural training of translators.

Cultural translator training takes many forms. Experience is the primary level of cultural training of translator. At the next level, there are a number of short-term courses offering translation skills. Finally, there are long-term cultural training programs offered by institutions. Translation courses are offered as part of most degree programs in foreign languages. Masters of every language focus on the skills actually used by translators and interpreters, thus catering to specific market niches or skills. Cultural training of translators is associated with the skills needed to achieve translation competence. Translator education, on the other hand, recognizes the need for students to acquire a wide range of interpersonal skills and attitudes.

Cultural training of translators faces several current challenges that concern pedagogical practice, curriculum design and the possible contributions of research evaluation that remains a problematic issue because internal criteria fail to connect with professional practice.

This article discusses how translation as a form of intercultural language work, is complicated by what has recently been discussed under the title of cultural training of translators.

Translator training takes many forms. Experience is the primary level of training. At the next level, there are a number of short-term training courses offering translation skills. Finally, there are long-term training programs offered to translators. Translation courses are offered as a part of most degree programs in foreign languages. Cultural translator training faces several current challenges that concern pedagogical practice, curriculum design and the possible contributions of research.

Cultural turn in translation studies as an external study results from the development of western academic thinking trend, and it reveals its nature as a cultural activity and widens its research scope to deviate from the static linguistic analysis by comparing original work and translated works, giving a true picture of the translation activity which took place in their special spatial-temporal context. The study of translation activity from the cultural perspective can comprehensively examine the external factors and function and influence of translation in the target literary system.

**МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ
«ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК НОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»**

**TRANSLATION STRATEGIES IN UNIVERSITY
WEBSITE UNIVERSALIZATION**

Parthena Charalampidou, Simos Grammenidis

Universities both in France and in Greece offer English versions of their websites attempting to address students all over the world in line with the new reality created by globalization in the field of education. In this process, contrary to website localization, through which websites are culturally customized to address a specific locale, the target audience of the English versions is culturally undefined and thus very broad.

In the present paper we compare the multisemiotic macro and microstructure of Greek and French university websites to their English versions in an attempt to decipher the tendencies that prevail regarding the translation strategies adopted when moving from a minor to a major language on the web in two different sociocultural contexts. In addition, we study the translation strategies adopted by the Greek and the French locale and we attempt to interpret possible differentiations regarding the way universities from the two countries are self-projected on the web.

For the needs of the analysis 4 mini corpora (Zanettin 1994) are compiled with the use of the UAM Image Tool (O' Donnell 2008), which allows for image annotation and consequently for the introduction of verbal information that interprets the image (Habert 2005; Leech 2005).

The analysis is based on function-oriented approaches to Translation Studies such as Skopos theory (Reiss, Vermeer 1984) and the combinatorial model suggested by Nord (1991: 28; 1997: 123-128) so that the translational action's pragmatic and functional parameters are taken into consideration.

The results of the research reveal the adoption of different translation strategies in the locales under study and a different approach in their attempt to achieve the universalized websites' intention.

IT TRANSLATION

Mawluddin Noori

It is vastly clarified that translation has given a significant impact to multicultural comprehensible communication. This communication is mainly meant to change a message from a source language to a target language in order to convey a meaning and to simplify the understanding among speakers of those languages. Also, information technology (IT) has recently influenced translation, therefore by using IT, translators easily translate any texts from different languages to their target language and it is highly effective to their translating tasks as well. However, using IT in translation work has not been applied to a large extent, but it is noticed to be not developed fully, either. In this paper, I would prefer to chiefly consider what improvements we can have in translation real tasks through using the IT applications and electronic equipment in order to help translators to improve their abilities to translate different texts easily with an efficiency that takes short time and produces a required translation product to meet the market criteria, and to standardize the translation task based on international improvements. Indeed, this research tries to lay emphasis on finding the comprehensive role of information technology, such as computer and other electronic equipment in translation, and concentrate on important IT tools and applications that assist translators in translating any text effectively and quickly by considering the effectiveness, time of translation and the required market criteria. Evidently, IT has been widely used in any fields throughout the world and has been productive. On the other hand, a large number of people in different countries are not familiar with IT. They probably have IT tools and equipment for fun and entertainment, but they do not know how to use them for official tasks and especially for translation. On top of that, they are not able to take courses to effectively use IT for their official work due to not having sufficient time, costly fees, and lack of IT training courses. Not basically influencing Afghan translators with IT facilities and equipment in translation is considered a challenge. Some professional Afghan translators usually use smart phones, computers, Microsoft Office programs (Ms. Word, Ms. Excel, Ms. PowerPoint), Google Translate and Online and offline dictionaries, but other unprofessional translators only use computers and online and offline diction-

aries to translate their translation files. Sometimes, they use Google Translate as a final resource when they come across any problems raised during their translation and preferably value the translation that is done by pen, paper and paperback dictionary. More importantly, in Afghanistan, people conventionally prefer a translation that is not translated by a machine or without the influence of IT. They ponder that human logically, mentally, semantically and grammatically translate a text from a source language to a target language, but a machine does find an equivalent of a word from the target language to the source language. This equivalent is commonly suitable, but it sometimes loses its meaning due to not having a close meaning to the word existing in the source language or sentence structures: punctuation, words choice are inaccurate. A machine and even any IT facilities are incapable to identify this problem and solve it, but a human's revision and edition are known as essential to humanize the translation. Regardless of these challenges, translation is considered as a task that is extensively and inevitably affected by IT, and knowing the use of IT in translation is indispensable. In addition, Afghan translators should be recommended to involve IT in their translation by reading this article. Regarding this issue, this tiny research would rather suggest professional translators to consider using IT professionally in their translation and take several courses on how effectively to use IT such as computers and other electronic equipment in translation.

NATURAL LANGUAGE PROCESSING FOR LANGUAGE TRANSLATION

Ghulam Rasoul Zaini

Nowadays, in this modern world, people globally communicate with each other while one speaks in a language and others in another language. The languages they communicate in may have different structures and grammatical rules. Meanwhile, they live in different countries with various cultures that affect their communication and understanding. On the other hand, because of the extreme growth of technology, which implies that people of different age-groups must learn appropriate and suitable skills, and due to massive data, they must involve a huge amount of data, internet, and multiple

courses. Some may have no time to learn all in a specific time where they need it.

Although learning several languages in different ages helps to become productive and successful, it is difficult in most cases and they cannot learn many languages. A professional and learned man may not be available for everyone at all times. Technologies and tools developed in this domain can help them to tackle these challenges. Fortunately, they can translate from one language to another by using technologies and tools provided nowadays.

Natural Language Processing is the most powerful technique which by exploiting artificial intelligence techniques computerizes natural language contents and interacts with the natural language aspects. Machine translation — a kind of Natural Language Processing — translates texts from one language to another, there is no human involvement and it is the machine that performs the process of conversion. Machine Translation has been used in various areas; Google, Facebook, and other companies use it to translate words, sentences, posts feed on Facebook, and other website contents.

A text in which subjects to be translated from source language to target language must be adequate in genre, culture, semantics, form, and variety. The genre is related to literature, philosophy, thoughts, and religion. The culture is related to idioms, cultural transfer stories, and proverbs. The semantic is related to the meaning of synonyms, collocations, and original metaphors. The formal means the levels of graphics, sentences, and grammar. The varietal is related to dialects and sociolects.

Machine translation simply can translate from one language to another, though it has challenges and problems accordingly, but due to its evolution and changes that came during the decades, lots of challenges and problems may be solved.

The aim of this paper is to demonstrate the importance of Natural Language Processing and its techniques which are used for language translation. The ability of machine translation with the help of Natural Language Processing in regard to adequately transfer the genre, culture aspects, semantic, form, and variety of the source language to the target language will be explained.

The most famous companies are using Natural Language Processing to translate their website contents and such applications will be illustrated in this paper. This paper can provide useful information for

readers about the importance of Natural Language Processing for translation and companies using Natural Language Processing.

IT IN TRANSLATION

Anosha Sobat

Recently, the landscape of translation is changing rapidly, especially in the technology era that brings certain changes in regard to international, and multilingual communications. At present, due to advent of electronic text, increasing communication between individuals from different languages and cultures the demand for reliable translation services is sharply increasing. However, human translation or traditional translation methods cannot address these increasing demands of all users around the world. To handlesuch growing demands for translationservices, different translation systems have been developed for providing solutions to differenttranslation problems on a global basis. Therefore, translation technologies and machine translation systems can be used by translators to improve the quality and performance of translation considering the wide-range availability and accessibility of data and information in different languages over the web. Furthermore, different applications have started providing translation services for their users for easier use and communication. These include Google Translate, Microsoft and Facebook. In addition, in the past a translator had to translate using a typewriter or paper and pen. The advancement in technology and computer, especially in the early 1980s changed the way translators followed in the translation process through the advent of useful translator tools including translation memories and software, terminology databases, translation management programs, electronic corpora and so forth. Therefore, the new form of translation (IT based) is contributing to the fast growth of translation techniques, since nowadays, a translator can have access to a great amount of information rather than relying on dictionaries and glossaries in thousands of pages. It means it's not limited now to verbal and written translation of books and documents. It includes software localization, subtitling, translation of user manuals and websites, and localization solutions for global businesses in information technology / telecommunications and more through a single click. The evolution

of computers, Information and Communication Technologies (ICTs), and Internet has expanded the opportunity of communications globally and improved both the speed and standards of communication between nations. It's observable that the translators who work today in the field of translation are more fortunate than their predecessors because the technology enhanced their performance of work in regards of saving time, cost and efforts. Meanwhile, the revolutions in information technology have generated a different perception of translation in the translation industry which is called purposeful translation theories or demand-based translation approaches. It means, the request from customers for product information, software, user manuals, games, educational materials, in their own language has increased the demand for target-oriented translation methods. In the meantime, internationalization and advent of new general and specific ICT technologies in the translation profession particularly, the internet and machine-translation have had an incredible impact on translation in real-time. In regard of general tools or applications, we have internet (Google, Calif, and Microsoft Bing), use of corpus linguistics and concordance generator programs as the most leading ones. Regarding the specific IT tools for the work of professional translator there are Machine-Translation (MT), or automatic translation and Computer Assisted Translation (CAT) including translation memories. It has been found that Google search engine offers great usefulness in the verification of terms in their context and syntagmatic relation of terms.

However, the rapidgrowth of technology encouraged the translation industry (localization industries), or Language Service Providers (LSPs) to adopt new tools in the translation process. But it has also created new challenges for translation. Pervious research studies in the field of translation have interdisciplinary aspects which are reflected not only in linguistic and cultural fields of study but also in technology. There are several studies on many theoretical questions that arise concerning the purpose of IT in translation, the quality and accuracy in IT based translation, the effect of electronic tools such as the internet, multi-lingual bodies, and computer software for translation, the differences between human translation and machine translation and so on. Yet, there have been few studies of the usage of advanced technologies in real translation working environments. The aim of this paper is to bring together experts in computational

linguistics, machine translation, translation education, and translation studies to discuss how these new technologies work. Translators play a key role in the growing market for intercultural technical communication, and translation technologies can assist them in several areas of their work. Still, the main question is how translators can best utilize technology to improve the translations using information technologies. Because there are various tools within specific and wide range of features which can be used based on three main phases of the translation (reception, transfer and formulation). During the reception phase a competent translator can use electronic encyclopedias, digital knowledge databases or information retrieval systems or even domain experts. In the transfer phase because of a deep cross-cultural understanding and intercultural communication skill, the resources are rare and especial kinds of translator's dictionaries or culturally sensitive terminology databases providing thorough combination and networking linguistics which can assist a translator in this phase. During the formulation phase, a competent translator can use dictionaries and terminology database efficiently to produce a text in the target language. Therefore, this paper aims to describe the technological developments influences on translation, as well as the latest and upgraded technological approaches used for translation in the 21st century. This paper follows a descriptive and comparative methodology.

**ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КРОССКУЛЬТУРНЫХ
КОММУНИКАТИВНЫХ КОЛЛИЗИЙ ПРИ ПИСЬМЕННОМ
ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ***

Е. В. Думина, Д. Д. Остаева

В цифровую эпоху деловое (профессиональное) общение в контексте глобализации бизнеса претерпевает ряд существенных изменений. В частности, среди новейших тенденций стоит отметить формирование особого устно-письменного формата Интернет-общения, при этом расширение географии международного сотрудничества, увеличение числа бизнес-контактов по

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-07003.

всему миру привело к переоценке значимости письменной формы речевого общения и появлению таких жанров письменной коммуникации как электронная переписка, электронный документооборот и т. п. Сегодня мы можем с уверенностью заявить, что именно на письмо как наиболее действенный инструмент, используемый современными профессионалами для опосредованного урегулирования разнообразных рабочих вопросов, делается основной акцент в деловой коммуникации. Этот факт может объясняться разными причинами. Во-первых, цифровая трансформация повлекла за собой глубокое переосмысление способов организации общения, разработку новой стратегии развития определенных связей внутри профессиональных сообществ, объединяющих специалистов из разных стран, говорящих на разных языках и имеющих свои национально-культурные особенности. Во-вторых, в мировом масштабе отмечается увеличение численности сотрудников, осуществляющих трудовую деятельность за пределами офиса своей компании. При удаленном режиме работы обязательным требованием к осуществлению эффективного взаимодействия между зарубежными партнерами становится возможность построения и поддержания двустороннего общения в режиме реального времени с целью оперативного принятия совместных решений и при необходимости немедленного их пересмотра. В-третьих, в условиях дефицита временного ресурса, характерного в целом для современного социума, письменная электронная коммуникация значительно ускоряет рабочие процессы и увеличивает результативность труда. Мы исходим из того, что с помощью текстовой формы онлайн-общения между субъектами происходит более оперативный обмен профессионально значимой информацией, постоянно приобретаются новые, актуальные знания, передается накопленный опыт практической деятельности. По нашему мнению, все вышеперечисленное не только способствует повышению качества выполнения профессиональных функций и обязанностей, но и создает благоприятные предпосылки для удовлетворения потребностей каждого работника в процессе совместной деятельности с представителями других культур.

Однако важно также сказать, что при интенсивном взаимодействии между специалистами, принадлежащими к различным лингвокультурным сообществам, отмечается рост числа кон-

фликтов, возникающих на межкультурной почве. Низкий уровень владения профессиональным языком, незнание этики делового общения, несовпадения ценностных ориентиров и поведенческих стереотипов — основные источники межкультурного непонимания и межличностного напряжения в профессиональной сфере, ведущие к возникновению языковых и коммуникационных барьеров. К неблагоприятным последствиям воздействия кросскультурных коллизий можно отнести значительное усложнение взаимоотношений между коммуникантами, разрушение деловых связей, полное прекращение сотрудничества.

Итак, можно сделать вывод, что профессионал в своей трудовой деятельности не должен допускать каких-либо серьезных нарушений правил электронной письменной коммуникации, затрудняющих взаимопонимание и оказывающих отрицательное влияние на весь процесс речевого взаимодействия, ведь в таком случае несоблюдение норм делового общения будет расцениваться как проявление его профессиональной некомпетентности. Готовность вести адекватный учет кросскультурных аспектов в международных проектах, принятие профилактических мер, направленных на своевременное предотвращение языковых препятствий, способность устранять причины возникновения коммуникативных коллизий между участниками общения в поликультурной деловой среде, наоборот, характеризуют любого работника как опытного и высококвалифицированного специалиста.

**МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПЕРЕВОДА»**

**«ВОЛШЕБНАЯ ГОРА» ТОМАСА МАННА В ПЕРЕВОДЕ
ИСААКА БАШЕВИСА ЗИНГЕРА: «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»,
ИЛИ «РОДИНА В ЯЗЫКЕ»**

С. Н. Аверкина, И. А. Бекин

В 1938 г. знаменитый немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Томас Манн позволил себе несколько высокомерное высказывание, которое навсегда вошло в культурный обиход: «Германия там, где я». Это утверждение порождено глубокими переживаниями писателя, уехавшего из Германии, находившейся в плену фашистской идеологии. Менее всего Манн хотел оскорбить соотечественников, не успевших или не желавших эмигрировать в тяжелые военные годы. Однако он прекрасно осознавал, какое значение для поддержания духовного статуса немецкой культуры имел его голос. И в этом смысле представление Манна о своей роли в литературном процессе вполне оправданно.

И здесь Манн не одинок. Похожую миссию выполняли и многие другие авторы в изгнании — Лион Фейхтвангер, Бертольд Брехт, Пауль Целан, Элиас Канетти, Эрих Мария Ремарк, Эльза Ласкер-Шюлер, Стефан Цвейг. Одним из авторов, бережно охранявших наследие своей многовековой культуры, был лауреат Нобелевской премии по литературе за 1978 год, Исаак (Башевис) Зингер.

Он родился в 1902 г. в набожной хасидской семье Менделя Зингера и Башевы Зильберман в местечке Леонцин в Польше (бывш. Российская империя). До 1935 г. Зингер работал в Варшаве, писал очерки, статьи, фельетоны, сотрудничал с еврейскими театрами, переводил на идиш таких крупных писателей как Ромен Роллан, Кнут Гамсун, Томас Манн. Работал над собственными произведениями. Одной из магистральных тем его творчества стала еврейская история, которую он изучал не только на примере больших событий, но и на материале, связанном

с частной жизнью «маленьких» людей, неприметных мучеников, каких в варшавском гетто было немало.

Башевису выпало жить в безумном мире на грани Катастрофы в среде двух чужеродных ему языков. Первую половину жизни — в вынужденном, псевдорусском мире Варшавы, вторую — столь же вынужденном американском Нью-Йорке. Спасением ему служил только идиш — его родной язык. Это мысль встраивается в еврейскую традицию переписывания Торы и привычку воспринимать написанный текст как нечто священное (на идише и уважаемая профессия переписчика Пятикнижия, и профессия писателя обозначаются одним словом — «shrayber»).

«Многомирие» Зингера — тоже отличительная черта его произведений. Его излюбленный герой — писатель, сын раввина, порвавший с традициями предков, ищущий себя, но отыскивающий Бога в «маленьком мире маленьких людей», где все находится в страшной неразберихе: человеческое и божественное, еврейское и гойское, мистическое и обыденное, а единственные люди, способные в таком мире разобраться, — «городские сумасшедшие», или же «тайные праведники», Шоша в одноименном романе, Яша Мазур в *Фокуснике из Люблина*.

Стиль его ранних произведений близок европейскому натурализму; в числе писателей, особо на него повлиявших, он называет «в особенности Кнута Гамсуна», а также Томаса Манна с его *Будденброками*. Мотивы разрушения семейства отчетливо просматриваются в его романах *Di familiye mushkat* («Семья (досл. «Фамилия Мускат»)» и двухтомной семейной хронике *Поместье* («Der hoyf»).

Влияние Манна на крупную прозу Зингера трудно отрицать. Последнее, что делает Башевис в Польше перед эмиграцией, — заканчивает перевод на идиш романа *Der tsoyberbarg* («Волшебная гора»), который выходит в четырех томах в варшавском издательстве «Di kultur-lige» («Культурная лига») под редакцией Михла Вайхерта. Переводом *Волшебной горы* Зингер занимался в течение года, с 1929 по 1930, будучи уже опытным переводчиком. Эта его работа удостоилась особой награды за вклад в словесность на идише, о чем также сообщается в «Литературных листках».

Особого внимания заслуживает перевод сакральных терминов и мифологем романа с немецкого языка на идиш. Об этом

и пойдет речь в докладе. В еврейской традиции сакральность передается с помощью иврита. И здесь перед переводчиком встала сложная задача. Весь роман строится вокруг центральной мифологемы «Zaberberg». Перевести ее в контексте еврейской культуры стало главным «вызовом» для Зингера.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. М. Бондарева

Языковая картина мира, являющаяся в последние десятилетия актуальным объектом лингвистических исследований, отражает в вербализованной форме способ восприятия человеком окружающей действительности. Она задает, согласно В. А. Масловой, нормы поведения человека в мире в рамках национально-культурного опыта конкретной языковой общности (Маслова 2004: 65-66).

При моделировании мира в сознании отдельной языковой личности происходит верификация этого сознания с инвариантом интерпретации мира коллективным языковым сознанием сообщества, к которому принадлежит данная личность (Корнилов 2003: 114). В результате подобного процесса происходит формирование индивидуальной языковой картины мира (ИЯКМ), находящей свое яркое воплощение в художественной литературе и сочетающей в себе индивидуально-личностные и национально специфические признаки.

Сохранение своеобразия ИЯКМ писателя при переводе его произведений на иной язык всегда являлось одной из наиболее сложных задач, успешная реализация которой предполагает искусство перевоплощения переводчика, его созвучность оригиналу или совместимость с ним в той или иной мере (Федоров 1983: 295). В первую очередь это требование относится к переводческой работе с текстами классической литературы, в частности, с творческим наследием великого русского писателя XIX в. И. С. Тургенева.

Одной из особенностей перевода на немецкий язык повести И. С. Тургенева *Первая любовь*, выполненного Каем Боровски и сохраняющего исторический и национальный колорит текста-

оригинала, является отсутствие диминутивных форм существительных, характерных для исходного текста, например: «... я пожирал взором этот стройный стан, и **шейку**, ...и слегка растрепанные белокурые волосы под белым **платочком** ...» (Turgenjew 1994: 16) / «... *ich verschlang mit den Blicken die schlanke Gestalt, den Hals, ... das unter dem weißen Tuch leicht zerzauste blonde Haar...*» (ibid.: 17); ср. также: «верховая лошадка» / *ein Reitpferd*, «флигелек» / *der Flügel*, «эти прелестные пальчики» / *diese zauberhaften Finger* и пр.). «Непереводимыми» в данном контексте оказываются и соответствующие формы прилагательных, функционирующих в тексте тургеневской повести, например: «Внизу, по дороге, в легком **сереньком** платье, ... поспешно шла Зинаида» (ibid.: 108) / „*Unten, auf dem Weg, in einem leichten grauen Kleid, ... schritt eilig Sinaida dahin*“ (ibid.: 109); (ср. также: «новенький галстух» / *eine neue Krawatte*, «низенькие флигельки» / *niedrige Seitenflügel*, «узенькая полоса сада» / *der schmale Gartenstreifen* и др.).

Уменьшительно-ласкательные формы существительных и прилагательных служат в повести И. С. Тургенева для передачи трепетного отношения речевого субъекта к собственному молодому «Я» и предмету его первой любви, воссоздания свежести и непосредственности юношеского мировосприятия окружающей действительности. Известно, что в системе немецкого языка существует возможность образования подобных форм существительных, например, при помощи суффикса *-chen* или за счет добавления к подразумеваемым лексемам прилагательных *klein / lieb*. С учетом данного фактора следует констатировать, что в тексте рассматриваемого перевода ИЯКМ, репрезентированная в тексте-оригинале, оказывается в некоторой мере лишенной творческого своеобразия, которое присуще индивидуальному стилю русского классика.

Библиографический список

- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2004.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Филология Три, 1983.
- Turgenjew I. Erste Liebe. Russisch / Deutsch. Stuttgart: Reclam, 1994.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОСТРАДАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А. М. Власова

Любая коммуникация считается успешной, если ее участники учитывают этнокультурные факторы, касающиеся собеседника (собеседников), а именно культурно-языковой код, свойственный жителям той или иной страны. Данный языковой код предполагает среди прочего знание как минимум базовых универсальных эмоций, способов их языковой номинации и степень использования эмоциональных сигналов речевых партнеров (Ларина 2004: 92-94).

Общеизвестно, что почти любая лексическая единица может быть наполнена эмоцией. Выбор той или иной эмоции обуславливается не только культурными, но и политическими, социальными, психологическими и некоторыми другими факторами коммуникантов. Выражение эмоций зависит от менталитета говорящих и носит индивидуальный характер.

Говоря про эмоциональную направленность речи, сложно не заметить наличие в общении коммуникантов элементов сострадания. Выражение такого эмоционального состояния является проявлением адекватной коммуникации по причине того, что оно помогает интерпретировать адресата и корректно отреагировать на его эмоциональные сигналы. Кроме того, необходимо отметить важность сострадания в современном мире, оно может служить средством формирования социальных связей.

В США вот уже в течение многих лет наблюдается сложная ситуация, которая находит свое отражение в расизме и антифеминизме. В результате этого в стране появляются также и группы людей, которые выступают против расизма и поддерживают феминистические взгляды. Представленная картина оказывает влияние на коммуникацию, что проявляется в наличии в английском языке большого количества средств эмоциональной экспрессивности, а именно в выражении эмпатии к жертвам вербального и невербального буллинга.

В представляемом исследовании рассматриваются вербальные способы выражения сострадания в англоязычном художественном тексте. Материалом исследования послужили диалоги

из американского произведения *I'm Not Dying with You Tonight*, написанного в соавторстве К. Джонс и Ж. Сегал (Jones, Segal 2019). Книга повествует о взаимоотношении двух учениц старшей школы, имеющих разную расовую принадлежность. Произведение основано на личном опыте писательниц. Примечательно также и то, что авторы данной истории являются представителями разных рас.

Произведение содержит большое количество диалогов, где явно прослеживается сострадание. В результате исследования было выявлено, что самой распространенной лексической единицей, эксплицитно передающей сочувствие говорящего, является лексема «sorry», которую в данном контексте можно дефинировать как “used to say that you wish some thing in the past had not happened or had been different” (Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]) (используется в том случае, когда говорящий ставит своей целью передать свое желание того, чтобы то, что уже произошло, имело иной характер). Реже сострадание выражают такие лексемы, как «hope» и «wish», которые имеют коннотацию ‘поддержка, пожелание лучшего будущего’. Кроме того, сострадание может передаваться имплицитно, когда говорящий лишь подразумевает свои намерения. Данные лексемы реализуются в комбинации с соответствующими языковыми комплексами.

Культурологические аспекты выражения сострадания в рассматриваемом романе находят свое отражение в представляемых ситуациях, которые связаны прежде всего с вербальным буллингом из-за цвета кожи и половой принадлежности персонажей, что свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования.

Библиографический список

Ларина Т. В. Выражение эмоций в английской и русской коммуникативных культурах // *Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности*: сб. науч. тр. Волгоград, 2004. С. 36—46.

Шаховский В. И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // *Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности*: сб. науч. тр. Волгоград, 2004. С. 147—168.

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>.

Jones K., Segal G. *I'm Not Dying with You Tonight*. Naperville: Sourcebooks Fire, 2019.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЭМОТИВОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Е. Н. Воротилина

Терминологическое разнообразие в области эмотиологии, эмотивистики связано прежде всего с синонимичным употреблением терминов «эмоциональность» и «эмотивность». Эмотивность определяется как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...» (Шаховский 1987: 24). Эмотивность имеет план выражения и план содержания, то есть обладает двусторонней семиотической природой. Эмотивное содержание с одной стороны в виде эмотема входит в рациональное содержание текста, с другой, — составляет его эмоциональную часть.

Главной эмотивной доминантой романа А. Мушга *Счастье Зуттера* является «истощение гуманизма, дефицит искренности, участия и душевной теплоты в мире, где царят или холодный расчет, или буйство неуправляемых страстей» (Седельник 2002: 43). Перевод романа, выполненный В. Седельником, подчеркивает психологические нюансы, остроумную иронию насыщенной актуальным жизненным содержанием прозы А. Мушга.

В то же время интерес представляют единицы эмотивности, которые подвергаются переводческим трансформациям, тем самым изменяя поле эмотивности текста.

Так, достаточно частотным является в переводе прием генерализации. В следующем примере юноша не просто сопротивляется высказанному предложению, а наступает на горло собственной гордости, переступает через себя: «Von der weltfernen Gastlichkeit verwirrt, machte er den ihm *widerstrebenden Vorschlag*, einen Spezialisten beizuziehen, dem auch andere als elektromagnetische Wellengeläufigkeiten» (Muschg 2001) / «Сбитый с толку непривычным для него гостеприимством, он, наступив на горло собственной гордости, предложил позвать на помощь специалиста, которому подвластны не только электромагнитные волны» (Мушг 2002).

На общем фоне выдвигается и прием экспликации, при котором лексическая единица заменяется словосочетанием, дающим более полное объяснение в тексте перевода.

Еще пример: «*Stillstand*» (Muschg 2001) / «Отрешенность была полная» (Мушг 2002).

В приведенных примерах было обнаружено, что В. Седельник в тексте перевода романа на русский язык расширяет корпус эмотивов. Равновесность эмотивного содержания в текстах оригинала и перевода, тем не менее, соблюдается. Основным приемом является прием компенсации, которая помогает расширить эмотивное пространство текста. Рассмотренные трансформации перевода помогают наиболее полно раскрыть персонажей и их переживания, показать весь комплекс чувств, которые они испытывают.

Библиографический список

Мушг А. Счастье Зуттера // Иностранная литература. 2002. № 9. С. 43—162.

Седельник В. Предисловие к роману «Счастье Зуттера» // Иностранная литература. 2002. № 9.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: ВГУ, 1987.

Muschg A. Sutters Glück. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.

РОЛЬ ОБРАЗА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. В. Голубева

Деятельность переводчика, нацеленная на адекватную передачу смысла текста, обусловлена рядом факторов, среди которых социокультурные, языковые знания, переводческий опыт, личность переводчика.

Общеизвестно, что предметное значение единицы языка часто связано с целостным, образным представлением об объекте / ситуации. Не рассматривая дискуссионный вопрос о природе и структуре образа, отметим, что помимо общего набора признаков, индивид выделяет характеристики, которые он «приписывает» объекту и признает правдоподобными на основе собственного опыта познания и общения. Такие образные представления имплицитно связаны со значением единицы языка, структурированы в памяти в виде смысловых опор (термин А. А. Залевской), свидетельств (evidence), прецедентов (Й. Вонг), следов памяти

(М. Московичи), симуляций (Л. Барсалоу), эвиденциальных смысловых переживаний (О. Голубева) и т. д.

Так, в работе над специальным текстом обучающиеся перевели предложение *These time-varying fields radiate away from antenna into space as a moving transverse electromagnetic field wave* с учетом прежнего опыта переработки знаний. Анализ переводов (52 работы) выявил следующее:

1) прибегая к образному представлению референта / ситуации, обучающиеся по-разному передают смысл оригинала, демонстрируют разное видение о пространственно-временных параметрах, характере действия, в том числе с учетом своего положения и положения объекта:

— «от объекта» / наблюдателя — в пространство»: *Антенна излучает такие динамические поля в пространство / в космос в виде поперечной электромагнитной волны. Антенна заявлена как активный субъект, совершающий направленное действие (излучает / передает) в пространство, в его отдаленную часть (в космос). Очевидно, что имплицитные смыслы, касающиеся значимости антенны при передаче сигнала, позволяют считать ее образным стержнем, который задает образное видение ситуации;*

— внутри замкнутого пространства («контейнера»): *Изменяющиеся во времени поля распространяются / передаются / расходятся в пространстве как поперечные электромагнитные волны. Действие выполнено не антенной, а динамическими полями, излучаемыми от источника разнонаправлено (радиально). Замкнутость пространства в переводе передается предложным падежом имени существительного в отличие от дательного падежа в предыдущем случае;*

— «наблюдатель — пространство — объект»: *Динамические поля, изменяющиеся, проходя сквозь пространство, становятся динамическими поперечными волнами. Здесь внимание сконцентрировано не на движении, а на изменении в ходе контакта с окружающей средой, которая пронизывается единым направленным потоком излучения (сквозь пространство);*

2) переводящие текст «приписывают» признаки объекту / действию, опираясь на сформированные смысловые опоры. Так, толкование значений причастия *moving* и наречия *away* не оправдывают добавления в переводе, связанные с мощностью устройства и характером действия: *Изменяющиеся во времени поля*

интенсивно передаются в пространство мощной антенной как поперечные электромагнитные волны.

Как видим, влияние багажа знаний индивида на перевод позволяет выявить девиации, связанные со схемно-образным представлением о локации объекта/действия, с эмоционально-оценочным восприятием характеристик, причинно-следственными выводами.

Таким образом, изучение имплицитных основ формирования смысла, обусловленных когнитивным опытом, во многом объясняет разнообразие итогов переводческой деятельности и, возможно, применение переводческих приемов.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗНОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА- АНТИУТОПИИ О. ХАКСЛИ «О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»

Н. А. Дедова

Как известно, в лингвистике выделяется большое разнообразие метафор: когнитивная, номинативная, стертая, образная и т. д. (Арутюнова 1999: 89). Образная метафора является одним из самых ярких тропов художественного текста, и соответственно, релевантным маркером индивидуально-авторского стиля. В связи с этим возникает проблема перевода образной метафоры, поскольку с одной стороны, необходимо сохранить стиль писателя, а с другой стороны, — дословный перевод метафоры не всегда представляется возможным, из-за причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера (Гальперин 1981). Например, метафора «*ruinsofhistory*» в рассматриваемом тексте перевода трактуется как «*страницы истории*», а не «*руины истории*». Следовательно, весьма вероятна трансформация семантического пространства образной метафоры при переводе.

Под семантическим пространством мы понимаем определенный набор диагностических семантических признаков, характеризующих определенную частотную представленность, относительно рассматриваемых лексических единиц. Выделенные посредством компонентного анализа семантические признаки были объединены в категориальные и некатегориальные семан-

тические планы. Под семантическим планом мы понимаем обобщенные семантические категории, в рамках которых организуется как минимум два антонимичных семантических признака (Дедова 2018).

Далее рассмотрим подробно семантические признаки категориального плана, который включает наиболее абстрактные семантические характеристики, соотносящие семантическое ядро метафоры с категориальным значением одной из четырех знаменательных частей речи (Кунин 1972). Следовательно, выделяются следующие категориальные признаки: субстантивный (*ruins of history*); адъективный (*milk crystal face*); вербальный (*to feel fat*) и адвербальный (*smiling with all his teeth*) признаки.

Некатегориальные планы включают семантические признаки, которые отражают более конкретные характеристики явлений. К таким планам мы относим следующие: *антропологический* план, выявляющий характеристики человека (признаки антропо-соматический (*smiling with all his teeth*), антропо-ментальный (*crazy walls*)), *социальный* план, характеризующий социальные группы и продукты профессиональной деятельности (признаки социо-личностный (*troop of students*), социо-неличностный (*surgical introduction*)), *натуралистический* план, характеризующий явления живой и неживой природы (признаки натуро-биоогенный (*a swine-masked policeman*), натуро-абиоогенный (*a boiling sand*)), *онтологический* план, характеризующий наиболее обобщенные явления бытия: цвет, форму, время и т. д. (признаки онто-материальный (*hottears*), онто-нематериальный (*old time*)).

Целью нашей работы является установление статистически интегральных и дифференциально маркированных признаков, относительно текста оригинала и текста перевода (Хаксли 1999). Следует отметить, что именно дифференциально-маркированные признаки характеризуют трансформацию семантического пространства текста перевода.

Для достижения нашей цели мы использовали частотный анализ, который помог установить степени частотной релевантности каждого признака. Частотно-релевантным признается признак, процентный показатель которого является выше среднего в рамках отдельного лингвистического плана (Сильницкий 2012).

Произведя анализ признаков категориального плана, мы выявили отсутствие дифференциально-маркированных призна-

ков: релевантными признаками в обоих текстах являются адъективный и субстантивный, нерелевантными — вербальный и адвербальный.

Некатегориальные планы, по степени дифференциальной маркированности были разделены на две группы: интегрально-маркированные (присутствуют только статистически-интегральные признаки) и дифференциально-маркированные (присутствуют статистически-дифференциальные признаки). К первой группе относятся антропологический план (в текстах оригинала и перевода релевантным признаком является антропо-соматический) и онтологический план (в обоих текстах релевантный признак — онто-нематериальный). Ко второй группе принадлежат социальный план (в тексте оригинала релевантный признак — социо-личностный, в тексте перевода — социо-неличностный) и натуралистический план (в тексте оригинала релевантный признак — натуро-абиогенный, в тексте перевода — натуро-биогенный).

Таким образом, можно сделать вывод о достаточно существенной трансформации семантического пространства образных метафор текста перевода на рассматриваемом материале.

Библиографический список

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Дедова Н. А. Сравнительный анализ семантических характеристик образных метафор текста оригинала и текста-перевода романа Дж. Оруэлла «1984» // Известия Смоленского гос. ун-та. 2018. № 2 (42). С. 218—229.

Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972.

Сильницкий А. Г. Семантические характеристики полиситуативных экономических глаголов в английском языке // Известия Смоленского гос. ун-та. 2012. № 1 (17). С. 148—157.

Хаксли О. О дивный новый мир / пер. с англ. О. Сороки, В. Бабкова. СПб.: Амфора, 1999.

**«И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША...»:
ПЕРЕВОД И АДАПТАЦИЯ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ***

Ю. Н. Драчева, Е. В. Опахина

Молитва Господня является одним из ключевых концептов христианской веры и неизменной основой христианской проповеди. Она переведена на все языки мира, часто называется по первым словам: в русской культуре это церковнославянский перевод *Отче наш...*, лат. *Pater noster*, греч. *Πάτερ ημών*, англ. *Our Father*, фр. *Notre Père* и т. д. Отметим, что текст молитвы Господней в мировой культуре существует только в переводах, оригинал (вероятно, на галилейском диалекте арамейского языка [Лявданский 2001]) отсутствует. Записана молитва была на древнегреческом языке в составе текстов Нового Завета — в Евангелиях от Матфея и от Луки (*ibid.*).

Современная языковая ситуация приводит нас к необходимости изучения проблемы функционирования текста молитвы в речевой культуре общества особенно в том случае, если богослужебный язык несколько архаизируется. Например, в англоязычной культуре в настоящее время функционируют несколько сотен переводов (или адаптаций) Библии и, соответственно, молитвы Господней, поэтому, когда собираются молиться вместе люди, являющиеся носителями английского языка, то текст молитвы Господней, произносимой ими вслух, часто различается (Bloom [Электронный ресурс]). В то же время сейчас наблюдается и процесс дезархаизации языка религиозных текстов, например, в современных франкоязычных изданиях Библии (Иванова 1996).

Мы анализируем строку из молитвы Господней — «И остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим» — в том виде, в каком она приводится в Евангелии от Матфея (Мф. 6: 12). Сложность перевода этой фразы заключается в том, что в основе обсуждаемого текста лежит арамейская по происхождению метафора — понимание греха как долга (Шитиков 2011).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00082 «Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивные и языковые механизмы»).

Целью нашего исследования является определение динамики переводческих решений в современных переложениях, переводах и адаптациях этой строки из молитвы Господней на русском, английском и французском языках в сравнении с традиционными переводами, принятыми за эталон в языковой культуре общества.

Несколько «проблемных мест» текста молитвы требуют определенных переводческих решений: (1) выбор лексических единиц для обозначения *того, что прощается* (рус. долги / грехи / преступления / вина / проступки / нулевой перевод) и *того, кому прощается* (рус. должники / другие / виновные перед нами / те, кто причинил нам зло / те, кто согрешил перед нами), поскольку это взаимозависимые единицы; (2) выбор глагола для обозначения действия Бога и сообразно с этим действия человека по отношению к грехам людей (рус. простить); (3) выбор временного плана глагола (рус. мы прощаем / простили). Например, в англоязычных вариантах текста это соотношение может быть проиллюстрировано так: (1) *debts – debtors*; (2) *forgive*; (3) *forgive* (КJB 1611; текст молитвы ROCOR); (1) *debts — debtors*; (2) *forgive*; (3) *have forgiven* (ASV 1901; NIV 1978; NASB 1995; BSB 2016); (1) *sins — those who sin against us*; (2) *forgive*; (3) *have forgiven* (NLT 1996); (1) *sins — those who have sinned against us*; (2) *forgive*; (3) *have forgiven* (ISV 2011); (1) *trespasses — those who trespass against us*; (2) *forgive*; (3) *forgive* (текст молитвы ОСА, ГОА, АОСА) и т. д.; в вариантах Библии на французском языке: (1) *dettes — débiteurs*; (2) *quitter*; (3) *quittons* (Martin); (1) *dettes — ceux qui nous doivent*; (2) *remettre*; (3) *remettons* (Crampon); французские переводы предлагают дополнительные ассоциации греха с обидой: (1) *offenses — ceux qui nous ont offensés*; (2) *pardonner*; (3) *pardonnons* (Segond).

В современных адаптациях чаще наблюдается упрощение текста молитвы, что соответствует наблюдениям других исследователей, в частности из перевода исчезает сама метафора «грех как долг» (Шитиков 2011) (ср.: рус. *И прости нас, как и мы простили других* [открытый перевод]) или же она заменяется на другие лексические единицы, объяснения и пр., в соответствии с целевыми установками переводчика (ср.: *We have forgiven people who have done wrong things to us. In the same way, please forgive us for the wrong things that we have done* [Easy English Bible]).

Библиографический список

Иванова Л. Ю. Проблема дезархаизации текста (на примере переводов Библии на французский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 1996.

Лявданский А. К. Арамейский язык // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 3. М., 2001. С. 168—173.

Шитиков П. М. Метафора «Грех есть долг» в англоязычных переводах Библии // Северный регион: наука, образование, культура. 2011. № 1 (23). С. 45—47.

Bloom J. Forgive Us Our What? Three Ways We Say the Lord's Prayer [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://www.desiringgod.org/articles/forgive-us-our-what>.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДИМОСТИ / НЕПЕРЕВОДИМОСТИ: РЕГИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ

А. С. Епимахова

Специфика документальных и мемуарных текстов (например, по отношению к художественным) состоит в том, что зачастую они представляют особый интерес для более узкой аудитории, например, поскольку содержат краеведческую информацию. Интерес иноязычных мемуарных текстов состоит в возможности посмотреть на свой регион со стороны, обнаружив аспекты повседневной жизни, которые вызывают удивление у иностранцев. Чтобы доступ к этим текстам получили читатели вне зависимости от владения иностранным языком, их нужно перевести (нередко такие переводы публикуются в местных изданиях). Перед переводчиком встает непростая задача: как показать читателю, что предметы и явления, которые он видит каждый день, кому-то кажутся необычными? При этом, в отличие от известных за рубежом реалий («мужик», «самовар», «тройка» и т. п.), региональные реалии могут быть не известны и многим носителям русского языка.

Одну из трудностей при переводе создает репатриация (обратный перевод) таких реалий. Так как они зачастую передаются на язык автора транскрипцией (иногда с искажением), трудность состоит в поиске исходного варианта, и здесь на помощь

переводчику приходят краеведческие знания. Пояснения в тексте оригинала могут создать дополнительные трудности. Например, в книге *The House by the Dvina: A Russian Childhood*, где описывается детство в дореволюционном Архангельске, присутствует реалия «козули» — «kazoolie» с пояснением «delicious spiced cakes formed into shapes of people and animals typifying the north» (Fraser 1988), которое передано архангельским переводчиком Т. Н. Клушиной как «вкусные и ароматные пряники в форме человечков и северных животных» (Фрезер 2009). Пояснение кажется несколько избыточным северному читателю, но именно оно показывает, что этот элемент может быть не понят читателем текста оригинала.

Другой вопрос состоит в том, что делать с фактическими ошибками, которые обнаруживаются в тексте оригинала. Их исправление не только может выходить за рамки меры переводческих преобразований, но и станет искажением авторского восприятия, то есть обеднит читателя перевода. Оставив же текст «как есть», переводчик рискует получить упреки в некомпетентности. Вероятно, самое мудрое решение — использование комментария. Так, брошюра *Двадцать три дня в Ледовитом океане и Белом море* (перевод, выполненный В. Чебыкиным), содержит предложение: «Малина была желтовата на вид, не аппетитна...» с примечанием: «Малины в Северной Норвегии нет; очевидно графу Милевскому подали морошку. Замеч. переводчика» (Милевский 1900).

Таким образом, переводчик вынужден балансировать, принимая во внимание свои знания о когнитивном багаже автора, реципиента текста оригинала и потенциальных реципиентов перевода. Регионально обусловленные трудности выражаются при этом не только в присутствии специфических реалий, но и в том, как показать их чуждость для автора и реципиента текста оригинала по сравнению с тем, что они знакомы читателю перевода.

Библиографический список

Милевский И. К. Двадцать три дня в Ледовитом океане и Белом море. Архангельск: Губернская типография, 1900.

Фрезер Е. Дом над Двиной: детство в России. Архангельск: Правда Севера, 2009.

Fraser E. The house by the Dvina: a Russian childhood. London: Corgi Books, 1988.

ИНОСТРАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

А. Н. Кочетков

Достоевский переводил с французского (*Евгения Гранде* Бальзака, повести Ж. Санд) и четко высказывался по вопросам переводимости русской литературы. Переводческие мнения писателя основывались на анализе переводов; так, о переводах Пушкина и Гоголя Достоевский пишет в *Дневнике писателя*: «...все характерное, все наше национальное по преимуществу (а стало быть, все истинно художественное), по моему мнению, для Европы неузнаваемо. <...> чем крупнее и своеобразнее талант, тем он будет и неузнаваемее». Это высказывание Достоевского оказалось во многом пророческим и для переводов самого писателя.

Современные исследователи обращают внимание на переводческую проблему «перехода межтекстовой семантической границы», отмечают, что даже совершенный перевод «не может не приглушить специфичность текста», «изменения ощущаются как нарушение соотношения “автор — текст”» (Живолупова 2020: 231).

Для анализа актуальных проблем перевода достоевского текста нами выбраны переводы, разделенные географической и культурной дистанцией, на французский и бирманский языки.

Французский переводчик романов Достоевского А. Маркович «исходит из идеи сопряженности целого и всех деталей»: «В “Игроке” таков образ шарика, который крутится. Но это одновременно и головокружение мысли, круговорот Вселенной, идея круга» (Маркович 1996: 257). Интересна мотивация для перевода: «Почему я перевожу? Потому что для меня это — единственный адекватный способ чтения» (*ibid.*). Фактически А. Маркович говорит о предпереводческой интерпретации текста и выработке стратегий перевода.

Другие проблемы, который отмечает французский коллега: различие во временной системе языков (одно прошедшее время в русском и два прошедших во французском — *passé simple* и *passé composé*), отсутствие слов в языке перевода (слова «мере-

щаться» во французском нет), выбор языка перевода (современный vs язык времени создания произведения).

Для сравнения переводческих проблем выбран также перевод рассказа Достоевского *Елка и свадьба* на бирманский язык. «Сопоставление оригинала с его бирманской версией позволило выявить ряд отклонений от авторского текста: заменяются бытовые реалии, опускаются отдельные ремарки, имеют место сокращения, разбивка длинных предложений, переделки отдельных фраз. <...> В стране ортодоксального буддизма, Бирме, религия пронизывает все стороны общественной жизни. Это сказывается и в переводе: так, восклицание “Боже мой!” заменяется на “О, Будда!”» (Даревский 1996: 268).

Помимо компаративистского анализа переводов проводится описание проблем языка Достоевского, изученных русскими лингвистами (Иванчикова 1979), и делается попытка ответить на вопрос о возможности установлении «интимного единомыслия» автора и переводчика.

Библиографический список

Даревский А. И. Рассказ Ф. М. Достоевского «Елка и свадьба» на бирманском языке // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1996. С. 265—270.

Живолупова Н. В. Достоевский и иные художественные миры. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2020.

Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979.

Маркович А. Заметки французского переводчика Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1996. С. 255—259.

«ТИПИЧНОЕ» И «НЕТИПИЧНОЕ» ЭТНОПОРТРЕТА НАЦИИ В РЕПЛИКАХ ГЕРОЕВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

М. А. Кривенькая

Диалоги героев художественных произведений — богатый источник, демонстрирующий то, как в индивидуальном сознании отражается национальная или этнокультурная когнитивная база — фоновые знания людей, относящихся к определенному национально-лингвокультурному сообществу. Этнические «мар-

керы узнаваемости» того или народа в семантической репрезентации его портрета представляют собой устойчивые ментальные представления — куски стандартизированной информации, которые передаются из поколения в поколение. Из них формируется этностереотип нации/народа, в котором закреплены исторически сложившиеся представления о совокупности качеств, воспринимаемых как типичные. Отклонения от таковых расцениваются как нетипичные.

Для выявления приемов семантической репрезентации «типичного» и «нетипичного» в этнопортрете наций автором проанализированы более тысячи реплик героев художественных произведений российских и зарубежных авторов 21 века. Приведем примеры, дающие представление об основных линиях исследования, соответствующего заявленной теме.

Анализ диалогов и отдельных реплик показал, что в контексте типичных / нетипичных признаков народов самой распространенной является дихотомия «Запад / Восток». Набор типичного для Запада, под которым в репликах героев чаще всего подразумевается Европа, выражен номинациями: цивилизация, чистота, правопорядок, законопослушность, реалистичность и прагматизм («пытаемся жить сообразно реальности» (Водолазкин). Имплицитные представления находят свое проявление в семантике словосочетаний: «цивилизованные европейские народы» (Бушков), «западный шарм» (Рубина), «европейская эмансипация» (Токарева).

Набор типичного для Востока / Азии включает: традиционализм (Токарева), семейственность, видимость соблюдения закона («выборы управляемы» — Адига), хитрость, непредсказуемость. Превалирует мнение, семантически соотносимое с выражением «нецивилизованные народы». Появление «типичного» для Запада на Востоке воспринимается как нетипичное. Например, взаимопомощь, воспринимаемая как проявление типичного социального поведения восточных людей, представляется желаемым для западных народов (Бушков, Рубина).

Этнический портрет народа — один из самых распространенных коллективных собирательных образов, который складывается в том числе из стереотипов. По частоте встречаемости референций к типичным чертам народов западной цивилизации, можно предположить, самыми устойчивыми являются сте-

реотипы о немцах. Их этнопортрет включает номинации: знания (Брусникин), культура (Гранин), порядок («баварский крестьянин с перышком на шляпе») (Рубина), «немецкая основательность» (Рубина, Чижова), пунктуальность («немцы выполняют, что обещали» (Рубина), качество «немецкое = самое лучшее» (Чижова). Далее следуют англичане с набором: аристократизм, уважение к личности, достоинство, сдержанность, манерность (Токарева); голландцы: «истинно голландская сдержанность» (Рубина); народы Средиземноморья.

Противоположный набор характеристик из типично-западного свойствен Америке: «В этой стране даже мухи куда-то торопятся» (Хоссейни), что соответствует номинативному ряду: бизнес (Бушков), предприимчивость (Улицкая, Арабов), апелляция к демократическим принципам (Токарева, Муссо), смешение религий (Адига), оптимизм и обобщается в устойчивом словосочетании «страна возможностей» (Чэмберлен, Конради и др.).

Имплицитный пласт этностереотипов особенно ярко проявляется в репликах героев, где как таковая номинация признаков вообще отсутствует — вместо нее есть отсылка к некоему набору характеристик, которые, как предполагается, известны каждому: «Ты стал совсем американец» (Хоссейни), «Ты не британец и не русский, человек нового типа» (Брусникин).

Самый противоречивый набор характеристик героев в современной художественной прозе — о славянах вообще и о русских в особенности. Для них свойственно смешение типичного и нетипичного, поиск типичного в поле «от противоположного», представленного в антитезах, минимальное присутствие номинаций. Данный блок диалогов с особой наглядностью показывает, что понятие о типичных и нетипичных характеристиках народа зачастую находится в семантическом поле, вербализующем концепт «свой / чужой», «нормально / ненормально», «правильно / неправильно». Пресуппозиционной базой подобных высказываний является представление о том, что свойственное своей культуре является нормой, а характеризующее другую — отклонением.

Многообразие структурных и семантических форм вербального предъявления «типичного» и «нетипичного» нации с привлечением самых разных изобразительных и стилистических языковых средств сопровождается особой экспрессивно-оценочной окраской, что позволяет говорить о ярко выражен-

ной коннотативной семантике таких диалогов. Сочетание эксплицитного и имплицитного в репликах героев, референция которых указывает на черты характера и менталитета представителей разных национальностей и этносов, демонстрирует проявления в индивидуальной когнитивной базе коммуникантов групповой социально-детерминированной составляющей.

ТЕНДЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ АННОТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

А. В. Стахова

В современном мире художественная литература является объектом прибыльного международного бизнеса. Спрос на переводные издания, а, следовательно, и на качественный перевод художественной литературы постоянно растет. Однако один из важных аспектов — перевод аннотации художественного текста — остается без внимания как со стороны издателей, так и переводчиков.

Зачастую аннотация на русском языке подготавливается не переводчиком, а выпускающим или художественным редактором, в той или иной мере владеющим английским языком, что способствует появлению на книжном рынке большого количества тестов аннотаций, не только не выполняющих свою функцию привлечения потенциального читателя, но и приводящих, по мнению исследователей, к «локальным коммуникативным кризисам» (Передний 2005: 7).

Аннотация художественного произведения — специфический полифонический рекламный текст. Как показывает анализ, в зависимости от способа оформления аттракции выделяются три основных вида современных англоязычных аннотаций: аннотации, содержащие цитирование, аннотации, включающие биографические сведения об авторе и аннотации — пересказы. Все три типа активно используются иностранными издательствами.

Первые аннотации (в современном понимании этого термина) появляются в начале XX в. и с течением времени их форма претерпевает значительные изменения. Тексты аннотаций первой половины XX в. характеризуются большей информатив-

ностью. Со второй половины XX в. рекламный потенциал аннотации выходит на первое место.

В отличие от рекламного текста, в котором достаточно часто встречаются явные средства побуждения и призыва к покупке товара, авторы аннотаций никогда не используют тактику прямого воздействия, что обусловлено особенностями рекламируемой продукции и спецификой целевой аудитории.

Особая форма построения текста (Назарова 2017) обуславливает формирование своеобразной прагматической установки аннотации, нуждающейся в адекватной передаче при переводе.

Обзор переведенных аннотаций позволил выделить несколько тенденций. Аннотации-пересказы переводятся почти дословно. Основные проблемы такого перевода — буквализм и передача имен собственных. Проблемы достаточно серьезные, так как буквальный перевод и разные способы передачи одних и тех же имен собственных в аннотации и в тексте произведения, как минимум, озадачат потенциального читателя.

При передаче аннотаций, содержащих цитирование, заимствуется форма аттракции и осуществляется локализация текста, т. е. приводятся отзывы популярных русскоязычных изданий, критиков, известных деятелей искусства, а также наиболее популярных в России зарубежных изданий и высказывания известных русскоязычной аудитории иностранных писателей, актеров.

Аннотации, включающие биографические сведения об авторе, в большинстве случаев не переводятся. Вместо них создаются аннотации-пересказы на русском языке.

По-видимому, перечисленные тенденции позволяют пока в какой-то мере воспроизвести прагматический эффект оригинальной аннотации. Дальнейшее наблюдение и анализ материала поможет определить, приведут ли данные тенденции к формированию и установлению каких-либо требований к переводу иноязычных аннотаций, а также сформулировать некоторые рекомендации по оптимизации данного процесса с учетом специфики традиций российского книжного рынка.

Библиографический список

Назарова А. Д. Прагматические и структурно-семантические особенности аннотации типа «blurb» // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. Режим

доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2017/02/78640>.

Передний Д. М. Реклама книги: модификации и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2005.

ПЕРЕДАЧА «БУНИНСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ» В ПЕРЕВОДЕ (Французский перевод цикла рассказов «Темные аллеи»)

Н. И. Тарасова

Сборник рассказов *Темные аллеи* написан И. А. Буниным (лауреат Нобелевской премии, 1933 г.) в иммиграции (1938-1943 гг.). Основными темами стали темы любви и смерти. Эти темы звучат особенно сильно именно через боль жизни на чужбине, тоски по родине. Все произведения И. А. Бунина, написанные во Франции, пронизаны ностальгией.

А. Макин считает «ностальгизацию» основным поэтическим приемом, создающим особую тональность бунинских произведений (Макин 1992). Очевидно, что данный прием реализуется прежде всего в культурно-маркированных элементах текста. В художественном тексте национально-культурная специфика отражена как в предметно-сюжетной структуре повествования и характеристике персонажей, так и в общей тональности повествования, в авторском стиле, в прямых и косвенных отсылках к культурно-этническому фону, общему для писателя и читателя.

При анализе рассказов сборника *Темные аллеи* выявляются прежде всего лексические единицы, реализующие русскую культурную специфику самым очевидным образом: этнографические явления и объекты (*изба, горница, усадьба, вольная, тапантас, щи, блины*), топографические объекты и достопримечательности (*Тверь, Арбат, Москва, Василий Блаженный, «Метрополь»*), простонародные или разговорные наименования (*мужик, странница, баба, ушлица*) (Бунин 1988). Для передачи реалий в анализируемом переводе чаще всего используется прием адаптации. Перевод названий географических имен и названий русских достопримечательностей выполнен с помощью транскрипции и сопровождается развернутым комментарием культурно-исторического характера (Bouquine 1987).

Национально-культурный колорит оригинала представлен косвенно архаичными языковыми формами (в авторском повест-

вовании и в речи персонажей), просторечно-образными оборотами, старинными русскими изречениями, упоминаниями Бога, формами вежливого обращения к более высоким по социальному статусу лицам: *Вдовый отец ее... жил на покое в Твери; Там-то и была заглазная деревня наших князей; Баба — ума палата; У Бога всего много; Покушать изволите или самовар прикажете?; Ну да что вспоминать, мертвых с погоста не носят; Никак нет, я постою-с* (Бунин 1988). Французские переводчики адаптируют эти культурные компоненты, приводя их к нейтральной литературной норме, что неизбежно приводит к потере национального колорита (Bounine 1987). Отметим, что перевод имплицитных маркеров культуры представляет объективную сложность для перевода.

Ностальгизация бунинских текстов проходит также через особую чувственную тональность описаний города (Москвы), природы, персонажей, когда запахи, звуки, цвета приобретают огромное эмоциональное значение, создавая полифоничную картину русской реальности: *Вечер был мирный, солнечный, с инеем на деревьях; на кирпично-красных стенах монастыря болтали в тишине галки, похожие на монашеночку, куранты то и дело тонко и грустно играли на колокольне. Скрипя в тишине по снегу, мы вошли в ворота...* (Бунин 1988). Во французском переводе все детали переданы очень точно, что позволяет воссоздать для иноязычного читателя атмосферу оригинала (Bounine 1987).

Таким образом, даже если перевод *Темных аллей* свидетельствует о некоторых потерях в передаче культурно-маркированных элементов оригинала (что во многих случаях вызвано ограничениями лингвистического характера), в нем отлично передан стиль писателя, специфическая бунинская тональность.

Библиографический список

- Бунин И. А. Темные аллеи // Бунин А. И. Собр. соч., т. 4. М., 1988. С. 5—222.
- Bounine I. Les allées sombres / Trad. et notes de J.-L. Goester et F. Laurent. Lausanne, 1987.
- Makine A. La prose d'Ivan Bounine : la poétique de la nostalgie // Revue des études slaves. 1992. Т. 64. Pp. 711—712.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА*

Ю. Л. Цветков

Как известно, Александр Николаевич Островский (1823-1886) продолжил традиции русского национального театра и во многом ориентировался на достижения европейской сцены, тесно связанной с народной культурой. Он создал на материале русской жизни национальный вариант классической драмы подобно Шекспиру в Англии, Мольеру во Франции или Лопе де Вега в Испании. К театральному опыту этих стран он обращался непосредственно, читая произведения на языке оригинала. Хорошее домашнее обучение в семье отца, находившегося на государственной судебной службе, матери из среды духовенства, а затем — мачехи из дворянского рода обрусевших шведов — позволило ученику Первой Московской гимназии, а затем студенту юридического факультета Московского университета свободно владеть несколькими иностранными языками: кроме древнегреческого и латинского Островский переводил с английского, французского, немецкого, испанского и итальянского языков. Он перевел 22 пьесы из репертуара мировой классики. Достаточно назвать *Усмирение своевольной У. Шекспира*, *Кофейную* К. Гольдони, интермедии Сервантеса и др. Во время своего заграничного путешествия в 1862 г. Островский посетил Германию, Австрию, Италию, был в Париже и Лондоне.

Заслуги Островского как переводчика не нашли адекватной оценки ни в отечественном переводоведении, ни в зарубежном. Герман Ритц, автор солидного исследования *150 лет русских переводов Гейне*, не упоминает имени Островского (Ritz 1981). О его поэтических переводах было известно лишь немногим друзьям.

Островский хорошо знал немецкую драматургию, читал многократно переиздававшиеся в России трагедии И. В. Гете и Ф. Шиллера. Например, последний монолог актера Несчастливцева из комедии Островского *Лес* (1871) незаметно переходит в монолог Карла Моора из *Разбойников* (1781) Шиллера, словно

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта № 20-012-00084 «А. Н. Островский. Переводы: исследование, текстология, комментирование».

немецкий драматург осуждал обитателей русского «леса». Известен перевод Островским стихотворения Шиллера под названием *Артисту* (Островский 1884: 4). Перевод был подарен актеру И. В. Самарину на праздновании 50-летия его театральной деятельности и положен на музыку для соло, хора и оркестра Антоном Степановичем Аренским и исполнен на юбилее И. В. Самарина 16 декабря 1884 года. Однако оригинал перевода, указанный в седьмом томе Полного собрания сочинений А. Н. Островского под названием *Гимн искусству*, до сих пор не найден. В Полном собрании стихотворений Шиллера такого названия нет.

В 9 томе ПСС Островского помещены переводы пяти стихотворений с немецкого языка. Они, как и в предыдущем случае, имеют музыкальное сопровождение. Задача Островского-переводчика заключалась в переложении пяти романсов (песен) Баха, Генделя, Глюка, Мендельсона и Моцарта на русский язык для публичных выступлений вокалистов. Остановимся на двух стихотворениях, взятых из цикла «Лирическое интермеццо» *Книги песен* (1827) Генриха Гейне. Проведем интерсемиотический анализ на уровне микросмыслов с целью адекватности макросмыслов оригинала и перевода. Первое стихотворение «*Auf Flügeln des Gesanges, Herzliebchen, trag ich dich fort...*» (Heine 1970: 37) переведено Островским как «*Мы песнею крылатой умчимся с тобой, дитя...*» (Островский 1978: 651). Лирическим собеседником Гейне, как известно, была его возлюбленная. В этом контексте «дитя» не заменяет роли подруги. Однако стихотворение представляет собой волшебную мечту или романтическую фантазию, в которой основным антуражем является экзотический край индийского Ганга — «чудная земля» (“*der schönste Ort*”): «*Сады под ночным полусветом алеют в том краю, Там лотос встретит с приветом тебя, сестру свою*». В оригинале лотос встречает сестру. В случае с «дитя» гендерные характеристики теряются. «*Фиалки шутят болтливо, На звезды уставивши взор, Розы, потупясь стыдливо, Душистый ведут разговор*». В этой строфе Островский близок оригиналу. Единственное уточнение Гейне «розы тайно рассказывают душистые сказки» не предполагает «стыдливого стеснения». Четвертая строфа также близка оригиналу: «*Газель пугливо таится, Внимания полна*». В оригинале: «*Es hüpfen herbei und lauschen Die frommen, klugen Gazell'n*» (Скачут и прислушиваются кроткие газели). Далее: «*И в тишине струится*

Священная волна». В оригинале: «*Und in der Ferne rauschen Des heiligen Stromes Well'n*». (И в дали плещутся волны священного потока). Заключительная строфа подводит итог волшебного путешествия: «Туда лететь и укрыться Пальмы густым шатром, Там негою упиться, Забыться блаженным сном». Последние две строки у Островского потеряли любовное чувство: «*Und Liebe und Ruhe trinken, Und träumen seligen Traum*». (Упиваться любовью и покоем и предаться блаженному сну). В целом, у Островского, близкий к оригиналу перевод, без явно привнесенных лишних деталей как, например, в переводе В. Левика (Гейне 1980: 94): «розы тянутся к звездам?», газели «слушают шум ветерка?», под пальмами «опущусь на траву?»

При переводе стихотворения Гейне «*Der Herbstwind rüttelt die Bäume...*» (Heine [Электронный ресурс]) Островский прибегает к значительной строфической трансформации: из пяти строф образуются три: две строки каждой строфы стягиваются в одну. С одной стороны, это процесс элиминирования отдельных деталей, с другой — строки естественнее ложатся на заданную музыкальную мелодию. Стихотворение получило название «Путевая песня» (Островский 1987: 652). Первая строка у Островского «Шумит опалюю листвою холодная земля» теряет важные смыслы: «сырость и холод ночи». Далее точный пересказ: «Плащом окутан серым, лесом густым один еду я». Во второй строфе: «Еду, скачу я...», вместо «мысли опережают меня» у Островского: «думы скачут знакомым путем». Далее: думы «Свободно и весело мчатся к любезной прямо в дом». Переводчик меняет тональность эпизода: вместо «легко» стоит «весело». Во второй строфе у Островского точный событийный пересказ: «Собаки лают, и слуги с огнями навстречу спешат, Бугу я по ступеням, и шпоры мои звенят». У Гейне (Благоуханные покои устланы коврами, в них тепло и влажно): «*Im feuchtenden Teppichgemache, Da ist so duftig und warm*». У Островского явные сокращения: «В покое уютном и легком, где сердцу теплей и вольней, Сидит и ждет меня прелесть, я прямо в объятия к ней». Концовка Островского лаконична и близка к оригиналу: «А ветер шумит мне листьями, и дуба слышу стон: Что грезишь ты, глупый всадник? К чему безумный твой сон!». В оригинале «дуб говорит», а не стонет. «*Mit deinem törrichten Traum?*» Островский переводит как «безумный твой сон», что в образе скачущего всадника вряд ли возможно. Вариант концовки В. Левика

точнее: «С твоей безумной мечтой?», хотя в строфических добавлениях Левика, как и в предыдущем стихотворении, есть смысловые вольности: сырая ночь «беззвездна»? , деревья «скрипят на ветру»? , в покоях «мерцание теплых свечей»? (Гейне 1980: 113-114). Таким образом, переводы Островского точны, лишены добавочных смыслов, а микросмыслы не вступают в противоречие с макросмыслом всего стихотворения.

Перевод с немецкого Островского *Вечер* не имел прежде ни имени автора, ни текста оригинала в ПСС. Выяснилось, что русский драматург перевел известное стихотворение Иохима Генриха Кампе (Joachim Heinrich Campe) «*Вечернее чувство Лауры*», лежащее в основе одноименной песни на музыку В. А. Моцарта «*Abend ist's, die Sonne ist verschwunden...*». Удалось также найти текст на немецком языке шведской народной песни, которую Островский перевел как *Зимняя песня* («*Winterlied, ein schwedisches Volkslied*»). Отсутствует, к сожалению, оригинал перевода *Колыбельной песни* Островского. В ПСС (т. 9) указано, что автор стихов Гимер? (Giemer? Hiemer? Himmer?). При наличии огромного корпуса колыбельных песен на немецком языке затруднительно найти искомый вариант. Возможно, это также шведская народная песня и понятно, почему она была близка Островскому.

Библиографический список

- Островский А. Н.* Артисту // Русские ведомости. 1884. № 350.
- Островский А. Н.* Мы песнею крылатой... // Островский А. Н. ПСС. Т. 9. Переводы и переделки. М., 1978.
- Heine H.* Auf Flügeln des Gesanges... // Heines Werke in fünf Bänden. Berlin; Weimar, 1970.
- Heine H.* Der Herbstwind rüttelt die Bäume... [Электронный ресурс]. Retrieved from: <https://allpoetry.ru/stih/der-herbstwind-ruttelt-die-baume/geine-g>.
- Ritz G.* 150 Jahre russische Heine-Übersetzung. Bern; Frankfurt am Main; Las Vegas. 1981.

**МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ
«ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА, КУЛЬТУРА, ДИСКУРС»**

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ В КОНТЕКСТЕ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА***

О. Ю. Иванова

В августе 2020 г. Российский новый университет в сотрудничестве с Союзом переводчиков России и рядом ведущих российских вузов приступил к реализации проекта РФФИ «Лингвистический ландшафт как механизм государственной политики: социокультурные и коммуникативные аспекты».

Цель проекта — изучение «лингвистического ландшафта (ЛЛ) как важной составляющей современной языковой экологии человека и как эффективного механизма государственной политики во всех ее сферах». В исследовании предполагается указать на значение и роль лингвистики как направления гуманитарного знания в сфере общественно-политических наук, интеграцию современного лингвистического знания в процессы развития общества и государства, оптимизацию всех модусов рецепции и продукции политических решений. Участие в проекте Союза переводчиков России не является случайным, поскольку в условиях глобализации и интеграции тексты, входящие в систему внутригосударственного лингвистического ландшафта, нередко становятся предметом перевода (объекты топонимики, наименования объектов и тексты городской инфраструктуры и др.), в свою очередь, тексты, определяющие культурные реалии и лингвистический ландшафт зарубежных стран, посредством перевода проникают в систему лингвистического ландшафта России. Несмотря на предпринимаемые усилия отдельных, в том числе, государственных структур (например, совместная деятельность регионального отделения СПР и топонимической комиссии в Санкт-Петербурге), переводческая деятельность в этой сфере никем не координируется, не нормируется и не стандартизируется, что порождает множество ошибок

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта № 20-011-31742/20.

и даже конфликтных ситуаций, отрицательно влияющих на впечатление о лингвистическом ландшафте России как с позиции русского языка как государственного, так и с позиции национальных языков России, а также иностранных языков, присутствующих в системе российского лингвистического ландшафта в форме текстов перевода (исходных или целевых) или различных видов интерференции.

Деятельность рабочей группы проекта предполагает изучение проблемы и разработку теоретически обоснованных рекомендаций по стандартизации различных аспектов переводческой деятельности в рамках формирования российского лингвистического ландшафта, а также разработку модели автоматического классификатора рекомендуемых приемов перевода русских и иноязычных топонимических названий с целью совершенствования их представления и восприятия в системе лингвистического ландшафта России. При этом в качестве принципиально важного рассматривается вопрос о процедуре автоматизации перевода категорий лингвистического ландшафта с позиции их релевантности и организации эффективного контроля результатов этой процедуры (Лю Дзинпэн 2020).

Библиографический список

Лю Дзинпэн. Можно ли доверять нашим друзьям-сервисам автоматического перевода (на примере лингвистического ландшафта города Москвы) // Мир науки, культуры и образования. 2020. № 2 (81). С. 452—455.

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СТРАТЕГИИ

М. Е. Коровкина, А. А. Семенов, П. А. Рыкова

Психолингвистическая модель синхронного перевода (СП), предложенная Г. В. Черновым в 70-х гг. прошлого столетия (Чернов 1987), не потеряла свою актуальность до сих пор. Наоборот, она служит ориентиром для последующих исследований, так как многие постулаты, заложенные в модели, нуждаются в уточнениях и дальнейшем развитии. В настоящее время исследования СП активно проводятся в рамках когнитивной

научно-исследовательской парадигмы (Б. Мозель, Р. Сеттон) (Moser 1978; Setton 1999). На наш взгляд, в особом уточнении нуждаются термины, связанные с когнитивной природой СП, поскольку с расширением востребованности СП и накоплением опыта существенно расширилось содержание понятий, обозначенных еще при зарождении СП. В связи с этим видится актуальной попытка разделения объема понятий терминов «когнитивный механизм» и «стратегия» в СП.

Актуальность поставленной задачи подтверждается призывами других теоретиков и практиков перевода к совершенствованию систематизации и дифференциации и уточнению понятий и терминов, уже существующих в языковой традиции переводческой деятельности. Так, в недавно опубликованном учебнике по теории и практике перевода В. В. Сдобников, К. Е. Калинин и О. В. Петрова считают, что в теории и практике перевода часто смешивают такие понятия как «стратегия», «тактика», «переводческая операция», «трансформация» и «прием перевода» (Сдобников, Калинин, Петрова 2019). Они убедительно доказывают, что мелкие и средние по масштабу операции, производимые переводчиком, не могут называться стратегией, так как в общем языке за этим термином уже закрепился смысл «общая программа действий». И опыт подсказывает, что переводческие трансформации, перевыражения и другие приемы являются лишь технологическими операциями «общей программы действий» в полевых условиях перевода.

Естественно, смешение понятий наблюдается и в терминах, объясняющих природу СП и самую суть действий переводчика. Например, в своей модели СП Г. В. Чернов описывает ее три основных составляющих: механизм выведения смысловых выводов — имплицатур, механизм вероятностного прогнозирования и упреждающего синтеза и стратегия компрессии. В. М. Илюхин в своем диссертационном исследовании (Илюхин 2001) вероятностное прогнозирование называет стратегией (впрочем, и Г. В. Чернов в своей книге, опубликованной в 1987 г. иногда называет вероятностное прогнозирование стратегией). При этом В. М. Илюхин ставит вероятностное прогнозирование в один ряд с такими понятиями как стратегия ожидания или столлинга, стратегия проб и ошибок, линейности и др. Компрессия В. Илюхиным тоже названа стратегией, вслед за Г. В. Чер-

новым. Хотя и «стратегию компрессии» в понимании Г. В. Чернова трудно воспринимать стратегией с позиций опыта современного перевода, когда компрессия скорее является ситуативным действием, тесно связанным с когнитивной природой СП. В связи с этим мы рассматриваем компрессию как комплексную технологию когнитивного действия СП, представляющего собой элиминирование избыточной информации.

На наш взгляд, оперативное (сиюминутное) формулирование и оперативное накапливание смысловых выводов — импликатур — это универсальный когнитивный процесс, характерный для любых видов перевода, включая и СП. Переводчик осуществляет смысловые выводы на основе пресуппозиций — общих знаний отправителя и получателя конкретных сообщений, являющихся предметом текущей коммуникации. Поскольку переводчик выступает в роли и рецепиента, и отправителя сообщения в пределах очень ограниченного временного промежутка, он должен почти автоматически соотнести знания пресуппозиций в ИЯ и ПЯ, внести соответствующие коррективы и найти соответствующие смысловые варианты — импликатуры. Данный процесс в русском языке получил название «инференция». Этот термин используется для обозначения и когнитивного механизма перевода, включающего когнитивный процесс, и однократного действия, часто понимаемого как подстановка «импликатуры». Конструктивнее было бы разграничить эти понятия, и для обозначения когнитивного механизма использовать термин «инферирование» (*inferencing*), что в большей степени соответствует формальной логике: в русском языке для обозначения процессов используются отглагольные существительные. Сам процесс инструментально возможен, как уже было замечено выше, в силу существования пресуппозиций, которые относятся к референциально-языковым особенностям речевого сообщения или текста, куда входят и его дискурсивные характеристики (связность, логичность: тема-рематические отношения, логические операторы, глубинные смысловые связи), а также к экстралингвистической предметной ситуации, к знаниям о мире. При переводе текста они накладываются одни на другие и воспроизводят заданный в оригинале смысл. Внешние ограничения и острый дефицит времени в СП приводит к тому, что инферирование непосредственно взаимодействует с вероятностным про-

гнозированием (ВП) — переводческим прогнозом развития смысла в звучащем тексте. Большая скорость в подаче материала активирует еще один когнитивный механизм в СП — компрессию. Этот процесс не может считаться стратегией переводчика (вопреки мнению Г. В. Чернова), так как он также тесно связан с самой когнитивной природой СП.

Таким образом, не противореча основным положениям в понимании стратегий перевода, выдвигаемым В. М. Илюхиным и другими исследователями, мы выделяем три когнитивных механизма СП — инферирование, вероятностное прогнозирование и компрессию. Функциональные характеристики текста и знания переводчиком пресуппозиций облегчает их взаимодействие и функционирование в процессе СП.

Библиографический список

Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход. М.: ВКН, 2019.

Чернов Г. В. Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987.

Moser B. Simultaneous Interpretation: a Hypothetical Model and its Practical Application // Language Interpretation and Communication / ed. by D. Gerver, H. W. Sinailo. New York; London: Plenum Press, 1978. Pp. 353—368.

Setton R. Simultaneous Interpretation: A Cognitive-Pragmatic Analysis. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В СОЗДАНИИ МУЛЬТИЯЗЫЧНОГО ГОРОДСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА*

Е. Д. Маленова

Интенсификация языковых контактов, обусловленная процессами глобализации экономики, активизации трансфера научных и образовательных технологий, повышения мобильно-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31742.

сти населения, стала причиной возросшего интереса к изучению лингвистического ландшафта. Под лингвистическим ландшафтом традиционно понимается «визуальная реализация и характерные особенности языков, используемых на государственных и коммерческих вывесках в конкретном регионе» (Landry, Bourhis 1997: 23). Однако в последние годы лингвистический ландшафт рассматривается несколько шире и включает разнообразные визуальные средства языкового конструирования территории: топонимические знаки, вывески, наружную рекламу, граффити и т. п. Можно предположить, что существенную роль в создании городского лингвистического ландшафта играет перевод, как фактор формирования комфортной мультиязычной среды и повышения туристической привлекательности отдельно взятой территории.

Исследование топонимических знаков, расположенных в г. Омске, выявило проблемы языкового конструирования территории, которые связаны с низким качеством перевода и могут препятствовать созданию комфортной среды для иностранных граждан, оказавшихся на данной территории.

1. Нарушение правила единства терминологии при переводе наименований объектов городской среды, например: «Омский театр драмы» — «Omsk Drama Theatre» и «Drama Theatre». Подобное расхождение может показаться несущественным, но с точки зрения создания комфортной мультиязычной городской среды, вариативности в передаче названий объектов лучше избегать.

2. Использование различных стратегий при переводе наименований аналогичных объектов городской топонимики, например: «Советский парк» — «Park “Sovetsky”», «Парк “Зеленый остров”» — «Park “GreenIsland”». В данном примере использование транслитерации в одном случае и прямого перевода в другом также может стать источником затруднений для иностранца в попытке сориентироваться на местности.

3. Наличие смысловых, грамматических и орфографических ошибок на топонимических знаках на английском языке, например: «Музейный комплекс воинской славы омичей» — «Military Glory of Omsk Museum», «Историко-краеведческий музей» — «Museum of Local history». Подобных примеров немного, но такие ошибки явно говорят о низком качестве перевода и препятствуют созданию комфортной городской среды.

Таким образом, можно сделать вывод, что качественный перевод наименований объектов городской топонимики является существенным фактором, способствующим созданию комфортного городского пространства и эффективному конструированию мультязычного лингвистического ландшафта. Дальнейшее изучение данной проблемы должно привести к разработке практических рекомендаций по переводу наименований таких объектов. Подобные рекомендации могут стать предметом обсуждения в рамках проведения городских топонимических комиссий с целью повышения качества лингвистического ландшафта на отдельно взятых территориях.

Библиографический список

Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. 16 (1). Pp. 23—49. doi: 10.1177/0261927X970161002

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

О. В. Марченко

Сегодня реклама является неотъемлемой частью жизни человека. Корпорации и фирмы борются за внимание и деньги потенциальных покупателей и клиентов, поэтому в рекламе стараются как можно емко и интересно рассказать о преимуществах товаров или услуг. Наружная реклама отличается тем, что контакт с ней непродолжителен и текст должен моментально привлечь внимание читателя, заставить его выбрать рекламируемый товар или услугу. Из-за этой особенности к переводу такой рекламы нужно подходить особенно внимательно.

Сначала нужно провести предпереводческий анализ текста, т. е. «анализ исходного текста, предваряющий создание переводного текста и направленный на выявление доминант перевода» (Дубкова 2017: 103). Что касается рекламы, то анализ состоит в изучении рекламируемого товара, услуги или проводимой социальной кампании. Для этого необходимо внимательно изучить текст рекламы, посетить сайт компании для ознакомления с ее деятельностью. Важно определить целевую аудиторию товара или услуги и стилистические особенности текста.

Вторым шагом является предварительный пословный перевод, который часто может стать окончательным. В этом случае можно говорить об эквивалентном переводе, когда «перевод отвечает требованиям 5-го типа, где достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода» (Комиссаров 1990: 78). Например: *New Toyota RAV 4. — Новый Toyota RAV4.*

Однако в наружной рекламе широко используются различные стилистические приемы, которые не всегда можно передать аналогичными средствами в языке перевода. Для их сохранения приходится идти на некоторые потери на других уровнях языка. Такой перевод можно назвать неэквивалентным (эквивалентность на всех уровнях языка не сохраняется). Тем не менее, он является адекватным, т. е. характеризуется «исчерпывающей передачей смыслового содержания подлинника и полноценным функционально-стилистическим соответствием ему» (Федоров 2002: 144). Сохранять следует те отличительные особенности, за счет которых реализуется функция привлечения внимания. Например, фонетические особенности: *You can always find your way by looking for the Empire State. — Эмпайр стейт укажет путь, стоит только на него взглянуть* (рифма); лексико-фразеологические: *Needy or needed? — Нуждающийся или нужный?* (паронимы); синтаксические: *Know the past, shape the future. — Знай свое прошлое, создавай свое будущее* (антитеза).

Иногда в силу лексико-грамматических различий между языками не всегда удастся сохранить все стилистические средства и сделать перевод, максимально соответствующий оригинальному тексту. Тогда приходится прибегать к свободному переводу, т. е. заново создавать текст, передавая лишь общую идею рекламы. Например: *No strings attached. Air moves you. Nike Air — Тебя ничто не сдерживает. Это парение в воздухе. Это Nike Air.*

Рассмотрев стратегии перевода рекламных текстов наружной рекламы, можно заключить, что если есть возможность сделать перевод наиболее приближенным к оригиналу без потери функции воздействия на целевую аудиторию, то переводчик обязан приложить все усилия для достижения этой цели. В ином случае главной задачей необходимо ставить сохранение прагматической функции исходного текста, тогда переводчик имеет право на некоторую свободу в выборе языковых средств,

так как именно от правильности такого выбора зависит успешность рекламной кампании.

Библиографический список

Дубкова О. В. Теория и практика перевода иностранных текстов: Восточные языки: учеб. пособие. Новосибирск: НГТУ, 2017.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; М.: Филология Три, 2002.

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА МЕДИАТЕКСТОВ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (на материале контента онлайн-платформы **dekoder)***

В. А. Митягина

Перевод текстов СМИ является одним из факторов информационной глобализации, и сегодня сложно представить себе день без новых публикаций, прежде всего, в пространстве Интернет. Присутствие в сети стало частью нашей повседневной жизни, и потребности в информировании очень сильно изменились: резко увеличился объем информации, которой обмениваются, а доля нового знания существенно сократилась.

Значимая роль в данных информационно-коммуникационных процессах принадлежит медиатекстам, доступным на многих языках, поэтому выбор текстов и качество перевода можно определить как доминанты формирования глобального медиапространства.

Одной из актуальных тенденций формирования социокультурного, лично-ориентированного Web 3.0 является обязательность многообразия источников как гарантии того, чтобы избежать «фомирования» мнения через «информирование», поэтому популярность блогов, персональных видеоканалов и т. д.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-00606 А «Мультилингвальное исследование политического имиджа России в зарубежных СМИ».

будет расти в геометрической прогрессии. Яркий пример современного сетевого медиаресурса как альтернативного источника сведений о политической жизни, экономике, обществе и культуре России — это германский online-ресурс [dekoder.org](https://www.dekoder.org) (<https://www.dekoder.org>), который дает себе следующее определение: «Онлайн-платформа dekoder — это мост между германскими и российскими масс-медиа и наукой, проводник в мир общественных дискуссий обеих стран. Наша платформа состоит из двух частей: русскоязычный [dekoder.org/ru](https://www.dekoder.org/ru) и немецкоязычный [dekoder.org](https://www.dekoder.org). Основа нашей работы — перевод; причем под переводом мы понимаем, в том числе прояснение контекста, погружение в смысл, создание нового знания. В темы, которые затронуты прессой, мы углубляемся с помощью научных статей, рассказывающих об истории и смысле того или иного явления, той или иной проблемы. Эти статьи, написанные специально для нас немецкими и российскими исследователями, мы называем гнозы» (<https://www.dekoder.org/ru/o-proekte>).

Прагматика перевода инициирует производство новых текстов, авторами которых выступают известные специалисты: автором одной из актуальных статей, посвященной творчеству В. Высоцкого, выступает известный австрийский славист, профессор Х. Пфандль (<https://www.dekoder.org/de/gnose/wladimir-wysozki>), о конспирологических теориях в эпоху коронавируса пишет И. Яблоков, признанный эксперт по заявленной теме (<https://www.dekoder.org/ru/gnose/teorii-zagovora-covid>).

Таким образом, можно говорить о новой форме прагматической адаптации, которая направлена на интеллектуальное просвещение аудитории средствами медиадискурса, и перевод в данном случае повышает проницаемость не только контактирующих языковых систем, но и социокоммуникативных пространств в целом. Представляется необходимым предпринять сопоставительный анализ переводов статей русскоязычных СМИ на немецкий и немецкоязычных на русский язык, чтобы во всей полноте определить, что значит, по замыслу dekoder, *читать Европу* и *Russland entschlüsseln* — расшифровать, декодировать Россию.

ПЕРЕВОД ОФИЦИАЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И ИНСТИТУТ ПРИСЯЖНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ*

А. В. Моисеенко, А. З. Цховребова

Постоянный рост объема официальной документации и спрос на ее перевод послужили основой для создания Института присяжных переводчиков в ряде европейских стран (А. А. Ларин). Встречающиеся два понятия — «присяжный переводчик» и «судебный переводчик» отличаются тем, привлекается ли специалист в качестве переводчика во время судопроизводства или он еще имеет право заверять своей печатью официальные юридические переводы.

В Испании юридические переводчики (их более 4000) аккредитованы Министерством иностранных Испании (Ministerio de Asuntos Exteriores Unión Europea y Cooperación) или администрацией автономных областей (Каталонии, Галисии, Страны басков) и указаны в Национальном реестре (публикуется в Официальном Бюллетене — Boletín Oficial). Такой переводчик имеет личную печать и выполняет функцию нотариуса, подтверждая существование оригинала. В этом случае перевод выступает как нотариальная копия.

Для получения квалификации юридического переводчика (traductor jurado) кандидат должен быть гражданином Испании или ЕС; достичь совершеннолетия; иметь высшее образование; не подвергаться ранее уголовной ответственности. Кроме того, необходимо сдать квалификационный экзамен, который состоит из нескольких отборочных этапов: 1) перевод на испанский язык без словаря художественного / газетного текста; 2) перевод на иностранный язык без словаря художественного / газетного текста; 3) перевод на испанский язык со словарем юридического / экономического текста; 4) устное резюме текста и его комментарий.

Для юридических переводчиков разработаны критерии гражданской и уголовной ответственности за выполненный перевод (делинквентность переводчиков). В УК Испании предусмотрена уголовная ответственность за умышленное сокрытие правды. Переводчик лишается права работать на государствен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-07003.

ной службе, занимать государственные должности, а также отстраняется от работы по специальности на срок от 6 до 12 лет. За неверное толкование, допущенные неточности и умолчание известных ему фактов переводчик подвергается штрафным санкциям, отстранению от государственной службы и работы по специальности на срок от 6 месяцев до 3 лет.

В России юридические переводы осуществляются в основном при нотариальных конторах (так называемый нотариальный перевод). Институт присяжных переводчиков (А. В. Винников предлагает его назвать Институтом судебного перевода) отсутствует, а для предоставления услуг по переводу не требуется лицензия. Единственная норма, регулирующая эту процедуру («Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» № 4462-1 от 1 февраля 1993 г. Ст. 81), указывает, что нотариус свидетельствует верность перевода с одного языка на другой, если владеет соответствующими языками. Если не владеет, то перевод может быть сделан переводчиком, подлинность подписи которого и свидетельствует нотариус.

Постоянная потребность в таджикском, узбекском, армянском, азербайджанском, грузинском, цыганском, ингушском, чеченском и дагестанских — аварском и даргинском языках (А. В. Винников) и спрос на перевод официальных документов с этих языков (свидетельства о рождении, крещении, браке, смерти, справки о семейном положении, справки о несудимости, сертификаты, водительские удостоверения, паспорта, аттестаты, документы о высшем образовании и др.) привели к тому, что часто в роли переводчиков выступают носители языка без подтверждающих знание языка документов, что затрудняет равный доступ граждан к правосудию.

В связи с этим очевидно, что право заниматься юридическим переводом должно быть предоставлено только профессионалам, а отсутствие компетентного контроля за качеством перевода официальной документации представляется неоправданным. В решении этой задачи было бы целесообразно учесть опыт Испании в области юридического перевода и при создании Института судебных переводчиков.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В РАКУРСЕ ПЕРЕВОДА

С. Ю. Павлина

Последние десятилетия характеризуются повышенным интересом лингвистов к семиотически неоднородным текстам, содержащим как вербальные, так и невербальные компоненты, которые получают наименование поликодовых или мультимодальных. Одним из видов семиотически осложненных конструкций являются креолизованные тексты, включающие две взаимосвязанные системы знаков: графическое изображение и вербальный компонент. Сочетание изобразительного или, в иных терминах, иконического кода с языковым служит для передачи информации в таких креолизованных текстах как политический плакат и карикатура, отличительной особенностью которых является информативная емкость и лаконичность плана выражения. Как плакат, так и карикатура используются для оказания воздействия на адресата, однако политический плакат выполняет двойную функцию: он используется для критики оппонента, а также для создания положительного образа партии или кандидата, и обладает либо положительной, либо отрицательной оценочностью, в то время как политическая карикатура носит сатирический характер, а значит, имеет негативную оценочность (Павлина 2019). Визуальный и изобразительный компоненты плаката и карикатуры образуют внутритекстовые связи, которые осуществляются на двух уровнях: в рамках одного кода или между кодами, принадлежащими к разным семиотическим системам. Связи первого типа обозначаются как интрасемиозис, взаимодействие семиотически гетерогенных элементов трактуется как интерсемиозис (Wildfeuer 2012).

Одним из направлений исследования мультимодального текста является дискурсивный анализ, в основе которого лежат лингвистические методы, применяемые как к вербальному, так и изобразительному кодам. Изобразительный и языковой компоненты креолизованного текста могут дополнять друг друга либо состоять в антонимических отношениях. Карикатура как комический текст построена на «рассогласовании между темой и ремой, между текстуальным и иконическим содержанием сообщения» (Карасик 2018: 895).

Исходя из теории диалогичности М. Бахтина, политические плакаты и карикатуры следует рассматривать как тексты, тесно вплетенные в социальный и культурный контекст и опирающиеся на прецедентные тексты. Подобные интертекстуальные связи выявляются у различных семиотических знаков. В том случае, если изобразительный или вербальный код соотносится с ситуацией или явлением, которые свойственны лишь определенной лингвокультуре, можно утверждать, что их значение содержит национально-культурный компонент. В процессе перевода национально-специфического элемента, выраженного вербально, происходит его делакунизация, то есть расшифровывание значений единиц, входящих в его состав, с последующим перекодированием их в единицы текста перевода. Национально-культурный компонент, выявляемый в тексте плаката, может соотноситься как с каноническими прецедентными текстами, так и с ситуативно-обусловленными культурно-нагруженными знаками, при этом связь между вербальным и невербальным кодами может быть достаточно слабой, и языковой компонент достаточно часто является доминирующим. Текст карикатуры, напротив, чаще всего характеризуется доминантным положением изобразительного кода и ситуативной обусловленностью национально-культурного компонента значения. Делакунизация может быть успешно реализована лишь при учете семантических связей между вербальным и иконическим элементами текста, которые запускают механизм игры смыслов, лежащих в основе комического. Таким образом, в процессе делакунизации вербальных элементов мультимодального текста переводчик как бикультурный субъект осуществляет выбор языковых средств под влиянием специфики межсемиотических связей исходного текста.

Библиографический список

Карасик В. И. Алгоритмы построения комических текстов // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 895—918. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918

Павлина С. Ю. Политический плакат как поликодовый текст // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 100—106. doi: 10.26170/pl19-02-11.

Wildfeuer J. Intersemiosis in Film: Towards a New Organisation of Semiotic Resources in Multimodal Filmic Text // Multimodal Communication. 2012. 1 (3). Pp. 276—304.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ В РАМКАХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПЕРЕВОДА

Е. Н. Сидорова

Тезисы посвящены анализу одной из актуальных проблем соотношения культуры и перевода — манипулированию в переводе. Этот вопрос наиболее последовательно разработан западными учеными-переводоведами, работы которых послужили теоретической основой тезисов.

А. Лефевр придает особую значимость понятию «переписывание» (*rewriting*), так как считает, что перевод приобретает значительную роль в манипулировании словами и понятиями, которые помимо прочего составляют феномен власти, содержащийся в культуре. Таким образом, можно отметить тесную взаимосвязь между понятиями «переписывание» и «манипулирование»: для ученого-переводоведа восприятие литературного произведения зависит от таких составляющих его компонентов, как власть, идеология, система и манипулирование. Ученый также считает, что переписывание — это манипулирование, продиктованное властью (Lefevre 2017).

Проанализировав вышеуказанные понятия, итальянская переводчица М. Кордиско пришла к выводу о том, что основным фактором, ассоциирующимся с переводом как способом манипулирования / переписывания, выступает мысль о культурной власти, которой обладает текст перевода. Согласно С. Басснетт и А. Лефевру, переводчик может намеренно манипулировать текстами, внедряя в них собственную идеологию или же копируя господствующую точку зрения, с целью гарантировать принятие текста в культуре, на язык которой осуществляется перевод. В процессе перевода инструмент власти заключается в использовании языка как идеологического оружия внедрения или же исключения аудитории, системы ценностей и убеждений, или целой культуры. Перевод представляет собой эффективную форму построения культуры, посредством которой государства могут устанавливать свою идентичность среди соседних стран, а также с ее помощью создать ложный образ зарубежных авторов, текстов и целых культур (Cordisco 2017).

Описываемые понятия стали предметом обсуждения в целом ряде работ в западном переводоведении, посвященных взаимоотношениям перевода и культуры. Особую актуальность этот вопрос приобретает у переводчиков в процессе выбора определенной стратегии перевода, так как она в большей степени зависит от соотношения культур ИЯ и ПЯ. Таким образом, если культуры обладают ощутимыми различиями или прямо противоположны друг другу, а также если в них присутствует традиция сохранения культуры оригинала, то последняя будет доминировать благодаря своей идентичности. И наоборот, если принимающая культура имеет более доминантную позицию, то подлинник будет изменен согласно ее правилам (Багдасарян 2018; Ивлева 2016).

Библиографический список

Багдасарян А. Г. О «культурном повороте» в современных переводоведческих исследованиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-2 (85) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kulturnom-povorote-v-sovremennyh-perevodovedcheskih-issledovaniyah>.

Ивлева А. Ю. К вопросу об определении понятия «Стратегия перевода» // Вестник Самарского гос. ун-та. История, педагогика, филология. 2016. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-strategiya-perevoda>.

Cordisco M. Translation across Cultures. A Short Review of the Issue with a “wh- Approach”. Exploring Creativity in Translation across Cultures // Roma Aracne Editrice, 2017. Pp. 53—74.

Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. London; New York: Routledge, 1992.

ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ: РЕГУЛЯТИВНЫЕ СРЕДСТВА, СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА

Е. В. Стефанова

Регулятивная функция текста, определяющая его прагматику, заключается в «способности текста управлять восприятием и интерпретационной деятельностью благодаря особому отбору средств и организации текста в соответствии с авторской интенцией» (Болотнова 2008: 25).

Для проведения исследования были отобраны 7 научно-популярных публичных выступлений (TED Talks). Цель исследования — выявление наиболее употребительных регулятивных средств и обобщенной композиционной схемы для осуществления качественной подготовки к выполнению перевода.

Таблица 1

PC	B1 15:12	B2 9:44	B3 12:11	B4 8:57	B5 17:19	B6 9:50	B7 15:07
1	7	1	1	1	–	2	–
2	4	3	1	2	4	2	3
3	2	1	3	2	3	4	4
4	2	1	1	2	1	1	8
5	<i>I</i> (17) <i>you</i> (2) <i>we</i> (4) <i>they</i> (1)	<i>I</i> (9) <i>you</i> (16) <i>we</i> (8) <i>they</i> (0)	<i>I</i> (20) <i>you</i> (4) <i>we</i> (12) <i>they</i> (34)	<i>I</i> (13) <i>you</i> (17) <i>we</i> (42) <i>they</i> (11)	<i>I</i> (16) <i>you</i> (7) <i>we</i> (42) <i>they</i> (3)	<i>I</i> (13) <i>you</i> (15) <i>we</i> (14) <i>they</i> (8)	<i>I</i> (8) <i>you</i> (14) <i>we</i> (60) <i>they</i> (1)
6	1	1	7	2	4	2	2
7	2	–	–	1	1	–	1
8	4	1	3	5	5	2	1
9	<i>if</i> (1)	–	<i>and</i> (1)	–	–	–	<i>and</i> (1)
10	6	0	1	13	8	5	7

Фиксируем количественный параметр регулятивных средств (PC) в Табл. 1, где B1-B7 — выступления (ниже — продолжительность звучания); 1 — повторная номинация, 2 — эпитет, 3 — метафора, 4 — сравнение, 5 — дейктические местоимения *I/you vs we/they*, 6 — анафора/эпифора, 7 — ретардация, 8 — антитеза, 9 — полисиндетон, 10 — вопросы.

Таблица 2

Блок 1	Переход 1	Блок 2	Переход 2	Блок 3
Вступление ↓ Обзор проблемы ↓ Комментарий	Личный опыт / случай / и из жизни	Основная часть ↓ Факты ↓ Комментарий	Личный опыт / случай / и из жизни	Решение ↓ Перспектива ↓ Заключение

Переходим к обобщенной композиционной схеме проанализированных выступлений в Табл. 2: Блок 1 соединяется с Блоком 2, а Блок 2 с Блоком 3 при помощи Переходов 1 и 2. Под «переходом» подразумеваем информацию, представленную выступающим как личный опыт, случай / и из жизни.

Стратегии перевода заключаются в необходимости проведения лингвистического анализа материала (выявления регулятивных средств) и составления композиционной схемы выступления, способствующей структурированию и успешному запоминанию значительных объемов информации. Немаловажным является учет интеракционального значения, которое образуется «в результате динамического взаимодействия таких разнородных факторов, как семантический потенциал языковой единицы, лингвистические, социальные и физические свойства контекста ее употребления, индивидуальные и социальные характеристики участников коммуникации» (Цурикова 2001: 152-153).

Библиографический список

Болотнова Н. С. О связи теории регулятивности текста с прагматикой // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2008. № 2 (3). С. 24—30.

Цурикова Л. В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 128—157.

ВЫРАЖЕНИЕ КАУЗАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фан Юань

Развитие грамматических систем языков мира на современном этапе вызвало значительное увеличение средств выражения грамматических категорий, использование которых обусловлено законами актуализации необходимой информации. Поэтому типологическое описание грамматических категорий и способов их выражения с выявлением специфики языковых явлений и закономерностей их функционирования стало одним из приоритетных направлений отечественного и зарубежного языкознания.

Сложным и актуальным является вопрос о способах выражения каузальных отношений в русском языке. Названной проблеме

посвящены работы Л. Г. Петрова (2016), Н. П. Галкина (2011), Э. Н. Акимова (2002), И. К. Алексеева (2017), Ю. В. Баклагова (2008). При анализе каузальных отношений акцент преимущественно делался на морфологических, синтаксических средствах выражения каузальности, а также закономерностях их функционирования. При этом типологический аспект репрезентации категории каузальности изучен не достаточно полно. Актуальность подобной работы обусловлена отсутствием в лингвистической литературе концептуального описания каузальных отношений в языках разного типа. Важно выявить квалификационные, классификационные и системообразующие параметры для упорядочения типов и видов. Подобный подход позволит охарактеризовать средства выражения каузальности в соответствии со способами экспликации их значений на разных уровнях языка.

Причинно-следственное отношение в русском языке выражается различными способами, при этом функциональный диапазон данной категории обусловлен различными факторами и охватывает разные уровни языка. Поэтому одной из задач исследования является выявление способов и средств выражения каузальных отношений в русском и китайском языках. Необходимо выявить параметры систематизации средств и способов выражения причинно-следственных отношений на основе универсальных и специфических параметров типологии языков флективного и изолирующего типов.

Библиографический список

Акимова Э. Н. Выражение причинной обусловленности бессоюзными сложными предложениями в диалектной речи // Инженерные технологии и системы. Языкознание и литературоведение. 2002. № 12. Т. 1. С. 99—101.

Алексеева И. К. Сложносочиненные предложения с союзом *и* как средство выражения причинно-следственных отношений // Вестник Вятского гос. ун-та. 2017. № 12. С. 134—137.

Баклагова Ю. В. Каузатив: средства выражения в русском и немецком языках // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 114—116.

Галкина Н. П. Союзы *поскольку* и *так как* как квалификаторы причинных отношений в текстах естественно-научного цикла // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2011. Vol. 17. С. 154—158.

Петрова Л. Г. Русские причинно-следственные конструкции и их аналоги в китайском языке: лингвометодический анализ // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52-4. С. 149—155.

РОЛЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В СОЗДАНИИ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА НА АНГЛОЯЗЫЧНОМ САЙТЕ УНИВЕРСИТЕТА

Е. М. Шиман

Взаимосвязь между языком и культурными концептами является крайне важной для изучения в целях эффективного взаимодействия в поликультурной среде. Именно такой средой обладает университетское пространство, поскольку в эпоху глобализации современный российский университет представляет собой международное сообщество и постоянно расширяет и развивает свою международную деятельность путем внешней (взаимодействие с иностранными партнерами) и внутренней интернационализации (интернационализация дома). Сайт университета — это зачастую первый источник, из которого человек может получить информацию об образовательной организации. Сайт посещают множество категорий заинтересованных лиц: обучающиеся и сотрудники университета, абитуриенты и их родители, представители партнерских организаций, надзорные органы, грантовые фонды и т. д.

Университетский дискурс — особый вид институционального дискурса, который обслуживает широкую сферу человеческой деятельности, связанную не только с получением и выработкой знания, но и с целым спектром человеческих взаимоотношений как внутри университета, так и во взаимодействии университета с внешним миром. Университетский дискурс является феноменом, интегрирующим учебный и научный дискурс, а также множество других сопутствующих дискурсов (Карасик 2004). В эпоху коммерциализации научной и образовательной деятельности наблюдается экспансия рыночного дискурса в сферу высшего образования, которая для российской культуры традиционно являлась некоммерческой (Гриценко 2013). Современное высшее образование в России и во многих странах студентоцентрично, а значит, не абитуриент борется за

право получения высшего образования, а университет борется за абитуриента и удержание качества и количества контингента обучающихся. Смена фокуса деятельности университета в значительной мере отражается на характере дискурса.

Особый интерес представляет использование культурных концептов в текстах описания образовательных продуктов, размещенных на англоязычных сайтах университетов, так как они создаются для круга заинтересованных лиц, представляющих самые различные культуры. Для подготовки эффективного наполнения англоязычного сайта необходимо учитывать культуру целевой аудитории потенциальных абитуриентов и их родителей с целью создания позитивного имиджа и, в конечном счете, привлечения в университет качественных абитуриентов (Катынская 2012).

Любое познание мира происходит через язык и несет на себе печать культурного аспекта. Культурный аспект является тем связующим звеном, которое на интуитивном уровне позволяет определить, насколько студенту подходит данный вуз и данный образовательный продукт.

Для успешной коммуникации с потенциальными абитуриентами и контрагентами университета требуется в первую очередь определить культурные параметры и концепты целевой аудитории и учитывать их при подготовке текстового наполнения англоязычного сайта университета. При конструировании дискурса университета необходимо не только применять принципы мультикультурализма и поликультурализма и тем самым создавать среду, дружелюбную к представителям любых культур, апеллировать к ценностям иностранных абитуриентов, студентов и исследователей, создавая позитивный имидж вуза и привлекая лучших абитуриентов и специалистов. При этом важно не только иметь представление о концептосфере той культуры, к представителям которой мы обращаемся посредством текстов, размещенных на сайте университета, но и уметь грамотно оперировать культурными кодами.

Англоязычный сайт Северного (Арктического) федерального университета выбран в качестве материала исследования в силу того, что вуз, являясь самым северным федеральным вузом России и обладая четко выраженным арктическим вектором, объединяет обучающихся и научно-педагогических работников

из более чем 50 стран мира. На основе проведенного анализа показывается, что положительный имидж университета поддерживается на языковом уровне посредством целого ряда вербальных средств эмоционально-оценочного характера.

Библиографический список

Гриценко Е. С. Глобализация и маркетингизация: рыночная метафора в различных видах дискурсивных практик // Практическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 184—191.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Катынская М. В. Лингвистическое моделирование имиджа. Монография. Благовещенск: АмГУ, 2012.

Список источников примеров

Англоязычная версия официального сайта ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://narfu.ru/en/>.

Англоязычная версия официального сайта НИУ «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/en/>.

Англоязычная версия официального сайта Университета Осло [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.uio.no/english/>.

CULTURAL ISSUES IN TRANSLATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Mohammad Ibrahim Qani

We all know that each nationality has its own culture. It's the unique symbol of their mind. A society's culture consists of whatever it is one has to know or believe in order to operate in a manner acceptable to its members, and do so in any role that they accept for any one of themselves. In a word, culture refers to the entire way of life of a society. It includes not only material things such as cities, organizations, and schools, but also nonmaterial things such as ideas, customs, family patterns and languages.

There are different cultures in the world. These different cultures are even ambiguous to different nations in a country. The only tool which can spread opportunity to escape from such ambiguity is

translation subject. Translation can play crucial role to build a bridge among nations around the world.

For many people culture is considered as a gateway to a given society heart, to have a close insight about its identity. Therefore, in order to have a close insight about our identity we have to have overview different cultures and we must study different cultures to find deep meaning of cultural issues and find way how to render them into different languages.

Nida (1981) argues that difficulties arising out of differences of cultures constitute the most serious problems for translators and have produced the most far-reaching misunderstandings among readers. To explore cultural differences and then decide how to deal with them most appropriately has become one of the essential issues that current translation studies should deal with.

A translator is the 'first reader' of the other culture as is shown in the foreign language text and, consequently, has to present the other in a primary process. For him learning to translate means 'learning to read', i. e. to produce meanings which are acceptable for the cultural community the reader belongs to.

However, there are similarities between cultures too. A translator must find these similarities to properly render the cultural issues to the target language. There are different methods to render cultural words to the target language such as foreignisation, domestication, Hybridisation, different methods of rendering non-equivalent words etc. The paper will concentrate on the kinds of the interaction and intercultural activity, which refer to 'translating between cultures'.

It would not exaggeration if we say that translating culture is one of the most difficult topics to deal with in translation. Cultural problem is an umbrella term that includes various problems in the process of translation such as problems arising from mixing between the denotative and connotative meanings of words, forms of address, and the problems associated with idioms and metaphor.

No culture can exist without having at its center, the structure of language (Mc Guire 1980). Language, then, is the heart within the body of culture. Despite the fact that this last view is opposed by those who believe not everything is determined by the relation of language to culture and that many aspects of translation transcend cultural boundaries culture remains a central element in translation. Therefore, we can courage to say that the translator who ignores this

interconnection between language and culture will commit a serious mistake.

Translation is culture bound so when we translate we transport not only words from one container to another, but rather one entire culture into another, including the social, political, traditions and other conditions that surround the translator in his/her own environment.

According to Newmark, there are five categories of translation and different strategies in order to render cultural words from the source language / culture to the target language / culture. In this article, I will focus mostly on culture bound and problems and how to render them in the target language.

Библиографический список

Bassnett-McGuire S. Translation Studies. London: Routledge, 1991. [1st ed., 1980]

Newmark P. A Textbook of Translation. New York; London; Toronto; Sydney; Tokyo: Prentice Hall International, 1988.

Nida S., Latané B. Ten Years of Research on Group Size and Helping. Psychological Bulletin. 1981. Vol. 89. No. 2. Pp. 308—324.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкина Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. E-mail: averkina.svetlanalunn@mail.ru

Алборова Дина Геннадиевна, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Юго-осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова. E-mail: Mariadement93@gmail.com

Бабаян Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны.

Балаева Ирина Игоревна, магистрант, факультет иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. E-mail: i-balaewa2010@yandex.ru

Бекин Илья Андреевич, аспирант кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. E-mail: ilya459@gmail.com

Бекоева Ирина Давидовна, доцент кафедры английского языка, Юго-осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова. E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru

Белютин Роман Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка, Смоленский государственный университет. E-mail: gyubelyutins@rambler.ru

Бондарева Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Институт образования, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Боровикова Ирина Вячеславовна, старший преподаватель, аспирант, кафедра английской филологии, языков северных стран и лингводидактики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: i.borovikova@narfu.ru

Бязрова Алла Роландовна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии, журналистики и иностранных языков, Юго-осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова. E-mail: bi-asrova.alla88@gmail.com

Викулина Мария Алексеевна, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: vikulina_maria@mail.ru

Власова Александра Михайловна, аспирант, кафедра перевода и прикладной лингвистики, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: vlasova614@gmail.com

Воротиллина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков, Петро-заводский государственный университет. E-mail: vorotilina@petrsu.ru

Гельдыева Саяра Амангельдиевна, аспирант, кафедра французской филологии, Воронежский государственный университет.

Глинкина Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Вологодский государственный университет. E-mail: natalia-gruzdeva82@yandex.ru

Гоголева Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Вологодский государственный университет. E-mail: olgogol@mail.ru

Голубева Ольга Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского. E-mail: 2016golubeva@mail.ru

Гребцова Юлия Александровна, Воронежский государственный университет. E-mail: grebtsova.yulia2016@yandex.ru

Грудева Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет. E-mail: egrudeva@gmail.com

Гуров Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Военный университет МО РФ.
E-mail: gurovan@inbox.ru

Гусарова Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования, Институт педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет. E-mail: adgus2016@mail.ru

Дедова Наталья Александровна, аспирант, Смоленский государственный университет. E-mail: pshenjannikvanatali23@gmail.com

Драчева Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, Вологодский государственный университет.
E-mail: yulia.dracheva@mail.ru

Дубровских Ксения Александровна, аспирант, кафедра перевода и прикладной лингвистики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова.
E-mail: x.loo@yandex.ru

Думина Евгения Валерьевна, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: dumina@list.ru

Епимахова Александра Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент базовой кафедры технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест», Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова.
E-mail: a.epimahova@narfu.ru

Жакова Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка и переводоведения, Смоленский государственный университет.
E-mail: emgote@mail.ru

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
E-mail: holzmann2014@yandex.ru

Иванова Ольга Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, научный руководитель института гуманитарных технологий, Российский Новый университет. E-mail: terentia@mail.ru

Иргизова Ксения Вячеславовна, магистрант, кафедра теории речи и перевода, факультет иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. E-mail: irgizova1610@yandex.ru

Исаева Анна Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры перевода и профессиональной коммуникации, Воронежский государственный университет. E-mail: anna.isaeva@gmail.com

Калинин Кирилл Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой теории и практики французского языка и перевода, Высшая школа перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. E-mail: kirill_kalinin@mail.ru

Калинина Светлана Валентиновна, начальник отдела по работе с иностранными специалистами и переводческой деятельности, ООО «ПО «Киришинефтеоргсинтез». E-mail: movable@yandex.ru

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии, Кубанский государственный университет. E-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Ключина Алёна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет. E-mail: klyushina@pgsga.ru

Коканова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой, базовая кафедра технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест», Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: e.s.kokanova@narfu.ru

Коровкина Марина Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 1, МГИМО МИД России. E-mail: mekovkina@gmail.com

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и

иностранный, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: klimova1@hotmail.com

Котлюрова Ирина Аврамовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой немецкого и французского языков, Институт иностранных языков, Петрозаводский государственный университет. E-mail: kotlyrova@gmail.com

Кохан Надежда Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: kokhann@lunn.ru

Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой перевода и переводоведения, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. E-mail: luba.74@mail.ru

Кочетков Александр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. E-mail: zhivolu@mail.ru

Краснова Анастасия Васильевна, магистрант, факультет романо-германской филологии, Ивановский государственный университет. E-mail: asyabellz@yandex.ru

Кривенькая Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии, директор Центра регионоведения и гуманитарно-образовательного сотрудничества ИСГО МПГУ, руководитель секции перевода научно-технической и деловой документации СПР, Московский педагогический государственный университет.

E-mail: marina1008@mail.ru

Кротова Елена Борисовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора германских языков, Институт языкознания РАН. E-mail: e.krotova@iling-ran.ru

Кузьмин Роберт Алексеевич, кандидат педагогических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. E-mail: kuzmin1913@inbox.ru

Кузьмина Маргарита Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного

и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: kuzmina-margarita.2015@yandex.ru

Кулумбегова Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Юго-осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова.

E-mail: kulumbegLV@yandex.ru

Кутьева Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.

E-mail: kuteva.mv@gea.ru

Леонтович Ольга Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: olgaleo@list.ru

Логина Полина Гарриевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра международной коммуникации, факультет мировой политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: polina-loginova@inbox.ru

Лютянская Майя Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: m.lyutyanskaya@narfu.ru

Малахова Анастасия Алексеевна, аспирант, кафедра французской филологии, Воронежский государственный университет.

E-mail: voronejcr1f@yahoo.fr

Маленова Евгения Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: malenova@mail.ru

Малютина Елена Александровна, ассистент кафедры английского языка Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. E-mail: exert91@ya.ru

Малявина Анна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Тольяттинский государственный университет. E-mail: maljawina@yandex.ru

- Маник Светлана Андреевна*, доктор филологических наук, декан факультета РГФ, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет.
E-mail: samanik76@gmail.com
- Марченко Ольга Владимировна*, преподаватель кафедры теории и практики перевода № 1, Минский государственный лингвистический университет. E-mail: march_home@mail.ru
- Мещерякова Александра Алексеевна*, студентка Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
E-mail: meshcheryakovaalex@mail.ru
- Митягина Вера Александровна*, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет.
E-mail: mityagina@mail.ru
- Михайловская Мария Валерьевна*, старший преподаватель, кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: m_mikhaylovskaya@mail.ru
- Моисеенко Лилия Васильевна*, доктор филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: liliamoiseenko@gmail.com
- Недбайлик Сабина Рудольфовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков, Институт иностранных языков. snedbailik@mail.ru
- Опахина Елена Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков, Вологодский государственный университет.
E-mail: yulia.dracheva@mail.ru
- Остаева Джульетта Давидовна*, доцент кафедры русского языка, Юго-осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова. E-mail: englishdep@mail.ru
- Павлина Светлана Юрьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
E-mail: pavlina.svetlana@mail.ru

Пак Наталья СангДуковна, аспирант, базовая кафедра технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест», Северный (Арктический) федеральный университет.
E-mail: nattulya94@inbox.ru

Петрова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
E-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com

Поликаров Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики, Северный (Арктический) федеральный университет. E-mail: polikarov.ling@yandex.ru

Поликарова Елена Вакифовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, Северный (Арктический) федеральный университет.
E-mail: polikarova.narfu@yandex.ru

Полянчук Ольга Борисовна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет.
E-mail: bollona@mail.ru

Пшеничная Светлана Валерьевна, младший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
E-mail: sv.pshenichnaya@yandex.ru

Рахманкулова Светлана Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
E-mail: tsvet.sveta@yandex.ru

Родионова Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Высшая школа перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. E-mail: Maria.y.rodionova@gmail.com

Рыкова Пелагея Андреевна, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет.

Рябцевич Ирина Аркадьевна, кандидат педагогических наук, заместитель декана переводческого факультета по воспитательной работе, Минский государственный лингвистический университет, кафедра теории и практики перевода № 1.

Сдобников Вадим Витальевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: Artist232@rambler.ru

Семенов Аркадий Львович, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет.

Сивохо Марина Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент, ВИ (ИТ) ВА МТО им. генерала армии А. В. Хрулева.

E-mail: marina.sivokho@mail.ru

Сидорова Елизавета Николаевна, магистрант, кафедра теории речи и перевода, факультет иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. E-mail: elizavetasidorova5@gmail.com

Синеокова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: tns57@rambler.ru

Соболева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны.

E-mail: sobolga@inbox.ru

Стахова Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина.

E-mail: alfalfahay@mail.ru

Степанов Евгений Сергеевич, кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: e.s.stepanov@spbu.ru; eugenity@mail.ru

Стефанова Елена Валентиновна, старший преподаватель, кафедра теории и практики перевода № 1, Минский государственный лингвистический университет.

- Стрелков Владимир Игоревич*, аспирант, кафедра перевода и прикладной лингвистики, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: vladd110@ Rambler.ru
- Тарасова Надежда Ивановна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: n.tarasova@narfu.ru
- Торопкина Диана Михайловна*, студентка, кафедра теории и практики немецкого языка и перевода, Высшая школа перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
- Тришина Мария Николаевна*, ассистент кафедры немецкого языка, Смоленский государственный университет.
E-mail: trim4ik@mail.ru
- Ускова Татьяна Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: t-uskova@bk.ru
- Фан Юань*, аспирант кафедры языкознания и лингводидактики, филологический факультет, Белорусский государственный педагогический университет. E-mail: 785976744@qq.com
- Федосова Оксана Витальевна*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: fedossova@yandex.ru
- Цветков Юрий Леонидович*, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет. E-mail: jzvetkow@mail.ru
- Цховребова Лана Зауровна*, зав. кафедрой иностранных языков, Юго-осетинский государственный университет.
E-mail: lanatskh@yandex.ru
- Чиков Максим Борисович*, кандидат филологических наук, доцент, зам. директора института непрерывного образования, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. E-mail: maxim.chikov@gmail.com
- Шамилов Равиддин Мирзоевич*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка и перевода, старший научный сотрудник

Международной научно-исследовательской лаборатории
«Теоретические и прикладные проблемы переводоведения»
Нижегородский государственный лингвистический универ-
ситет им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: raviddin@mail.ru

Шестопал Анастасия Юрьевна, ассистент кафедры теории и прак-
тики немецкого языка и перевода, Нижегородский государ-
ственный лингвистический университет им. Н. А. Добро-
любова. E-mail: an.shestopal@gmail.com

Шиман Екатерина Михайловна, аспирант, кафедра перевода и
прикладной лингвистики, директор центра международной
академической мобильности, Управление международного
сотрудничества, Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: e.shiman@narfu.ru

Шлепнев Дмитрий Николаевич, доцент кафедры теории и практи-
ки французского языка и перевода, Нижегородский госу-
дарственный лингвистический университет им. Н. А. Доб-
ролюбова. E-mail: shlepnyev@gmail.com

Шмакова Вероника Николаевна, аспирант, Череповецкий государ-
ственный университет. E-mail: ver_shmakova@mail.ru

Ajmal Shahim, MA, Instructor, English Department, Faryab Universi-
ty, Afghanistan. E-mail: ajmalshahim2021@gmail.com

Anosha Sobat, MA, Instructor, IT Department, Faryab University, Af-
ghanistan. E-mail: anoshasobat@gmail.com

Charalampidou Parthena, Aristotle University of Thessaloniki, Greece.

Ghulam Rasoul Zaini, MA, Instructor, IT Department, Faryab Univer-
sity, Afghanistan. E-mail: grzaini@gmail.com

Grammenidis Simos, Aristotle University of Thessaloniki, Greece.

Mawluddin Noori, MA, Instructor, English Department, Faryab Uni-
versity, Afghanistan. E-mail: mowluddin.noori2012@gmail.com

Mohammad Ibrahim Qani, Instructor, English Department, Faryab
University, Afghanistan. E-mail: ibrahim.qani@gmail.com

Научное издание

**ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ**

Сборник тезисов IV Общероссийской научной
онлайн-конференции с международным участием
«Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние»
10-11 октября 2020 г.

Оригинал-макет подготовлен Р. А. Ивановой

Подписано к печати 20.11.2020. Формат 60x88/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,9.
Заказ 130241/1. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «НРЛ»
603000 г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 60

